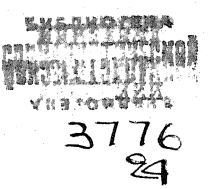
Проф. С. Глаголевъ.

BP
50

ИСЛАМЪ.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1904.

Оттиски изъ №№ Богословскаго Вѣстника за 1903 и 1904 гг.


3776
84

Печатать дозволяется. Августа 15 дня, 1904 года.
Ректоръ Академіи, Епископъ *Евдокимъ*.

ИСЛАМЪ.

1.

Религія со своей теоретической стороны есть выраженіе идеаловъ исповѣдующаго ее народа. Она говоритъ, что есть человѣкъ и чѣмъ онъ долженъ быть. Съ практической стороны религія наставляетъ, что нужно дѣлать для того, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ должно быть. Основатели религій обыкновенно и являлись выразителями идеаловъ народа. Но послѣдователи религіи обыкновенно въ ея ученіе и практическія требованія вносили оппортюнистическія поправки, которыя дѣлали религію теоретически ниже, но практически жизненнѣе и плодотворнѣе, такъ какъ ея требованія оказывались болѣе удобно исполнимыми, а ея представленія болѣе удобопонятными. Съ своими идеальными требованіями религія обыкновенно можетъ имѣть послѣдователей лишь между избранными натурами, но поступаясь идеалами, она привлекаетъ болѣе обширный кругъ почитателей; становясь мелче, она становится шире. Исламъ представляетъ въ ряду религій ту особенность, что въ немъ практическія поправки въ теоретическомъ ученіи внесены уже самимъ основателемъ религіи Магометомъ. Въ ученіи Магомета, какъ оно изложено въ коранѣ, поэтому должно различать теоретическіе идеалы и ихъ оппортюнистическое приниженіе до наличной дѣйствительности. Нужно имѣть въ виду при этомъ, что дѣло приниженія религіозныхъ идеаловъ совершается обыкновенно не путемъ сознательнаго обмана, а пу-

темъ безсознательнаго подчиненія окружающей средѣ. Въ дѣятельности Магомета это происходило такъ же, какъ и въ судьбахъ другихъ религій.

Исламъ характеризуется ясно и строго выраженнымъ ученіемъ о единомъ Богѣ. Магометъ постоянно проповѣдывалъ о единомъ милостивомъ и милосердомъ Богѣ. Откуда возникло это единобожіе и какъ могли принять и усвоить его некультурные обитатели аравійскаго полуострова? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ различнымъ образомъ. Говорятъ о христіанскомъ и еврейскомъ вліяніи на арабовъ. Несомнѣнно, между ними жило много несторіанъ и монофизитовъ, близко къ нимъ жили гностики, остатки которыхъ существуютъ и до настоящихъ дней. Много жило евреевъ особенно въ Мединѣ. Указываютъ и на родство арабовъ съ евреями, на генеалогіи Библіи и корана одинаково производящихъ поселенцевъ Аравіи отъ Авраама. Выходитъ, что арабы произошли отъ монотеистовъ и жили среди монотеистовъ. Но несомнѣнно, что до VII в. по Р. Х. на арабскомъ полуостровѣ существовали и многобожіе и идолопоклонство. Чѣмъ далѣе мы будемъ отступать въ древность, тѣмъ эти многобожіе и идолопоклонство оказываются ярче и рѣзче выраженными. Отсюда вытекаетъ, что совершенно напрасно въ вѣрованіяхъ позднѣйшихъ арабовъ искать слѣдовъ непосредственнаго вліянія Авраама и Измаила. Можно составить гипотезу, что въ нѣкоторой части арабовъ сохранялось истинное богопочитаніе, по крайней мѣрѣ съ незначительными искаженіями, сохранялись преданія тоже въ довольно близкомъ къ истинѣ видѣ, что изъ этой общины вышелъ или по крайней мѣрѣ къ ней примкнулъ Магометъ. Такая гипотеза прекрасно объясняетъ многія страницы корана и духъ ученія Магомета, но должно сознаться, что для нея не имѣется никакихъ основаній. Правда, историческій періодъ жизни арабскаго народа въ сущности начинается съ Магомета, но однако теперь открыто довольно много памятниковъ, говорящихъ о религіозномъ прошломъ Аравіи и за много вѣковъ до появленія пророка. Эти памятники говорятъ о многобожіи, но ничего не говорятъ объ Авраамѣ. За всѣмъ тѣмъ гипотеза сохраненія религіозной истины и религіозныхъ преданій въ нѣкоторой вѣтви арабовъ, разумѣется, не можетъ быть отвергнута a priori, нужно только помнить, что она

ничѣмъ не доказана. Покойный Вл. Соловьевъ представляетъ одно доказательство этого. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что преданія объ Адамѣ, Евѣ, Авраамѣ, Агари и Измаилѣ связываются у арабовъ съ Меккою, гдѣ евреи никогда не жили, и дѣлаетъ выводъ, что преданія эти заимствованы не отъ евреевъ, что, слѣдовательно, они преданы отцами арабовъ своимъ потомкамъ. Самъ Соловьевъ впрочемъ отмѣчаетъ теорію Дози, по которой Мекка первоначально была еврейскимъ поселеніемъ, оговариваясь лишь, что теорія Дози не нашла признанія въ наукѣ. Это вѣрно. Но развѣ Мекка отстоитъ далеко отъ Медины, которая была мѣстомъ обитанія многихъ евреевъ? Развѣ евреи по торговымъ дѣламъ не бывали въ Меккѣ? Развѣ тѣ арабы, которые слушали разсказы евреевъ въ Мединѣ, не переселялись потомъ въ Мекку? У народовъ вовсе нельзя даже отмѣтить тенденціи, по которой бы они всегда стремились преданія прошлаго пріурочивать къ мѣсту своего настоящаго обитанія. Развѣ съ Іерусалимомъ евреи связываютъ свою древнѣйшую исторію? Развѣ русскіе представляютъ, что ихъ первоначальная судьба связана съ Москвою? То обстоятельство, что по арабскимъ сказаніямъ Адамъ воздвигъ храмъ въ Меккѣ, Авраамъ съ Измаиломъ его возстановили, что тамъ блуждала Агарь, которой ангелъ Гавріилъ указалъ источникъ Замъ-замъ, обстоятельство это не выяснено, но что тысячи различныхъ и случайныхъ причинъ могли его создать, это несомнѣнно. Существуютъ странствующіе разсказы и повѣсти и такія повѣсти принятыя отъ другихъ народовъ многіе народы легко и крѣпко вплетываютъ въ свою исторію и родословную. У насъ Иванъ Грозный пытался произвести себя отъ Прусса, брата римскаго императора Августа. Эта родословная не удалась. Но родословная Августа отъ Энея держалась столѣтія. Мекка была важнымъ пунктомъ на арабскомъ полуостровѣ, съ ней связали и важныя преданія.

Но усвоеніе нѣкоторыхъ преданій монотеистическаго народа, конечно, не есть еще усвоеніе монотеизма. Нѣкоторыя сказанія браманизма и буддизма почти буквально сходны съ нѣкоторыми повѣствованіями Библіи. Однако ученіе о божествѣ этихъ религій очень различно. Еслибы арабы приняли іудейство, то конечно, они приняли бы и монотеизмъ.

Но они не приняли вѣры евреевъ, они имѣли дѣла съ евреями, несомнѣнно знали еврейскія повѣствованія и еврейскія преданія, но они не отрекались отъ вѣры своихъ боговъ. Можетъ быть мы будемъ недалеко отъ истины, если выскажемъ догадку, что принятіе ими монотеизма было для нихъ легко, потому что съ самаго древняго времени у нихъ были монотеистическія тенденціи и хотя у нихъ держался политеизмъ, но онъ имѣлъ такой характеръ, что всегда легко могъ перейти въ монотеизмъ. Можно не соглашаться съ объясненіями Ренана, но нельзя совсѣмъ признавать несправедливымъ его положеніе, что семитамъ свойствененъ монотеизмъ. Есть много фактовъ, обнаруживающихъ въ семитахъ наклонность многихъ боговъ замѣнять однимъ. Такъ, въ Ассиріи нѣкогда богъ Набу или Небо вытѣснилъ другихъ боговъ—правда, на недолгое время, но въ Вавилонѣ Мардукъ оттѣснилъ на второй планъ всѣхъ другихъ боговъ на долго. Отъ Хамоса моавитянъ вѣетъ единобожіемъ. Теогоніи финикіянъ до сихъ поръ заставляютъ нѣкоторыхъ ученыхъ утверждать, что въ Финикіи былъ монотеизмъ. Сущность всѣхъ этихъ фактовъ состоитъ въ томъ, что у семитическихъ народовъ одинъ богъ или въ теоріи (въ теогоніяхъ) или на практикѣ (въ культѣ) настолько отодвигалъ отъ себя другихъ боговъ, что становился какъ бы богомъ единственнымъ. Въ ряду семитовъ арабы обладали еще нѣкоторымъ особеннымъ свойствомъ, что дѣлало для нихъ наиболѣе удобопріемлемою доктрину монотеизма: они были крайне свободолюбивы. Тамъ, гдѣ доктрина политеизма была разработана: политеизмъ тысячью предписаній стѣснялъ свободу человѣка. Въ такое то время онъ долженъ былъ имѣть дѣло съ такимъ богомъ, въ такое то съ такимъ то. Формы почитанія каждаго бога были строго регламентированы и опредѣлялись индивидуальными особенностями бога. Но тамъ, гдѣ на мѣсто множества боговъ поставлялся одинъ всемогущій, милостивый и милосердый Богъ, строго разработанный и мелочный ритуализмъ и формализмъ теряли свое значеніе. И въ этомъ отношеніи для свободолюбивыхъ сыновъ пустыни монотеизмъ являлся сравнительно болѣе привлекательною формою религіи.

Боги древней Аравіи, это тѣже старые боги Халдеи. Илъ, Билъ, Шамсъ, Атхоръ, Синъ, Симданъ представляютъ собою

лишь слегка измѣненныя (а Синъ даже неизмѣненное) имена вавилонскаго пантеона. Такое имя, какъ Дху-Самави представляетъ буквальный переводъ финикійскаго Ваалъ-Самаинъ. У сѣверныхъ арабскихъ племенъ встрѣчаются культы и буквально тождественные съ культами ханаанскихъ сирійскихъ и вавилонскихъ племенъ (см. Чис. XXII—XXV). Но одно божество выдѣляется въ арабскомъ пантеонѣ, поднимается надъ другими, заслоняетъ собою ихъ и въ концѣ концовъ ихъ вытѣсняетъ. Это—Аллахъ. Въ глубокой древности ему придавалось еще имя Илъ-Макахъ—богъ, который внимаетъ. Культъ его былъ наиболѣе распространенъ. Его называли Аллахъ таала—высшее божество. Въ клинообразныхъ надписяхъ, говорящихъ о состояніи Аравіи въ VIII—VII в.в. до Р. Х. имя Аллахъ часто входитъ въ составъ географическихъ обозначеній, каковы—наприм., Ау-Аллахъ, Шамъ-Аллахъ. Предъ временемъ Магомета секта ганифовъ исповѣдывала вѣру въ единаго бога Творца-Аллаха [1]). Въ вѣрованіяхъ этой секты, какъ вообще въ вѣрованіяхъ арабскихъ племенъ позднѣйшей эпохи, было много іудейскихъ и христіанскихъ элементовъ, но имя Аллаха ведетъ насъ въ древность много предшествующую появленію христіанства. Аллахъ вытѣснялъ другихъ боговъ постепенно, онъ ограничивалъ ихъ власть, закрывалъ ихъ имена своимъ именемъ, и они постепенно ниспадали на роль—духовъ, благодѣтельствующихъ или вредящихъ людямъ. Таковы, джинны, гули (духи вредоносные), подобными являются и Бенатъ Аллахъ—дочери Аллаха. Но прежде чѣмъ настала эта эпоха, слѣды которой еще видны въ коранѣ, древніе боги семитовъ господствовали въ Аравіи подъ самыми различными именами. Съ свойствами бога солнца являются здѣсь Атаръ-Самаинъ, Уроталъ, Изафъ, Вадъ, Манафъ, Ягутъ, Яукъ, Хобалъ. Лунное божество, которое управляетъ рожденіями, называлось Алилатъ-Аллатъ, Хаила, Саваха, Монатъ. Характерно развитъ въ арабской теологіи образъ гермафродитнаго божества Аторъ или Атаръ. Это имя часто встрѣчается

---

[1]) Слово *ганифъ* по Шпренгеру значитъ отступникъ, нечестивецъ отъ корня hnf—отвращаться. По Велльгаузену это слово можно перевести: *аскетъ* (см. Крымскаго—Исторія мусульманства. М. 1903). По Мюллеру (Der Islam) ганифами назывались христіане евіониты.

на гиміаритскихъ надписяхъ. Аторъ представлялся, какъ лицо мужеское и назывался отцомъ Сина, но въ тоже время Аторъ лицо совершенно женское. Аторъ — Venus barbata, царь Астарта. Аторъ упоминается въ клинообразныхъ надписяхъ Ассурбанипала, какъ одно изъ главныхъ арабскихъ божествъ: Атаръ-Самаинъ-Атаръ небесъ. Этотъ образъ сближаютъ съ египетской Гаторъ и полагаютъ, что культъ ея былъ введенъ фараонами на западномъ берегу аравійскаго полуострова.

Въ религіи арабовъ получилъ преобладающее значеніе сабеизмъ—почитаніе свѣтилъ. Почитали семь планетъ (т. е. солнце, луну и пять планетъ извѣстныхъ древнимъ), наиболѣе обращающія на себя вниманіе звѣзды, каковы—Альдебаранъ (глазъ тельца), Канопусъ (Сохаиль), Сиріусъ (Шаари лебуръ), почитались Плеяды, зодіакальныя созвѣздія. Жившіе въ своихъ пустыняхъ жизнію природы, арабы ближе и больше должны были видѣть связь земной жизни съ небесными перемѣнами. Весною предъ равноденствіемъ арабы держали тридцатидневный постъ въ честь поднятія солнца на небо (на наибольшую высоту), и затѣмъ предъ наступленіемъ равноденствія, когда солнце вступало въ знакъ овна (♈), у нихъ устраивался торжественный праздникъ. Зодіакъ арабы называли кругомъ двѣнадцати укрѣпленій. О звѣздахъ у нихъ была составлена цѣлая серія поэтическихъ сказаній. Звѣзды для нихъ были живыми душами, исторія которыхъ часто представляла ужасную трагедію. Канопусъ былъ мужемъ Алъяузы (Оріона), онъ умертвилъ жену, бѣжалъ къ полярной звѣздѣ, его преслѣдовалъ Шаари лебуръ. Годъ у аравитянъ былъ лунный, нѣкоторые изъ мѣсяцевъ назывались святыми, названія нѣкоторыхъ буквально должно переводить такъ: непоколебимо святый, высоко чтимый, мѣсяцъ открытія, мѣсяцъ паломничества.

Узнавая отъ другихъ или приходя къ мысли, что эта звѣздная гармонія есть твореніе единаго всѣмъ управляющаго Бога, арабъ затѣмъ приходилъ къ мысли, къ какой всегда приходили всѣ народы, что этотъ Богъ есть Богъ преимущественно его, покровительствующій особенно ему, наиболѣе требующій отъ него почтенія и Ему и имѣющій наиболѣе воздать. Это вѣрованіе общечеловѣчно. Человѣкъ обыкновенно поставляетъ самого себя въ томъ центрѣ человѣче-

ства, которому наиболѣе покровительствуетъ Богъ. Можетъ быть это есть слѣдствіе того, что всякій человѣкъ вѣрующій въ Бога правильно и неправильно, такъ или иначе, болѣе и менѣе чувствуетъ на себѣ воздѣйствіе Божества и не наблюдаетъ его на людяхъ чуждыхъ ему и далекихъ. Многіе изслѣдователи приходятъ къ заключенію, что арабы—народъ мало религіозный. Въ доказательство приводятъ разсказы о томъ, какъ равнодушно относились нѣкоторые къ обѣщаніямъ рая или ада, которыя дѣлалъ Магометъ. Но изъ этихъ разсказовъ нельзя дѣлать тѣхъ выводовъ, которые дѣлаютъ изъ нихъ обыкновенно. Равнодушіе къ обѣщаніямъ рая или ада можетъ имѣть своимъ источникомъ недовѣріе къ обѣщающему и неотчетливость представленій рая или ада. Арабы—люди чувства, такіе обыкновенно бываютъ религіозными. Кто видѣлъ и зналъ арабовъ атеистовъ? Ихъ философія въ значительной части была мистическою и ихъ раціонализмъ никогда не поднимался до отрицанія божества. Весьма поучительно, что съ слабо развитымъ политеизмомъ, съ неразвитымъ идолопоклонствомъ (эстетическую природу араба отталкивало безобразіе идола) у арабовъ былъ широко развитъ фетишизмъ: они почитали камень каабы, источники, деревья, священныя мѣста. На что указываетъ это? На то, что арабъ вездѣ чувствовалъ божественное. По своему развитію арабъ первыхъ вѣковъ христіанской эры стоялъ много выше грубаго африканскаго фетишиста. Но его чутко-нервная натура воспринимала воздѣйствіе окружающей природы, какъ воздѣйствіе божества. Пустыня была для араба храмомъ и въ ея безмолвіи онъ постоянно слышалъ голосъ Бога. Ко времени Магомета во многихъ уже утвердилась истина, что этотъ Богъ—одинъ Аллахъ. Избранный народъ, конечно, тотъ, который почитаетъ Аллаха. Во времена древнія арабы дробились на множество племенъ, которыя противополагали себѣ такъ же, какъ еллинъ варвару или іудей язычнику. Но вотъ—у различныхъ племенъ оказывается одно имя божества (Аллахъ), одно пониманіе божества. Затѣмъ постепенно открывалось, что эти племена имѣютъ между собою много общаго такого, чего не имѣютъ другіе народы: общій языкъ, сходныя преданія, тожественные обычаи и одинаковыя воззрѣнія. Рядомъ съ идеею о единствѣ божества у арабовъ начинаетъ возникать и расти идея един-

ства націи. Ганифы не были обособленнымъ племенемъ арабскаго народа, они были, переводя буквально значеніе слова, отступниками отъ разныхъ племенъ для того, чтобы всѣ племена объединить въ одинъ народъ. Мало этого. Международныя сношенія арабовъ,—весьма также вѣроятно,—библейскія и христіанскія сказанія постепенно развивали мысль и о единствѣ не только арабскихъ племенъ, не только даже семитовъ, но вообще всего человѣчества. Отсюда слѣдовалъ выводъ, что и другіе народы не изъяты изъ сферы божественнаго попеченія, что божественное промышленіе всеобще. Этотъ выводъ подсказывалъ новый выводъ, что съ проповѣдью объ истинномъ Богѣ должно обращаться ко всѣмъ народамъ.

Магометъ былъ тѣмъ, кому было суждено ввести въ общее арабское сознаніе идею единства божества и единства человѣчества. То и другое положеніе въ соединеніи со многими иными, развивавшими и дополнявшими ихъ, не были новы для арабовъ. Магометъ и не называлъ себя новаторомъ... Онъ всегда утверждалъ, что Богъ отъ вѣка открывалъ свою волю на землѣ, что воля Его была извѣстна. Пріемъ Магомета обычный пріемъ основателей религій. Основатель религіи прежде всего религіозенъ самъ. Религіозный человѣкъ не допуститъ мысли, что Богъ до него оставлялъ людей въ религіозномъ невѣдѣніи. Мысль, что Богъ всегда возвѣщалъ людямъ истину, является для него религіознымъ постулатомъ. Но наблюденіе открываетъ далѣе религіозному мыслителю, что люди считаютъ истиной грубѣйшую и вредную ложь и что и то, что въ преданіяхъ человѣческихъ является религіозною истиною, недостаточно для руководства людей. Отсюда—теорія и практика возстановленія и дополненія откровенія. Магометъ руководился ею. Въ религіозно-нравственномъ ученіи Магомета не было ничего такого, что бы могло побудить къ упорной и кровопролитной войнѣ, причина борьбы, которую пришлось пережить Магомету, лежала не въ ученіи Магомета о Богѣ и обязанностяхъ человѣка къ Богу, она заключалась въ ученіи Магомета о самомъ себѣ. Онъ—Магометъ посланникъ Божій, призванный утвердить въ сознаніи арабскаго народа истины возвѣщенныя изначала, онъ возвѣщалъ не новое, а то, что Богъ говорилъ отцамъ арабовъ издревле и если онъ порою до-

полняетъ раннія откровенія, то онъ во всякомъ случаѣ не прогрессируетъ. Но онъ посланникъ Божій, онъ знаетъ и возвѣщаетъ религіозныя истины точно. *Его всѣ обязаны слушать и ему обязаны подчиняться.* Вотъ—новый догматъ вѣры провозглашенный Магометомъ, который прежде чѣмъ быть принятымъ, долженъ былъ стать предметомъ многихъ споровъ. Для арабовъ ранѣе существовалъ одинъ авторитетъ—традиція, обычаи предковъ. По традиціи арабы жили, по традиціи выбирали шейховъ-управителей племенъ, по традиціи мстили, воевали, мирились. И вотъ, вдругъ изъ среды арабовъ поднимается человѣкъ, который говоритъ, что болѣе, чѣмъ силѣ обычаевъ, болѣе, чѣмъ власти шейховъ, арабы обязаны повиноваться ему. Немного вообще бываетъ охотниковъ надѣвать на себя безъ постороннихъ принужденій ярмо и то обстоятельство, что арабы всетаки такое религіозное ярмо надѣли, заставляетъ предполагать въ нихъ значительный религіозный энтузіазмъ. Иногда, правда, это ярмо надѣвалось и по прозаическимъ побужденіямъ. Когда Магометъ уже съ многочисленными послѣдователями двинулся изъ Медины на Мекку и расположился станомъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣдней, нѣкто Абу-Софьянъ былъ посланъ изъ Мекки на развѣдки о силахъ Магомета. Абу-Софьяна встрѣтилъ Аббасъ—приверженецъ Магомета и сталъ убѣждать его, чтобы онъ склонилъ мекканцевъ покориться Магомету. Дѣйствительность должна была показать Абу-Софьяну, что не оставалось ничего, какъ покориться. Когда убѣждаемый въ этой истинѣ онъ былъ приведенъ Аббасомъ въ палатку Магомета, Магометъ спросилъ его: „ну, Абу-Софьянъ, убѣжденъ ли ты теперь, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха?“—„Благородный повелитель, еслибы былъ еще иной Богъ, Онъ помогъ бы мнѣ побольше“. — „Признаешь ли ты теперь и то, что я посланникъ Божій?“—„Благородный повелитель, прости меня, что въ этомъ отношеніи я питаю кое-какія сомнѣнія“. „Горе тебѣ, вскричалъ тогда присутствовавшій при разговорѣ Аббасъ, теперь не время сомнѣваться, произнеси исповѣданіе вѣры, я настоятельно этого требую отъ тебя, а не то голова съ плечъ“. Этотъ аргументъ Абу-Софьянъ нашелъ убѣдительнымъ и произнесъ: нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ

Его [1]). При подобныхъ обстоятельствахъ, конечно, многіе сдѣлались бы магометанами, но важно, что Абу-Софьянъ, мекканцы и многіе иные остались магометанами и послѣ того, какъ эти обстоятельства миновали. Арабъ свободолюбивъ, онъ переоцѣниваетъ свои индивидуальныя силы, представляетъ ничтожными силы противниковъ и потому уловить такого сына свободы въ послушаніе вѣры нелегко. Затѣмъ, арабъ человѣкъ чувства и страстей. Поработить свои страсти требованіямъ какого бы то ни было закона для него трудно. Рабъ чувства арабъ несклоненъ быть рабомъ чьего-либо произвола или чьихъ-либо случайныхъ и посторонникъ требованій. Для него легче сгорѣть въ огнѣ собственной страсти, чѣмъ жить въ рабскомъ подчиненіи какому-то закону. Для характеристики страстной природы араба весьма поучительнымъ является преданіе объ узритахъ, съ которыми, по своему происхожденію, былъ родственъ пророкъ. У бедуина спросили однажды: „какого онъ племени“? Онъ отвѣчалъ: „я принадлежу къ тѣмъ, которые умираютъ, если полюбятъ“. Тогда одна молодая дѣвушка присутствовавшая при разговорѣ и внимательно къ нему прислушивавшаяся воскликнула: „клянусь всемогущимъ богомъ, это — узритъ“. Узра это одно южно арабское племя. Гейне въ своемъ драгоцѣнно художественномъ стихотвореніи называетъ его Азра („Магометъ я изъ Іемена, родомъ Азра, всѣ мы въ родѣ умираемъ, какъ полюбимъ“). Арабское преданіе говоритъ, что нѣкая Фатима, вдова Килаба изъ племени корейшитовъ, проживавшая въ Меккѣ и имѣвшая двухъ сыновей Зухра—почти юношу и Зейда—маленькаго ребенка—вышла за узрита и поселилась съ мужемъ въ ятрибѣ (позднѣйшей Мединѣ). Зухра Фатима оставила на родинѣ, а Зейда взяла съ собою. Отъ мужа узрита Фатима родила сына, котораго назвала Ризахъ. Зейдъ воспитывался вмѣстѣ съ своимъ своднымъ братомъ и такъ какъ жилъ въ отдаленіи и обособленіи отъ своей родины, то получилъ имя Косай („бѣдняжечка“ отъ kassi—отдѣлять, удалять). Впослѣдствіи Косай вернулся въ Мекку, здѣсь онъ женился на дочери Хулейля, въ рукахъ котораго находилась величайшая святыня Мекки и арабовъ—камень каабы. Нерѣдко ключи отъ этой святыни

[1]) См. Крымскаго op. cit. стр. 79.

Хулейль передавалъ Косаю. Но наслѣдникомъ своимъ Хулейль назначилъ не Косая, но своего соплеменника Абу-Губшана и ему передалъ ключи отъ храма. Косай напоилъ Абу-Губшана пьянымъ. Абу-Губшанъ сталъ просить вина еще. Косай согласился дать ему вина за ключи отъ каабы. Абу-Губшанъ отдалъ ключи за глотокъ вина Косаю, подобно какъ нѣкогда Исавъ отдалъ Іакову первородство за чечевичную похлебку. Послѣ этого Абу-Губшанъ вошелъ въ пословицу у арабовъ. Выраженія: „покупка Абу-Губшана“ и „глупѣе Абу-Губшана“ заключаютъ въ себѣ глубочайшее презрѣніе. Но захватившему ключи Косаю затѣмъ пришлось еще ихъ отстаивать отъ притязаній соплеменниковъ Абу-Губшана и вотъ въ борьбѣ съ ними Косай привлекъ на свою сторону своднаго брата Ризаха и узритовъ. Такимъ образомъ даже это племя страсти Косаю удалось подчинить своему авторитету и привлечь къ своимъ интересамъ. Косай, по преданію, былъ дѣдомъ прадѣда Магомета.

Генеалогію пророка традиція представляетъ слѣдующимъ образомъ: Корейшъ (отъ него племя корейшитовъ)... Черезъ неопредѣленное число поколѣній отъ Корейша Косай, затѣмъ непрерывный рядъ: Абдъ-Менафъ, Хашимъ, Абдъ-эль-Мутталибъ, Абдалла, Магометъ. Имя отца Магомета Абдъ-Алла значитъ служитель Аллы, служитель божій, имя его матери Амина, значитъ вѣрная. Трудно настаивать на правдивости этой генеалогіи или опровергать ее. Во всякомъ случаѣ эта традиціонная генеалогія, боковыя вѣтви которой показываютъ отношеніе Магомета къ другимъ арабскимъ родамъ (въ частности наприм., къ роду выше упомянутаго Абу-Софьяна) отражаютъ въ себѣ характеръ взаимоотношеній этихъ родовъ въ эпоху Магомета.

Дѣло Магомета—созданіе Ислама (Исламъ значитъ послушаніе, покорность) тѣснѣйшимъ образомъ связано съ его жизнью и съ жизнью близкихъ къ нему лицъ. Это естественно должно было произойдти, какъ слѣдствіе появленія новаго догмата, о которомъ было сказано выше—догмата послушанія пророку и затѣмъ его преемникамъ. Особенность ислама та, что онъ прямо при своемъ возникновеніи и болѣе всего вскорѣ послѣ своего возникновенія сталъ религіею политическою. Если имѣть въ виду вѣро-и-нравоученіе ислама, то онъ является религіею, которую нѣтъ нужды

связывать ни съ какою опредѣленною личностію. Но если не ограничиться этимъ, а постараться понять исламъ, какъ историческое явленіе, то необходимо прежде всего узнать личность и жизнь его основателя—Магомета.

2.

Магометъ [1])—слишкомъ историческое лицо, чтобы около него можно было сплетать много неисторическихъ легендъ. Преданіе не представляетъ его ни царскимъ сыномъ, какъ Будду, не сверхъестественнымъ посланникомъ на землю, при появленіи котораго творятся безчисленныя чудеса и ликуютъ высшія силы, какъ это происходитъ при аватарахъ Вишну. Ни усердіе почитателей, ни фантазія поэтовъ не могли отвергнуть факта,—хотя несомнѣнно нѣсколько исказили и затемнили его,—что Магометъ происходилъ изъ незнатной и бѣдной семьи, что вся его жизнь вплоть до зрѣлаго возраста была очень прозаическою. Годомъ рожденія Магомета обыкновенно называютъ 570. Приблизительно эта цифра вѣрна, но на точности ея нельзя настаивать. Днемъ рожденія называютъ 20 апрѣля, но нѣкоторые склонны таковымъ считать и 27 августа. 570-й годъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ слоноваго. Войска абиссинскаго негуса въ этотъ годъ съ большимъ количествомъ слоновъ осадили Мекку. Эти войска поразила язва, какъ нѣкогда полчища Сеннахерима. Преданіе хочетъ, чтобы въ ночь этого пораженія родился Магометъ, и чтобы въ эту же ночь неугасимый огонь, непрерывно поддерживавшійся въ храмѣ

---

[1]) Данныя о жизни Магомета представляютъ прежде всего коранъ и затѣмъ преданія (хадисы), которыя начали собираться и записываться уже вскорѣ послѣ смерти пророка. Въ русскомъ переводѣ имѣется „жизнь Магомета“ написанная *Ибнъ-Гишамомъ* (умершимъ около 830 г.) и представляющая переработку труда *Ибнъ-Исхака* (умершаго около 768) отъ котораго цѣпь преданій легко довести до Аиши, жены Магомета. Изъ біографій составленныхъ европейскими учеными должны быть названы *Веллыаузена* (Магометъ въ Мединѣ), *Ганье* (Жизнь Магомета), *Вейля* (пророкъ Магометъ) *Мюира* (жизнь Магомета), *Шпренгера* (жизнь и ученіе Магомета), *Креля* (жизнь Магомета), *Гримме* (Магометъ), *Мюллера* (Исламъ на востокѣ и западѣ; имѣется въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: исторія Ислама), *Петрова* (Магометъ), *Вл. Соловьева* (Магометъ, почти исключительно по Мюллеру), *Крымскаго* (Исторія мусульманства, именно переводъ статей Дози и Гольдціера съ самостоятельными дополненіями).

Ормузда въ теченіе 1000 лѣтъ, погасъ, приведя этимъ въ трепетъ персидскаго царя Хозроя. Религіи Ормузда Магометъ дѣйствительно нанесъ роковой ударъ. Что же касается до слоновъ и войскъ абиссинскаго негуса, пораженныхъ невидимою высшею силою, то Магометъ не побѣдилъ ни войны, ни христіанства. Войны онъ даже умножилъ. Изъ христіанства исламъ отторгъ самые малоцѣнные и сомнительные элементы. Да и торжество его надъ этими элементами теперь представляется уже неособенно прочнымъ. По отношенію къ языческимъ арабамъ Магометъ своимъ ученіемъ не удалилъ, а, наоборотъ, приблизилъ ихъ къ христіанству.

Въ числѣ предковъ Магомета называютъ Абдъ-Менафа. Менафъ—имя языческаго арабскаго божества. Не указываетъ ли это на то, что въ самомъ родѣ пророка могъ отчасти держаться политеизмъ. Впослѣдствіи Магометъ далъ тоже имя одному изъ своихъ сыновей. Это было значительно раньше его выступленія на религіозное служеніе. Не былъ ли и самъ пророкъ нечуждъ тогда мысли о многихъ богахъ? Есть одно преданіе, котораго мы коснемся позже и которое даетъ основанія для такого предположенія. Но положительныхъ данныхъ о религіи предковъ Магомета не имѣется. Отецъ Магомета небогатый купецъ Абдулла вскорѣ послѣ своего брака съ Аминой долженъ былъ по торговымъ дѣламъ отправиться въ Газу и на обратномъ пути изъ этого города умеръ мѣсяца за два до рожденія сына, которому дали имя Магометъ. Преданіе представляетъ, что мать Амина отдала его на воспитаніе кормилицѣ въ деревню. Мюллеръ склоненъ видѣть въ этомъ преданіи тенденцію приписать Магомету родовитость и знатность, такъ какъ только богатыя городскія женщины имѣли средства нанимать кормилицу и воспитывать своихъ дѣтей на свѣжемъ деревенскомъ воздухѣ. Но подробности этого преданія показываютъ, что если оно и имѣло въ виду возвеличить Магомета, то не на счетъ его рода и богатства. Женщины изъ племени Бени-Садъ явились въ Мекку съ предложеніемъ себя въ кормилицы. Въ числѣ ихъ была нѣкая Халима, у ней былъ мужъ и ребенокъ. Ея имущество состояло изъ ослицы и верблюдицы не дававшей молока. У самой Халимы молока тоже не было. Былъ голодъ. Заработка найдти не удавалось. Ея товарки нашли себѣ питомцевъ. Но ей представлялась воз-

можность взять только Магомета. О немъ говорили: „это— сирота, за него немного получишь". Значитъ, Магометъ считался бѣднымъ. Однако Халима съ согласія мужа и въ надеждѣ на благословеніе Аллаха взяла мальчика. Благословеніе Аллаха не замедлило явиться. У Халимы появилось молоко, у верблюдицы тоже, у ослицы — необыкновенная рысь; въ безводной области, гдѣ они жили, явилась вода. У нихъ оказался достатокъ. Это побудило Халиму предложить матери Магомета продержать у ней мальчика далѣе нужнаго времени. Амина согласилась. Но Халимѣ вскорѣ пришлось взять назадъ свое предложеніе. „Мѣсяцъ спустя (послѣ вторичнаго водворенія Магомета у Халимы) онъ какъ-то разъ былъ съ своимъ молочнымъ братомъ возлѣ стадъ, которыя паслись—передаетъ преданіе устами Халимы — позади нашего кочевья, и вдругъ его братъ закричалъ намъ: два человѣка въ бѣлой одеждѣ схватили нашего корейшита, повалили его на землю и распороли ему тѣло. Я съ мужемъ кинулась туда. Видимъ. Магометъ стоитъ, но блѣденъ. Спрашиваемъ, что случилось? Онъ говоритъ, что два человѣка распороли ему тѣло и чего-то тамъ искали, а чего — онъ самъ не знаетъ. Испуганные этимъ случаемъ воспитатели Магомета отвели его къ матери и здѣсь, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Халима объяснила, почему она то просила себѣ Магомета, то теперь возвращаетъ его. Амина сказала: ты боишься, какъ бы имъ не овладѣлъ бѣсъ... Клянусь Аллахомъ, ничего такого не будетъ, діаволъ надъ нимъ не имѣетъ силы... Когда я была имъ беременна, изъ меня вышелъ такой яркій свѣтъ, что я могла видѣть бастрійскіе дворцы. А какъ только родила его на свѣтъ, онъ положилъ свои ручонки на землю и поднялъ голову къ небу". По другой версіи маленькій Магометъ игралъ однажды съ другими дѣтьми. Вдругъ является ангелъ Гавріилъ, схватываетъ его, распарываетъ тѣло, вырываетъ изнутри дымящійся кровью кусокъ и бросаетъ въ сторону говоря: это принадлежитъ діаволу. Потомъ онъ омываетъ внутренности водою изъ Замъ-Замъ, которую принесъ съ собою въ золотой чашѣ и закрылъ рану. Дѣти бросились съ крикомъ: Магомета убили. Халима нашла его распростертаго на землѣ и блѣднаго какъ смерть. Повѣствователь добавляетъ отъ себя: мы сами видѣли на груди его глубокій шрамъ.

Нѣкоторые изслѣдователи пользуются этимъ разсказомъ для доказательства, что Магометъ съ ранняго дѣтства подвергался припадкамъ и галлюцинаціямъ. Версіи разсказа для нихъ безразличны, но въ основѣ ихъ они хотятъ видѣть дѣйствительный фактъ. Но еслибы не было даже никакихъ данныхъ для объясненія этого сказанія, и то естественно подсказывается мысль, что это сказаніе возникло въ цѣляхъ морально-дидактическихъ. Магометъ въ раннемъ дѣтствѣ сверхъестественнымъ образомъ былъ очищенъ отъ скверны грѣха и сталъ святымъ. Это естественное предположеніе находитъ себѣ и потвержденіе и дополненіе въ 103 и 104 сурахъ (главахъ) корана. Въ 103 сурѣ говорится: „Онъ (Богъ) нашелъ тебя заблудшимъ и наставилъ". 104 сура начинается отъ имени Бога: „Не открывали ли мы твоего сердца? И не сняли ли бремя, тяготившее твои плечи (1—3)". Такимъ образомъ Магометъ сообщаетъ о себѣ въ коранѣ, что онъ нѣкогда былъ заблудившимъ и носилъ бремя грѣховъ, но что Богъ наставилъ его на путь истины и снялъ съ него бремя грѣховъ. Эти суры подали поводъ вложить въ уста Магомета слѣдующее повѣствованіе: однажды я полулежалъ около Каабы, какъ вдругъ пришелъ ко мнѣ нѣкто, вскрылъ мое тѣло отъ груди до пупа и забралъ мое сердце. Поднесенъ былъ ко мнѣ сосудъ наполненный вѣрою (водою?); въ немъ обмыли мое сердце и положили его на прежнее мѣсто. Нужно ли на самомъ дѣлѣ сомнѣваться въ томъ, что образныя выраженія корана подали поводъ для составленія всѣхъ этихъ варіантовъ на тему

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ
И сердце трепетное вынулъ.

Пользоваться этими сказаніями для составленія діагноза, предполагаемой болѣзни Магомета, рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній.

Магомету было 6 лѣтъ, когда умерла его мать Амина. Онъ остался теперь круглымъ сиротою и былъ отданъ на воспитаніе своему дѣду по отцу Абдъ-эль-мутталибу. Этому дѣду было уже 80 лѣтъ. Преданіе говоритъ, что онъ баловалъ Магомета, позволялъ ему то, чего не позволялъ другимъ, потому что провидѣлъ его великую будущность. Умирая онъ поручилъ Магомета своему сыну Абдъ-Менафу, болѣе извѣстному подъ именемъ Абу-Талиба. Въ составъ имени этого

дяди Магомета опять входитъ языческое божество, и любопытно, что впослѣдствіи наименованіемъ Абу-Талибъ совершенно почти вытѣснили имя Абдъ-Менафъ. Это заставляетъ думать, что имя Менафъ—не случайность, а признакъ язычества и что поэтому благодарная память потомства и постаралась уничтожить этотъ признакъ у одного изъ благороднѣйшихъ покровителей и друзей Магомета. Абу-Талибъ былъ бѣденъ и многосемеенъ. Онъ оказалъ много существенныхъ услугъ Магомету, но однако очень рано Магометъ уже долженъ былъ содержать себя самъ. Онъ сталъ пастухомъ овецъ. Можетъ быть здѣсь благодарная традиція захотѣла его сблизить съ Давидомъ. Какъ тотъ отъ стада перешелъ къ царскому вѣнцу, такъ Магометъ перешелъ къ служенію пророка. Подсказывается ближайшая параллель съ Амосомъ, но арабы едвали знали объ этомъ пророкѣ. Магометъ сопровождалъ своего дядю въ его торговыхъ путешествіяхъ и такъ какъ, несомнѣнно, что онъ имѣлъ въ нихъ досуга больше, чѣмъ дядя, весьма естественно, что онъ много бесѣдовалъ со встрѣчавшимися ему людьми — христіанами, евреями, арабами различныхъ племенъ и онъ узнавалъ отъ нихъ о ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Онъ могъ присматриваться къ нимъ, къ ихъ жизни—при своихъ остановкахъ въ городахъ, — долженъ былъ размышлять о томъ, что у нихъ хорошо, въ чемъ должно было бы имъ подражать. Досуга у Магомета должно быть было довольно, онъ, вѣдь, не столько занимался торговлею, сколько находился при торговлѣ. Такъ онъ жилъ у Абу-Талиба и такъ потомъ 24 лѣтъ отъ роду онъ поселился у богатой вдовы Хадиджи. Женщина у арабовъ тогда обладала большими правами и самостоятельностію, чѣмъ впослѣдствіи. Хадиджа потеряла двухъ мужей и хотя имѣла отца, однако жила и вела дѣла самостоятельно. Ей было 39 лѣтъ, повидимому, она была моложава и привлекательна. Ея прикащикъ—Магометъ, по всей вѣроятности, сильно понравился ей, и она вышла за него замужъ. Этотъ бракъ въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ mésaillance'омъ: Хадиджа была богата, Магометъ бѣденъ. Даже согласіе родителя Хадиджи пришлось выманить пріемомъ близкимъ къ тому, какой предокъ Магомета употребилъ для полученія ключей отъ Абу-Губшана. Но бракъ состоялся и онъ принадлежитъ къ числу счастивѣй-

Библиотека Общ. Истории Археологии

шихъ браковъ въ исторіи. Не смотря на разность лѣтъ, Магометъ любилъ свою жену. Говорятъ, что до нея онъ не зналъ ни одной женщины, онъ вступилъ въ бракъ чистымъ, онъ не измѣнялъ своей женѣ и при ея жизни не взялъ себѣ другой. Впослѣдствіи Аиша, любимая жена пророка говорила, что ни къ кому она его такъ не ревновала, какъ къ этой умершей „беззубой бабѣ“. Шпренгеръ полагаетъ, что въ юности Магометъ страдалъ тайнымъ порокомъ. Этотъ „тайный порокъ“ очевидно нужно придумать для того, чтобы объяснить проблематическую болѣзнь Магомета. Но была ли она у него? На какихъ основаніяхъ этотъ порокъ приписывается основателю ислама? Сторонники мнѣнія лишь приводятъ одно основаніе, что Магометъ рано оказался истощеннымъ и рано умеръ. Но понятіе „рано“ въ данномъ случаѣ употребляется очень условно. Магометъ умеръ на седьмомъ десяткѣ. Если принять во вниманіе, что несомнѣнно ему приходилось испытывать лишенія, что онъ перенесъ не мало бурь, такъ какъ успѣхъ достался ему не сразу и не самъ собою, что несомнѣнно онъ былъ человѣкомъ весьма нервнымъ, то можно скорѣе удивляться его долгожизненности, чѣмъ придумывать искусственныя объясненія его преждевременной смерти.

Отъ Хадиджы Магометъ имѣлъ шестерыхъ дѣтей, въ томъ числѣ двухъ мальчиковъ, которые умерли младенцами. Любопытно, что одного изъ мальчиковъ онъ назвалъ Абдъ-Менафомъ, служителемъ Менафа. Очень можетъ быть, что это имя было дано въ честь дяди благодѣтеля, но можетъ быть здѣсь сказывалось еще и уваженіе къ Менафу. Нужно имѣть въ виду, что съ проповѣдью Магометъ выступилъ болѣе 40 лѣтъ отъ роду, а эти обстоятельства въ его жизни происходили, когда ему не было еще 30. Несомнѣнно, что у своей богатой супруги Магометъ располагалъ значительнымъ досугомъ, который въ странствованіяхъ могъ употреблять на пріобрѣтеніе поучительныхъ знакомствъ и познаній, а дома—на размышленіе. Трудно выяснить себѣ тотъ душевный процессъ, который привелъ Магомета къ мысли, что онъ—божественный посланникъ. Дѣло въ томъ, что мы не знаемъ Магомета. Онъ былъ меланхоличенъ. Видно, онъ любилъ уединяться. Онъ былъ чувствененъ, чувствителенъ и отличался чувствомъ благодарности. Его чувственность

выразилась въ его любви къ женщинамъ. Чувствительность— въ томъ, что онъ нерѣдко плакалъ. Когда ему во время своихъ странствованій и уже въ очень зрѣломъ возрастѣ пришлось оказаться на могилѣ своей матери, онъ пролилъ тамъ обильныя слезы. О присущемъ ему чувствѣ благодарности свидѣтельствуетъ разсказъ, что во время войны онъ пощадилъ деревню, изъ которой происходила его кормилица. Но все это, конечно, черты, которыя присущи многимъ обыкновеннымъ людямъ, а не составляютъ характерный признакъ необыкновеннаго вождя. Онъ былъ честенъ и и добръ. Но не въ меньшей степени, чѣмъ онъ, такимъ былъ Абу-Талибъ. Плохо объясняютъ успѣхъ Магомета тѣ, которые приписываютъ ему галлюцинаціи, истеріи (наприм., мускульную истерію, это мнѣніе, высказанное Шпренгеромъ, раздѣляетъ Крымскій). Достоевскій—самъ эпилептикъ много разъ въ своихъ произведеніяхъ называетъ Магомета эпилептикомъ. Но гдѣ же у него галлюцинаціи, экстазы, патологическія видѣнія? Увидѣть необыкновенные сны, придти въ состояніе крайняго нервнаго возбужденія можетъ, вѣдь, нѣсколько разъ въ жизни и нормальный человѣкъ. Магометъ говорилъ о себѣ: „Я любилъ благовонія, женщинъ и молитву, но высшее наслажденіе находилъ только въ молитвѣ“. Еслибы Магометъ былъ дѣйствительно человѣкомъ одержимымъ эпилепсіей или истеріей, онъ испытывалъ бы блаженство экстаза, но онъ ничего не говоритъ о патологическихъ состояніяхъ блаженства. Отъ самой религіи Магомета вѣетъ чѣмъ-то тѣлесно-здоровымъ. Религія эта земная, практичная. Ей не только чуждъ экстазъ, но въ первоначальной формѣ ей чуждъ и фанатизмъ. Въ исламѣ нѣтъ мистицизма, и поэтому съ точки зрѣнія обычной психіатріи онъ долженъ быть признанъ произведеніемъ здороваго духа. Религіозный маньякъ не могъ бы создать ничего подобнаго, Да люди болѣзненно-религіозные, психически ненормальные вообще ничего не создаютъ, они могутъ быть только орудіемъ въ рукахъ другихъ людей. Думаемъ, что дѣло Магомета будетъ для насъ понятнѣе, если мы, отказавшись отъ того, чтобы надѣлять его болѣзнями и имѣя въ виду указанныя выше его качества, присоединимъ къ нимъ еще, что онъ былъ религіознымъ энтузіастомъ, владѣвшимъ сильнымъ даромъ слова. Онъ любилъ молиться Аллаху, онъ любилъ Аллаха

милостиваго и милосердаго и ему естественно было хотѣть объединить въ этой любви людей, прежде всего людей ему близкихъ—жену, дѣтей, родственниковъ. Радость молитвы должна была внушать ему увѣренность въ успѣхѣ его мечты.

До 40 лѣтъ онъ не выступалъ ни съ какими религіозными призывами. Когда ему было уже за 40, случилось, онъ жилъ съ своей семьей на горѣ Хыра, находящейся на разстояніи одного часа ходьбы къ сѣверу отъ Мекки. Это—пустынная, каменистая мѣстность съ обрывами и пропастями. Здѣсь нѣтъ красивыхъ видовъ, на которые могъ бы залюбоваться взоръ и которые разсѣяли бы духъ, все здѣсь призываетъ къ сосредоточенности и самоуглубленію. Дѣло было въ священный мѣсяцъ Реджей (Рамаданъ) въ 610 или 612 году. Во время одиночныхъ странствованій Магомета охватила дремота и затѣмъ сонъ. Нѣкто приблизился къ нему и сказалъ: читай (Ыкра). Магометъ отвѣтилъ: нѣтъ, не могу. Требованіе было повторено, при чемъ Магометъ почувствовалъ себя сдавленнымъ и почти умирающимъ. Магометъ отказался опять. Тогда онъ явственно услышалъ слова, которыя составляютъ теперь 5 первыхъ стиховъ 96-й суры корана: „Читай, во имя Господа твоего, который сотворилъ все, который сотворилъ человѣка изъ огустѣвшей крови. Читай, ибо Господь твой всѣхъ щедрѣе. Это Онъ научилъ (человѣка) его пользоваться перомъ (калемомъ). Онъ научилъ человѣка тому, чего человѣкъ не зналъ“. Эти слова корана подали естественный поводъ для созданія легендъ о томъ, что ангелъ Гавріилъ приносилъ Магомету свитокъ и заставлялъ его читать, хотя свитокъ былъ свернутъ и обернутъ въ шелкъ. Затѣмъ слово „читай“ — Ыкра — подвергалось тоже самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Но, кажется, проще и естественнѣе всего примкнуть къ тому мнѣнію, по которому *ыкра* на современный школьный языкъ удобнѣе всего перевести: будь лекторомъ, т. е. читай другимъ. Что же читать? Евреямъ ихъ учителя читали Ветхій Завѣтъ, христіанамъ—и Ветхій и Новый Завѣтъ, въ томъ и другомъ случаѣ читали откровеніе. И онъ — Магометъ долженъ стать лекторомъ, т. е. учителемъ откровенія. Правильность такого толкованія подтверждается продолженіемъ разсказа. Возбужденный Магометъ, немедленно пробудившись

отъ сна, бѣжитъ домой и разсказываетъ о происшедшемъ Хадиджѣ. Хадиджа успокоиваетъ Магомета и посылаетъ за своимъ племянникомъ Варакомъ для выясненія происшедшаго съ Магометомъ. Арабскій лѣтописецъ Ибнъ-Исхекъ представляетъ этого Варака отрекшимся отъ идолопоклонства и принявшимъ христіанство. Но если Варакъ и былъ христіаниномъ, то несомнѣнно въ какой-нибудь еретической (евіонитско-гностической) формѣ. Происшедшее съ Магометомъ онъ истолковалъ въ томъ смыслѣ, что на Магомета сошелъ великій Намусъ, святый духъ. Такъ, преданіе повидимому достовѣрное представляетъ, что первый, провозгласившій Магомета пророкомъ, былъ христіанинъ, а первая повѣрившая этому (Хадиджа) по всей вѣроятности была язычницей. Нѣсколько времени спустя Магометъ снова блуждалъ по Хырѣ и услышалъ звавшій его голосъ. „Я—влагаетъ преданіе разсказъ въ уста Магомета — посмотрѣлъ на право и на лѣво и не увидалъ никого; поднялъ глаза кверху и замѣтилъ его (Гавріила) на тронѣ между небомъ и землей. Я испугался, вошелъ къ Хадиджѣ, женѣ своей, и сказалъ ей: покрой меня плащомъ. Тогда ангелъ сошелъ снова и сказалъ: „О ты, покрытый плащомъ (эльмоддеттиръ). Вставай и предостерегай людей. Господь твой, прославляй Его. Одежды твои, держи ихъ чисто. А гнусности избѣгай. Не раздавай, чтобы собрать. Съ терпѣніемъ ожидай Господа твоего“. Фактъ разукрашенный преданіемъ, повидимому, состоялъ въ томъ, что при возбужденномъ состояніи духа, вызванномъ религіозными размышленіями и мыслями о налагаемой на него миссіи (ыкра), Магометъ почувствовалъ лихорадочную нервную дрожь. Бросился домой, здѣсь его укрыла плащомъ заботливая Хадиджа. И вотъ, успокоенный онъ формулируетъ нѣсколько тезисовъ: онъ долженъ *предостерегать* людей, т. е. значитъ быть ихъ руководителемъ, поставленнымъ свыше. Должно избѣгать гнусности, т. е. идолопоклоничества. Не должно дѣлать добра съ корыстными цѣлями, должно быть безкорыстно добрымъ; должно быть терпѣливымъ (это откровеніе содержится въ первыхъ 7 стихахъ 74 суры).

Послѣ этого (по счету второго) откровенія Магометъ безусловно убѣдился въ своемъ божественномъ посланничествѣ и свои убѣжденія и представленія разсматривалъ, какъ

внушенныя ему свыше святымъ духомъ. При этомъ иногда случалось, что послѣдующія откровенія стояли въ противорѣчіи съ предыдущими, т. е. по просту убѣжденія и взгляды у Магомета мѣнялись. Тогда онъ не смущался предшествовавшее откровеніе объявить своимъ личнымъ заблужденіемъ, а послѣдующее открытымъ ему Аллахомъ. Посланничество Магомета прежде всего признала его семья. Жена, дочери, двоюродный братъ Магомета Алій, сынъ Абу-Талиба, тогда еще можетъ быть мальчикъ, рабъ Зейдъ, котораго Магометъ усыновилъ. Важнымъ событіемъ для дѣла ислама было присоединеніе къ Магомету Аль-Атика, извѣстнаго болѣе подъ именемъ Абу-Бекра. Это былъ умный, честный, спокойный и твердый купецъ. Его называютъ протестанты Меланхтономъ ислама. Но, кажется, онъ былъ много практичнѣе Меланхтона, будучи такъ же сдержанъ и остороженъ, какъ этотъ дѣятель германской реформаціи. Всю свою жизнь Абу-Бекръ беззавѣтно отдалъ интересамъ ислама. Хадиджа, нужно полагать, пропагандировала о посланничествѣ Магомета между женщинами, Абу-Бекръ привлекъ къ Магомету нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ. Когда такимъ образомъ возникъ первый кружокъ магометанъ, первообщина рѣшила привлечь къ дѣлу весь родъ Хашимитовъ (потомковъ прадѣда Магомета). Родъ былъ собранъ, при чемъ причины созыва рода многимъ были неизвѣстны. Тогда собравшимся Магометъ изложилъ свое ученіе. Практичные родственники, думавшіе, что ихъ собрали для обсужденія вопроса о какой-либо торговой спекуляціи, возмутились. „Чортъ бы тебя побралъ, сказалъ дядя Абу-Лахабъ, обращаясь къ пророку, неужели ты позвалъ насъ только за этимъ?“ Пророкъ вообще не пріемлется въ своемъ отечествѣ. Людямъ близкимъ трудно представить, что тотъ, котораго они знаютъ такъ хорошо, который находится съ ними въ такихъ-то и такихъ-то отношеніяхъ, что это — человѣкъ необыкновенный, святой, посланникъ Божій. Нѣтъ никакой нужды предполагать въ Абу-Лахабѣ религіознаго индифферентизма или раціонализма, несомнѣнно, онъ вѣрилъ въ Аллаха, но торжественный призывъ повѣрить въ божественное посланничество Магомета, повидимому, показался ему просто наглостью. И вотъ Абу-Лахабъ со многими родными отступилъ отъ Магомета. Но за всѣмъ тѣмъ въ отношеніяхъ къ нему родныхъ

Магометъ былъ счастливѣе многихъ пророковъ. Во 1) самые близкіе къ нему люди безусловно повѣрили въ его посланничество; во 2) сообразно съ арабскими понятіями о родовой чести хашимиты, не раздѣляя воззрѣній Магомета, считали нужнымъ его поддерживать. Такимъ образомъ и не имѣя въ нихъ своихъ послѣдователей, онъ однако нашелъ въ нихъ защитниковъ своего дѣла.

Первообщина Магомета скоро возросла до 43 человѣкъ. Какъ у всѣхъ основателей великихъ религій, начинавшихъ съ призыва къ добру и съ осужденія корысти, эта община составилась главнымъ образомъ изъ бѣдняковъ и рабовъ. Важнѣйшимъ лицомъ въ этой общинѣ послѣ Магомета былъ Абу-Бекръ. Но Абу-Бекръ былъ человѣкъ мысли, исламу нуженъ былъ еще человѣкъ дѣла. Такой вскорѣ явился въ лицѣ нѣкоего юноши Омара. Преданіе представляетъ, что Омаръ сначала былъ противникомъ Магомета и что Магометъ возносилъ усиленныя мольбы Аллаху о поднятіи дѣла ислама чрезъ присоединеніе къ нему Омара. Существуютъ различные варіанты исторіи обращенія Омара. Одинъ изъ этихъ варіантовъ разсказываетъ слѣдующее. Омаръ вышелъ съ цѣлію противодѣйствовать Магомету, онъ нашелъ пророка вблизи Каабы, Магометъ читалъ вслухъ 69 суру корана. Произносимое Магометомъ понравилось Омару и онъ сказалъ про себя: „это—поэтъ“. Но тогда Магометъ произнесъ 41-й стихъ суры:

Это не слово поэта. О, какъ мало вы вѣруете.

Это—колдунъ, подумалъ Омаръ. Магометъ тогда продолжилъ (42 ст.):

Это не слово колдуна. О, какъ мало вы разсуждаете.

Тогда вѣра явилась въ сердцѣ Омара. Очень можетъ быть, что дѣло происходило совсѣмъ не такъ. Можетъ быть съ Омаромъ ничего не было похожаго, но слова суры констатируютъ несомнѣнный фактъ, что кромѣ двухъ крайнихъ мнѣній, что Магометъ—лжецъ и шарлатанъ и что Магометъ пророкъ, существовали еще, такъ сказать, мнѣнія среднія, что онъ былъ поэтомъ или даже прорицателемъ (колдуномъ).

Магометъ провозглашалъ единство Божіе и свое божественное посланничество. Вѣра въ единство Божіе требовала борьбы съ идолопоклонствомъ. Вѣра въ посланничество Магомета требовала послушанія и подчиненія Магомету. Не

столько первая, сколько вторая должна была встрѣтить оппозицію. Никто не мѣшалъ Магомету вѣрить въ Единаго Бога, но очень многіе не хотѣли стать слугами и подчиненными Магомета. Первымъ орудіемъ, которое обратили противъ него и которое, повидимому, оказалось очень чувствительнымъ, была насмѣшка. Надъ Магометомъ и его претензіями смѣялись. Порою, какъ можно заключать изъ преданій, дѣло доходило до дракъ. Но желавшіе нанести серьезный ущербъ Магомету должны были имѣть въ виду, что имъ придется имѣть дѣло со всѣми хашимитами. Поэтому дѣло и ограничивалось больше насмѣшками. „Глядите: вотъ идетъ сынъ Абдуллахи, онъ несетъ намъ вѣсти съ неба“, говорили остряки, указывая на проходившаго Магомета.

Однако эти словесные, а порою кулачные боксы вели за собою то, что община Магомета все болѣе и болѣе обособлялась въ Меккѣ. Вѣра этой общины опредѣлилась, какъ—*исламъ*—безусловная *покорность* волѣ Аллаха. Послѣдователи вѣры стали называться мусульманами отъ муслимъ — предавшійся, т. е. волѣ Божіей. Терминъ *муслимъ* нужно отличать отъ *мумимъ*—правовѣрный, между ними такое же различіе, какое между понятіями христіанинъ и ортодоксальный. Католикъ лютеранъ и православныхъ назоветъ христіанами, но не назоветъ ортодоксальными, персъ назоветъ турка *муслимъ*, но не назоветъ *мумимъ*, такъ какъ по многимъ частнымъ вопросамъ вѣры они, какъ увидимъ далѣе, радикально расходятся. Не безъ смущенія должны были поглядывать корейшиты на медленно, однако, постоянно возраставшую общину мусульманъ. Было ясно, что разростаніе этой общины угрожало опасностью всему строю жизни, который доселѣ существовалъ въ Меккѣ, который не зналъ единаго главы и при которомъ особенно хорошо и удобно было жить богатымъ корейшитамъ. Повидимому, сильнѣйшимъ противникомъ Магомета былъ нѣкто Абу-Джахль (—отецъ глупостей; это насмѣшливое прозвище дано ему Магометомъ). Существуетъ преданіе, имѣющее для себя основаніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ корана, что оппозиція мекканцевъ внушила Магомету лукавую мысль сдѣлать имъ нѣкоторыя религіозныя уступки. Магометъ не могъ поступиться ученіемъ о своемъ посланничествѣ, это значило бы отказаться отъ всего своего дѣла, но будто бы онъ попытался

поступиться въ нѣкоторой мѣрѣ отъ своего ученія о безусловномъ единствѣ Божіемъ. Пророкъ, возвѣщая свое ученіе около каабы въ присутствіи многихъ корейшитовъ, произнесъ: „хорошо ли вы поразмыслили о аль-Латъ и Оззѣ и третьей между ними Монатъ? Они—благородные лебеди (гараники) и на ихъ заступничество дѣйствительно можно надѣяться“. Эти слова поразили корейшитовъ, и когда потомъ Магометъ произнесъ молитву Аллаху, они единодушно слили свои голоса съ его голосомъ. Магометъ призналъ ихъ божества. Было ли это на самомъ дѣлѣ? Но если это и было, то Магометъ долженъ былъ сейчасъ же почувствовать всю нелѣпость своего поступка. Черезъ такое исповѣданіе онъ могъ только присоединиться къ корейшитамъ, но не подчинить ихъ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ это исповѣданіе онъ долженъ былъ потерять тѣхъ, которые стали ему беззавѣтно преданы. Строфы Магомета представляли отреченіе отъ его дѣла. А между тѣмъ отчаяваться въ дѣлѣ на самомъ дѣлѣ у Магомета не было причинъ. У него были надежные и цѣнные послѣдователи. Затѣмъ его плохое знаніе религій должно было внушать и дѣйствительно внушало ему мысль, что онъ легко найдетъ себѣ поддержку у христіанъ и евреевъ, которые тоже признаютъ единаго Бога и сурово порицаютъ идолопоклонство. Наконецъ, несомнѣнно, что въ Магометѣ жила могучая вѣра и въ свое посланничество и во всемогущество Аллаха. Повидимому, Магомета порою смущало, почему Аллахъ не обратитъ къ истинѣ его противниковъ. Но слышанное имъ сказаніе о фараонѣ, ожесточившемся противъ евреевъ, успокоило его. „Богъ заблуждаетъ тѣхъ, кого хочетъ и направляетъ тѣхъ, кого хочетъ“ (74 сура, 34 ст.). Во всякомъ случаѣ слова объ Оль-Латъ, Оззѣ и Монатѣ вошли въ коранъ въ слѣдующей редакціи:

Что вамъ кажется объ Оль-Латъ, Оззѣ и о другой Монатѣ, третьемъ идолѣ?

Будутъ ли у васъ мужчины, а у Бога женщины?

Этотъ раздѣлъ несправедливъ.

Это только названія; это вы и отцы ваши такъ ихъ назвали. Богъ не открывалъ вамъ никакого доказательства на этотъ счетъ: вы слѣдуете только своимъ мнѣніямъ и склонностямъ, хотя и получили направленіе отъ Господа вашего. 53, 19—23.

Арабы представляли божества дочерями Аллаха. Съ арабской точки зрѣнія имѣть дочерей нелестно и для человѣка. Тѣмъ болѣе странно приписывать ихъ Богу и Магометъ мысль объ этихъ божествахъ называетъ мнѣніемъ, т. е. попросту фантазіею арабовъ. Одно мѣсто въ коранѣ дѣйствительно даетъ основаніе предполагать, что приведенная редакція была непервичною, а вторичною. Вотъ что говорится въ 17 сурѣ, 75—77 стихахъ: „чуть было невѣрные своими искушеніями не удалили тебя отъ того, что мы явили тебѣ, и не довели тебя до приписыванія намъ иныхъ откровеній. О, тогда бы они смотрѣли на тебя какъ на друга. Еслибы мы не укрѣпили тебя въ вѣрѣ, ты бы уступилъ, ибо ты уже склонялся къ нимъ. Тогда бы заставили тебя испытать бѣдствія въ жизни и по смерти и ты бы не нашелъ противъ насъ помощи". Понятно, что послѣ своего краткосрочнаго паденія Магометъ долженъ былъ сильнѣе подчеркнуть догматъ о единствѣ Аллаха и вмѣстѣ съ тѣмъ говорить о невѣрности корейшитовъ. Поэтому на краткій срокъ смягчившіяся отношенія должны были особенно обостриться.

Жители Мекки обратились къ Абу-Талибу съ просьбою, чтобы онъ вразумилъ, какъ дядя, Магомета и побудилъ его отказаться отъ своей проповѣди. Абу-Талибъ, чрезвычайно много дѣлавшій для Магомета и однако не раздѣлявшій его воззрѣній, сдѣлалъ попытку образумить своего племянника. Но Магометъ отвѣтилъ: „еслибы корейшиты дали мнѣ въ правую руку солнце и въ лѣвую луну за то, что я оставлю мое дѣло прежде, чѣмъ Богъ дастъ мнѣ побѣду или я погибну, я не оставилъ бы его". На это рѣшительное заявленіе Абу-Талибъ отвѣтилъ, что чтобы Магометъ не дѣлалъ, онъ всегда будетъ поддерживать сына своего брата. Къ Магомету скоро присоединился еще его дядя Хамза послѣ того, какъ поколотилъ ругавшаго Магомета Абу-Джахля. Корейшитовъ все болѣе и болѣе смущала община мусульманъ. Часть мусульманъ, правда, уже въ два пріема перекочевала въ Абиссинію въ надеждѣ, что христіане, какъ единобожники, а по нетвердой догматикѣ Магомета, вродѣ какъ бы единовѣрцы, дадутъ имъ надежный пріютъ. Но уходили послѣдователи, а оставались пропагандисты. Стремясь уничтожить послѣднихъ, корейшиты прибѣгнули къ такому средству. Они постановили прекратить всякія сношенія съ

мусульманами, ничего у нихъ не покупать, ничего имъ не продавать и не допускать ихъ въ каабу. Между тѣмъ храмъ каабы, правда, заключая въ себѣ и идоловъ, былъ однако единственнымъ храмомъ Аллаха. Постановленіе это не только простиралось на всѣхъ мусульманъ, но на всѣхъ хашимитовъ, даже не вѣрившихъ въ дѣло Магомета, какъ Абу-Талибъ, и однако поддерживавшихъ это дѣло. Вслѣдствіе этого постановленія въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ мусульмане терпѣли страшныя лишенія и нужды, они обособились въ кварталѣ или—вѣрнѣе—ущельи Абу-Талиба. Часто они не могли найдти пастбищъ для своего скота. Внѣ предѣловъ Мекки къ нимъ относились съ недовѣріемъ, какъ къ людямъ, которыхъ отвергли единоплеменники; въ Меккѣ къ нимъ не относились никакъ. И тѣмъ не менѣе, поступились въ концѣ концовъ не мусульмане, а ихъ противники. Сношенія между корейшитами и мусульманами возстановились. Какъ случилось это? Выдвигаютъ гипотезу, что соглашеніе будто бы установилось на основаніи договора, по которому Магометъ обязывался не проповѣдывать въ Меккѣ. Но есть ли необходимость въ такой гипотезѣ? Гораздо легче, кажется, допустить, что примиреніе совершилось само собой, чѣмъ путемъ заключенія какихъ-то формальныхъ договоровъ. Были причины, которыя естественно должны были колебать постановленія корейшитовъ. Во 1) у многихъ изъ нихъ не было никакихъ побужденій преслѣдовать мусульманъ. Пусть ихъ проповѣдываютъ, что угодно. Дѣло Магомета грозило тѣмъ, кто управлялъ теченіемъ меканской жизни—богатымъ и знатнымъ, а для людей небогатыхъ было рѣшительно все равно, въ чьихъ бы рукахъ не оказалось это теченіе. Во 2) многія родственныя узы и узы можетъ быть еще болѣе крѣпкія, чѣмъ родственныя, связывали многихъ корейшитовъ съ хашимитами. Смотрѣть на бѣдственное положеніе послѣднихъ первымъ должно было быть и горько и стыдно. Если сестра, вышедшая замужъ за хашимита, сидѣла голодная безъ куска хлѣба, какъ мимо ея не глядя могъ пройдти братъ корейшитъ. И запрещеніе сношеній должно было нарушаться. Могло даже произойти, что страдающая община хашимитовъ завоевывала себѣ симпатіи среди корейшитовъ и вызывала въ послѣднихъ негодованіе противъ иниціаторовъ запрещенія. Запрещеніе по-

степенно теряло силу и, наконецъ, на практикѣ было отмѣнено совсѣмъ.

Но оно имѣло послѣдствія. Уже переселеніе правовѣрныхъ въ Абиссинію показываетъ, что мусульмане постепенно убѣждались въ мудрости правила: если васъ не принимаютъ въ одномъ городѣ, идите въ другой. Во время разрыва съ мекканцами они сознали необходимость завязать сношенія съ племенами внѣ Мекки. Послѣдующія обстоятельства представили для этого еще сильнѣйшія побужденія. Умерла Хадиджа. Въ одномъ отношеніи это, повидимому, развязало руки Магомету. Менѣе, чѣмъ черезъ два мѣсяца, онъ женился снова на вдовѣ одного мусульманина и затѣмъ почти немедленно обручился на Аишѣ, дочери своего друга Абу-Бекра (можетъ быть, отсюда называвшагося: отецъ дѣвицы), имѣвшей 6 или 7 лѣтъ. Но въ новой женѣ и невѣстѣ Магометъ не могъ найдти того, что потерялъ въ умершей. Хадиджа была для него не только женой, но и заботливой и умной матерью, много способствовавшей успѣху его дѣла и своими связями съ корейшитами несомнѣнно противодѣйствовавшей обостренію отношеній съ ними своего супруга. Въ слѣдъ за Хадиджей сошелъ въ могилу и Абу-Талибъ. Этотъ человѣкъ глубоко уважавшійся всѣми въ Меккѣ своимъ нравственнымъ авторитетомъ сдерживалъ направлявшіеся на Магомета напоры негодованія. Теперь между Магометомъ и его противниками не было посредника, которому бы одинаково довѣряла какъ та, такъ и другая сторона. Руководимый чувствомъ родственнаго долга другой дядя Магомета ранѣе, разссорившійся съ нимъ, Абу-Лахабъ заявилъ ему, что онъ будетъ ему защитой. Магометъ, конечно, былъ доволенъ этимъ. Но противники Магомета подучили Абу-Лахаба спросить у него о загробной судьбѣ своего отца. Магометъ отвѣтилъ, что въ загробномъ мірѣ онъ находится съ своими родичами. Абу-Лахабъ готовъ былъ успокоиться на этомъ. Но заинтересованные люди объявили ему, что „съ своими родичами“ значитъ: въ аду. Спрошенный снова Магометъ былъ принужденъ сознаться, что это дѣйствительно такъ, и тогда Абу-Лахабъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія.

Нужно было искать сочувствія и поддержки внѣ Мекки. Магометомъ вмѣстѣ съ усыновленнымъ Зейдомъ (бывшимъ

рабомъ) была предпринята попытка найдти таковыя въ ближайшемъ городѣ въ Меккѣ—Таифѣ. Здѣсь на свои призывы и проповѣдь Магометъ получилъ слѣдующее: неужели Аллахъ, еслибы онъ хотѣлъ послать пророка не могъ послать никого лучше тебя? Или другой отвѣтъ: отказываюсь говорить съ тобою. Если ты посланникъ Божій, ты для меня слишкомъ высокъ и я не смѣю съ тобою спорить, а если ты—самозванецъ, ты для меня слишкомъ низокъ и вести съ тобою бесѣду ниже моего достоинства. Затѣмъ противъ Магомета возбуждено было населеніе и онъ подъ градомъ камней и насмѣшекъ долженъ былъ бѣжать обратно вовсе въ небезопасную для него Мекку. Снисходительность и великодушіе нѣкоторыхъ корейшитовъ спасли Магомета и его спутника отъ преслѣдователей. И замѣчательно, не смотря на свое крайне жалкое положеніе, Магометъ при этихъ условіяхъ имѣлъ видѣніе или сонъ, что духи (джинны — genii) покланяются ему и жаждутъ слышать его откровенія. Очевидно, не смотря на полнѣйшій неуспѣхъ въ настоящемъ, въ Магометѣ горѣла твердая увѣренность на успѣхъ въ будущемъ.

Въ Ятрибѣ, городѣ лежащемъ къ сѣверовостоку отъ Мекки, были два племени Аусъ и Хазраджъ, которыя взяли преобладаніе въ городѣ надъ жившими тамъ евреями, но во время мекканской проповѣди Магомета находились во взаимной враждѣ, которая тяготила оба племени и не приводила ни къ какому доброму концу. Отъ евреевъ эти племена многократно слыхали, что долженъ явиться великій пророкъ. Евреи добавляли еще, что этотъ пророкъ устроитъ благополучіе евреевъ и погубитъ аусовъ и хазраджитовъ. Не придавая никакого значенія этой угрозѣ, хазраджиты и аусы заинтересовались обѣтованіемъ о пророкѣ. Между тѣмъ распространились слухи, что въ Меккѣ явился пророкъ. Преданіе разсказываетъ, что весною 620 г. Магометъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ хазраджитовъ шедшихъ на богомолье въ Мекку, сталъ имъ проповѣдывать, они увѣровали, что онъ дѣйствительно посланникъ божій и проповѣдь Магомета или, вѣрнѣе, пока проповѣдь о Магометѣ, какъ посланникѣ, начала распространяться и въ Ятрибѣ. Повидимому, въ лучшихъ умахъ тамъ скоро созрѣла мысль, что принятіе вѣры Магомета можетъ объединить враждующія племена Ятриба

и установить миръ и благополучіе въ городѣ. Мусульманство стали принимать и люди изъ племени Хазраджъ и люди изъ племени Аусъ. Въ 621 г. Магометъ далъ своимъ ятрибскимъ прозелитамъ вождя изъ мекканцевъ (этимъ онъ не обидѣлъ никакое изъ ятрибскихъ племенъ) и заповѣди для руководства: не давать Богу никого въ товарищи, не красть, не нарушать брака, не убивать собственныхъ дѣтей (противъ часто практиковавшагося убійства собственныхъ дочерей), не выдумывать и не передавать клеветы; во всемъ, что ведетъ къ добру, слушаться пророка. Заповѣди эти—за исключеніемъ послѣдней—представляютъ собою какъ бы извлеченіе изъ десятисловія.

Было, повидимому, повѣрье въ Аравіи, что изъ Мекки пророкъ не приходитъ и что родиной пророковъ является Сирія. Это говорили Магомету и прибавляли: сходи въ Сирію и мы увѣруемъ въ тебя. Эти рѣчи дѣйствовали на Магомета и онъ, повидимому, рѣшилъ совершить паломничество на сѣверъ—въ Сирію или Іерусалимъ. Но обыкновенное паломничество было замѣнено чудеснымъ путешествіемъ въ Іерусалимъ, совершившимся, повидимому, въ кратчайшую долю мгновенія. Существуетъ много различныхъ редакцій ночного путешествія Магомета. Сущность ихъ всѣхъ сводится къ слѣдующему.

Ночью ангелъ Гавріилъ разбудилъ Магомета, вывелъ его изъ дома и посадилъ на чудесное животное Аль-Буракъ (сверкающій), который моментально доставилъ пророка въ самый дальній (самый сѣверный въ Іерусалимѣ или самый дальній по отношенію къ Меккѣ) храмъ. Пророкъ вступилъ въ храмъ вмѣстѣ съ Авраамомъ, Моисеемъ и Христомъ. Когда они молились Магомету были предложены три кувшина: одинъ съ водой, другой съ виномъ третій съ молокомъ. Голосъ свыше возвѣстилъ, что если онъ выпьетъ воду, то потонетъ вмѣстѣ съ своими послѣдователями; если выпьетъ вино, заблудится вмѣстѣ съ ними; если выпьетъ молоко, пребудетъ въ истинѣ вмѣстѣ съ своей общиной. Пророкъ выпилъ молоко. Затѣмъ пророкъ возведенъ былъ на небо по лѣстницѣ, которую Іаковъ видѣлъ во снѣ. Магометъ проведенъ былъ здѣсь черезъ семь небесъ. Онъ видѣлъ ангеловъ, рай, адскій пламень, Адама, патріарховъ, Іоанна Крестителя, Іисуса. Мимо Авраама на седьмомъ небѣ

ежедневно проходятъ 70000 ангеловъ, которые не вернутся въ рай до страшнаго суда. Наконецъ, ангелъ Гавріилъ привелъ Магомета предъ лице Божіе. Господь положилъ на мусульманъ обязанность читать ежедневно по 50 молитвъ. Магометъ принялъ это повелѣніе и затѣмъ, начавши обратный путь, сообщилъ о немъ Моисею. Еврейскій законодатель указалъ арабскому, что это иго слишкомъ трудно: молитва тяжела, а народъ твой слабъ, проси Господа объ облегченіи. Магометъ обращается къ Господу. По его мольбамъ Господь постепенно уменьшаетъ число обязательныхъ молитвъ и, наконецъ, ограничиваетъ ихъ пятью, какъ это и имѣетъ мѣсто до настоящаго времени. Послѣ этого Магометъ на Аль-Буракѣ возвращается въ Мекку, въ свой домъ и на свое ложе. Когда онъ поднимался съ ложа передъ началомъ путешествія, онъ опрокинулъ стоявшій около кровати кувшинъ съ водой и когда онъ возвратился, вода изъ кувшина еще не вылилась. Значитъ, все путешествіе совершалось *въ чертѣ времени.*

Такова каноническая легенда. Она, повидимому, находитъ себѣ подтвержденіе въ коранѣ. 17-ая сура начинается стихомъ: „слава Тому, кто въ продолженіе ночи перенесъ своего слугу изъ священнаго храма Мекки въ отдаленный храмъ Іерусалима, округъ котораго мы благословили для видѣнія нашихъ чудесъ. Богъ слышитъ и видитъ все". Но уже и этотъ стихъ, ясно, стоитъ въ несогласіи съ легендой. Преданіе не представляетъ Магомета въ храмѣ, потому что въ этотъ періодъ доступъ въ меккскій храмъ ему былъ совершенно закрытъ. А когда этотъ храмъ открылся предъ Магометомъ, имъ уже было издано повелѣніе молиться не на Іерусалимъ, а на Мекку и съ евреями религіозная связь была совершенно порвана. Такимъ образомъ уже этотъ стихъ оказывается не историческимъ, а преданіе—еще позднѣйшее (сложилось лѣтъ черезъ 200 послѣ событія) стоитъ въ противорѣчіи и съ этимъ стихомъ. Но въ этой же сурѣ есть стихъ, который, кажется, даетъ возможность вполнѣ выяснить дѣло: „Вспомни, какъ мы говорили: Богъ окружаетъ людей со всѣхъ сторонъ. Мы показали тебѣ видѣніе, которое тебѣ было, мы дали тебѣ видѣть дерево проклятое въ коранѣ, чтобы только бросить въ среду людей предметъ ссоры. Мы ихъ напугали, но это только увеличило ихъ ве-

ликое возмущеніе“ (62). Итакъ, фактъ состоялъ въ томъ, что Магомету привидилось, что онъ совершилъ путешествіе изъ храма мекканскаго въ храмъ Іерусалимскій, и что разсказъ его объ этомъ вызвалъ споры. Надо замѣтить, что въ этотъ періодъ дѣятельности Магомета его мысли часто должны были обращаться къ сѣверу, къ евреямъ, къ Іерусалиму. Сонъ приведеннаго содержанія естественно могъ привидиться ему. Всѣ споры о томъ, какъ понимать это видѣніе, разрѣшилъ Абу-Бекръ, сказавъ: какъ разсказалъ Магометъ, такъ и было. За это пророкъ назвалъ Абу-Бекра Асъ-Сиддикомъ, защитникомъ правды. Но наша бѣда въ томъ, что мы теперь не знаемъ, какъ на самомъ дѣлѣ разсказывалъ объ этомъ Магометъ.

Одно представляется несомнѣннымъ. Магометъ въ своей общинѣ почитался какъ пророкъ, но не какъ чудотворецъ. Къ нему не притекали толпы съ мольбою объ исцѣленіяхъ и отъ его гнѣва не бѣжали его враги изъ опасенія небесной кары. Напротивъ, традиція постоянно представляетъ, что Магометъ, не располагавшій никакими сверхъестественными силами, постоянно нуждался въ естественной помощи отъ своихъ почитателей. Его рѣчи они считали божественнымъ откровеніемъ. Но только рѣчи. Коранъ показываетъ, что ему не были открыты какія-либо особенныя видѣнія. Въ коранѣ нѣтъ фантастическихъ картинъ галлюцинатора. Вотъ почему теоріи эпилепсіи, мускульной истеріи, вообще психической ненормальности представляются намъ не только не помогающими пониманію дѣла, но, напротивъ, вредящими этому пониманію. Дѣятельность Магомета, его политика войны, отношеніе къ людямъ обнаруживаютъ неизмѣнное сохраненіе здравомыслія, что невозможно въ человѣкѣ подвергающемся нервному изступленію. Есть сказанія, которыя ярко подчеркиваютъ, что Магометъ не былъ чудотворцемъ. Такъ разсказывается, что когда на пути въ Мекку послѣдователи Магомета встрѣтили одного араба — кочевника, указанія котораго имъ понадобились, то, желая внушать ему особое почтеніе, сказали, что среди нихъ находится посланникъ Божій. „Если ты посланникъ Божій, сказалъ бедуинъ, обращаясь къ Магомету, то сообщи, что находится въ утробѣ вотъ этой верблюдицы“. Видно, что Магометъ полагалъ свое

посланничество не въ такихъ указаніяхъ. При другомъ случаѣ Магометъ предложилъ бывшимъ съ нимъ вскарабкаться на одинъ утесъ, говоря, что за это имъ отпустятся грѣхи, какъ нѣкогда они были отпущены сынамъ израиля. Многіе вскарабкались. Присутствовавшій при этомъ одинъ бедуинъ, сидѣвшій на верблюдѣ, равнодушно смотрѣлъ на старанія правовѣрныхъ получить отпущеніе грѣховъ. Его стали уговаривать сдѣлать то же, что и другіе и съ тою же цѣлью. Онъ отвѣтилъ: „вотъ еслибы мнѣ найдти моего заблудившагося верблюда, это было бы для меня поважнѣе отпущенія грѣховъ“. Гольдціеръ, изъ статьи котораго мы заимствуемъ эти разсказы, приводитъ ихъ въ доказательство того, что арабы-кочевники нерелигіозны и что ихъ не интересуютъ вопросы о будущей жизни и раѣ. Позволительно утверждать, что разсказы Гольдціера подсказываютъ совсѣмъ противоположные выводы. Въ разсказахъ ясно представляется, что лица остававшіяся равнодушными къ божественному посланничеству Магомета и желавшія только выгодныхъ для себя чудесъ, были исключеніями. Особенно это видно изъ второго разсказа, гдѣ всѣ бывшіе съ пророкомъ (изъ разныхъ племенъ) полезли на гору. Бедуинъ, тосковавшій о пропавшемъ верблюдѣ, былъ единичнымъ исключеніемъ, да при томъ какъ ни какъ его можно отчасти и извинить: вѣдь, нужно было немедлить съ отысканіемъ верблюда, а дѣло спасенія души можно было и отложить ненадолго. Изъ приведенныхъ разсказовъ слѣдуетъ, что Магометъ привлекалъ къ себѣ не чудесами, а своею религіозно-нравственною проповѣдью и обѣщаніями такихъ отдаленныхъ благъ, какъ райское блаженство.

И безъ содѣйствія чудесъ общество правовѣрныхъ росло. Весною 622 года, когда жители Ятриба съ паломническими цѣлями явились въ Мекку, у нихъ былъ заключенъ договоръ, по которому мусульмане во главѣ съ Магометомъ имѣли переселиться въ Ятрибъ и должны были тамъ встрѣтить радушный пріемъ и быть принятыми въ составъ ятрибскихъ поселенцевъ. Договоръ этотъ былъ заключенъ въ ночномъ засѣданіи, при чемъ со стороны Магомета дѣйствовалъ его дядя Аббасъ (тотъ самый, что обратилъ впослѣдствіи въ исламъ Абу-Софьяна, см. гл. 1), повидимому, нахо-

дившій истину только тамъ, гдѣ его носъ почуялъ выгоду. Магометъ въ помощники себѣ избралъ 12 накыбовъ или вождей (по примѣру 12 апостоловъ). Неясные слухи о договорѣ стали распространяться, но пока мекканцы не переходили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, ятрибцы ушли къ себѣ, а вслѣдъ за ними началась эмиграція мусульманъ. Наконецъ, мекканцы спохватились. Они видѣли, что отъ нихъ уходитъ родъ Магомета, его послѣдователи изъ другихъ родовъ и племенъ, что всѣ эти люди и—что еще важнѣе—городъ Ятрибъ станетъ къ нимъ во враждебныя отношенія. Представители всѣхъ родовъ корейшитовъ, кромѣ родичей Магомета, собрались обсуждать, что дѣлать. Сначала было думали заключить Магомета въ тюрьму. Но потомъ Абу-Джахль сдѣлалъ такое предложеніе: „Пусть каждый выберетъ изъ своей среды по вліятельному лицу, пусть всѣ эти выбранные — ихъ будетъ 11, — сразу нападутъ на Магомета и убьютъ его. Тогда родственникамъ Магомета нельзя будетъ прибѣгнутъ къ родовой мести, такъ какъ мстить нужно будетъ всѣмъ родамъ. Они могутъ тогда потребовать себѣ только виру (денежный шрафъ во 100 верблюдовъ), которую мы охотно заплатимъ“. Этотъ, совѣтъ достойный Ахитофела, показываетъ, что Магометъ далеко несправедливо назвалъ Абу-Джахля отцомъ невѣжества или отцемъ глупостей. По сказанію самихъ магометанъ этотъ совѣтъ былъ внушенъ сатаною, будто лично присутствовавшимъ въ собраніи въ образѣ старика, закутаннаго въ мантію. Планъ не удалось осуществить. Въ то время какъ Алій, завернувшись въ темнозеленый плащъ Магомета, лежалъ на постели пророка и установившіе за нимъ надзоръ мекканцы думали, что предъ ними находится ихъ злѣйшій врагъ, Магометъ съ Абу-Бекромъ, бѣжали изъ Мекки къ югу и скрылись здѣсь въ одной пещерѣ. Когда обманъ открылся, была выслана погоня, но Магомета не нашли, потому что искали его на сѣверѣ, а не на югѣ. Выждавъ время, Магометъ съ Абу-Бекромъ окольными путями направились въ Ятрибъ. Здѣсь Магомету была устроена торжественная встрѣча, и Ятрибъ сталъ называться Мединой (Мединетъ-анъ-Набій). т. е. городомъ пророка. У Магомета сначала не было собственнаго дома въ Мединѣ, и племена Аусъ и Хазраджъ

могли ревниво слѣдить, кому изъ нихъ отдастъ предпочтеніе пророкъ, воспользовавшись гостепріимствомъ. Но Магометъ представилъ дѣло божественному рѣшенію. Въѣхавъ въ городъ, онъ опустилъ поводья. Животное самостоятельно остановилось предъ домомъ одного хазраджита, и Магометъ временно поселился у него.

3.

Моментъ, когда Магометъ приблизился къ предмѣстьямъ Ятриба и былъ привѣтствуемъ, какъ пророкъ и религіозный вождь, долженъ считаться рѣшительнымъ въ исторіи ислама. Въ сущности это—день рожденія ислама. Доселѣ правовѣрные представляли собою не только нелегальную и гонимую общину, но и общину не обособившуюся еще отъ языческаго родства, языческихъ связей и обязанностей. Теперь община порывала съ опутывавшими ее связями и признавалась на мѣстѣ своего поселенія не только легальною, но и торжествующею. Этотъ историческій моментъ не опредѣленъ точно. Приблизительно онъ падаетъ на числа между 28 іюня—20 сентября 622 г. христіанской эры. Нѣкоторые (наприм., Мюллеръ) назначаютъ для него 20 сентября, нѣкоторые (наприм., Дози, Крымскій)—16 іюля. Бѣгство называется гедржа (одного корня съ Агарь), и всего 15 лѣтъ спустя послѣ гедржы халифъ Омаръ установилъ, что лѣтосчисленіе должно вестись съ нея. 622-й годъ христіанской эры является такимъ образомъ первымъ въ эрѣ мусульманской. Съ этого года начинается дѣло религіознаго и политическаго устроенія правовѣрныхъ.

Составъ населенія Медины послѣ вступленія въ нее Магомета опредѣлился такимъ образомъ: выходцы изъ Мекки (мехаджиры), мединскіе союзники и приверженцы Магомета (ансары), арабы язычники, евреи. На мѣсто принципа единства племеннаго Магометъ выдвинулъ принципъ единства религіознаго. Между правовѣрными не должно быть никакихъ споровъ, а спорные вопросы вообще должны быть рѣшаемы черезъ обращеніе къ Богу и Магомету. Важнѣйшія и самыя нужныя для магометанъ требованія къ арабамъ-

язычникамъ и евреямъ сводились къ двумъ: 1) они не должны вступать въ союзы (военные) съ противниками правовѣрныхъ, а должны быть въ союзѣ съ послѣдними и 2) при ихъ спорахъ съ послѣдними окончательно рѣшающій голосъ принадлежитъ Магомету. Послѣдній пунктъ, понятно, ставилъ неправовѣрныхъ въ очень тяжелыя условія, и только печальная необходимость должна была заставить ихъ на него согласиться.

Вступая въ Медину, Магометъ, по всей вѣроятности, думалъ, что на его сторонѣ скорѣе окажутся евреи, чѣмъ арабы-язычники. Магометъ слыхалъ, что въ священныхъ книгахъ евреевъ обѣщается появленіе великаго пророка (мессіи), что евреи ждутъ такого пророка и ему представлялось весьма естественнымъ, что они и признаютъ въ немъ такового. Еще въ Меккѣ, когда двери каабы закрылись предъ нимъ, онъ установилъ, что при молитвѣ нужно обращаться лицомъ къ Іерусалиму. Это обращеніе называется кебла. Въ Мединѣ, понятно, онъ долженъ былъ вступить съ евреями въ богословскія разсужденія. Странность и неправильность его представленій о Библіи, его невѣжество въ ритуальныхъ и даже моральныхъ вопросахъ ветхозавѣтной религіи не замедлили обнаружиться. Его претензіи стали для евреевъ предметомъ смѣха. (См. 51 сур. корана). Тогда у Магомета произошелъ разрывъ съ евреями, внѣшнимъ выраженіемъ котораго явилась перемѣна кеблы. Пророкъ постановилъ, что при молитвѣ должно обращаться лицомъ къ Меккѣ. Вотъ какъ онъ объяснилъ эту перемѣну. „Безумные между людьми спрашиваютъ: почему они отвратились отъ кеблы, которой слѣдовали прежде (отъ Іерусалима)? Отвѣты имъ: востокъ и западъ принадлежатъ Господу. Онъ ведетъ тѣхъ, кого хочетъ по пути правому. Такимъ образомъ мы сдѣлали васъ, о арабы, народомъ посредствующимъ, чтобы вы были свидѣтелями предъ лицемъ всѣхъ людей и чтобы посланникъ былъ свидѣтелемъ предъ вами. Мы установили прежнее кебла, чтобы отличить того, кто послѣдуетъ за пророкомъ, отъ того, кто отъ него отвратится. Это стѣсненіе, но не для тѣхъ, кого направляетъ Богъ. Богъ не оставитъ плода вашей вѣры, ибо Онъ полонъ милости и милосердія къ людямъ“ (2 сура, 136—138). Такъ, съ точки зрѣнія

Магомета молиться можно на какую-угодно сторону, но чтобы отличить правовѣрныхъ отъ евреевъ, онъ предписываетъ первымъ молиться, обратившись къ Меккѣ.

Для Магомета была пріобрѣтена земля въ Мединѣ. На ней строились дома для его женъ (для каждой отдѣльный), число которыхъ стало быстро увеличиваться. На ней была воздвигнута первая мечеть, служившая и для молитвъ, и для общественныхъ собраній, и для пріема лицъ обращавшихся къ Магомету. Магометъ установилъ, чтобы на молитву (азанъ) призывалъ съ мечети опредѣленною формулою моэдзинъ (возвѣститель). Вотъ эта формула, употребляющаяся до нынѣ: „Богъ великъ (4 раза), исповѣдую, что нѣтъ Бога кромѣ Бога (дважды), исповѣдую, что Магометъ посланникъ Божій (дважды). Идите на молитву (дважды). Идите ко благу (дважды). Богъ великъ (дважды). Нѣтъ Бога кромѣ Бога". Эта форма призыва отличала мусульманъ отъ евреевъ, употреблявшихъ для призыва трубы, и отъ христіанъ, сзывавшихъ на молитву посредствомъ била.

Въ Мединѣ Магометъ нашелъ новую родину, но не могъ забыть о старой. Мекка была священна въ его глазахъ. Въ ней совершились великія событія съ Адамомъ, Ноемъ, Авраамомъ, Измаиломъ и т. д. Въ ней стоялъ храмъ каабы— храмъ Аллаху; правда, въ этомъ храмѣ стояли и идолы, но самый храмъ былъ воздвигнутъ истинному Богу. И эта святыня находилась въ рукахъ злѣйшихъ враговъ Магомета и при томъ идолопоклонниковъ. Магометъ говорилъ своимъ послѣдователямъ: „сражайтесь на пути Божіемъ противъ тѣхъ, которые нападаютъ на васъ. Но не поступайте несправедливо, нападая на нихъ первыми, ибо Богъ не любитъ несправедливости. Убивайте ихъ вездѣ, гдѣ ни найдете, и гоните ихъ, откуда они васъ выгоняли. Искушеніе язычества хуже, чѣмъ военная сѣча. Не сражайтесь съ ними около дома молитвы, если только не нападутъ на васъ. Если они это сдѣлаютъ, убивайте ихъ. Таково возмездіе невѣрнымъ". Ненужно нападать первымъ и ненужно вредить безвреднымъ иновѣрцамъ. Но мекканцы не былы безвредными, о нихъ нельзя было сказать, что они не нападали на правовѣрныхъ и въ ихъ рукахъ была святыня нужная правовѣрнымъ и нѣкоторымъ образомъ даже оскверненная мекка-

ками. Право выступить противъ мекканцевъ, повидимому, Магомету представлялось безспорнымъ, но кромѣ права для этого дѣла нужна была еще сила и умѣнье управлять ею. Силы у Магомета пока было немного и въ томъ, какъ умѣло пользовался ею Магометъ и какъ искусно утилизировалъ ее, думаемъ, ясно видно, что это не былъ галлюцинаторъ въ экстатическихъ видѣніяхъ почерпающій увѣренность въ побѣдѣ, но это былъ искусный тактикъ, не терявшій головы ни при успѣхѣ, ни при пораженіи.

Мекка былъ богатымъ торговымъ городомъ. Мекканскіе караваны шли мимо Медины далеко на сѣверъ въ Сирію. Вотъ, эти караваны и привлекли къ себѣ благочестивое вниманіе пророка. Во время хаджа—4-хъ мѣсячнаго періода, когда различныя арабскія племена паломничали въ Мекку къ каабѣ—раздоры между арабами прекращались, и караваны не могли подвергаться нападенію. Такова была арабская традиція. Но обязаны ли слѣдовать ей мусульмане по отношенію къ мекканцамъ, принудившимъ мохаджировъ покинуть свою родину? Этотъ вопросъ скоро долженъ былъ разрѣшить Магометъ, такъ какъ его послѣдователи захватили одинъ мекканскій караванъ. Сначала въ Магометѣ заговорило было чувство традиціи, но потомъ другія чувства получили въ немъ преобладаніе. Онъ слишкомъ много претерпѣлъ отъ мекканцевъ и если доселѣ оставался въ живыхъ, то во всякомъ случаѣ вопреки ихъ желаніямъ и намѣреніямъ. Затѣмъ, теорія четырехъ священныхъ мѣсяцевъ почему должна быть для него обязательной? Мусульмане обособились отъ арабовъ-язычниковъ, слѣдовательно и отъ ихъ обычнаго права. Совокупность подобныхъ соображеній, соединенныхъ съ глубокимъ презрѣніемъ къ гнусности идолопоклонства, привели къ тому, что Магометъ раздѣлилъ добычу между своими. Явилась вторая сура корана (одна изъ самыхъ замѣчательныхъ и большихъ, содержащая 286 стиховъ), которою отмѣнялось значеніе священнаго мѣсяца, какъ обязывающаго къ миру, и съ одной стороны запрещалось motu proprio нападать на невѣрныхъ, а съ другой стороны поощрялись подобныя нападенія. Вскорѣ Магометъ самъ предпринялъ напасть на караванъ Абу-Софьяна возвращавшійся изъ Сиріи въ Мекку. Караванъ

былъ огромный, стоимостью до 50000 динаріевъ (около 300,000 рублей). Слухъ о намѣреніяхъ Магомета достигъ до каравана. Абу-Софьянъ успѣлъ вытребовать себѣ подкрѣпленіе изъ Мекки. На встрѣчу ему двинулось для охраны его войско въ трое превышавшее численность отряда, съ которымъ дѣйствовалъ Магометъ. Пророкъ двинулся къ Бедру пункту, гдѣ обыкновенно останавливались караваны и гдѣ онъ думалъ захватить беззащитнаго Абу-Софьяна съ его богатствами. Но оказалось, что караванъ прошелъ этотъ пунктъ. Мекканскому отряду не оставалось ничего, какъ вернуться назадъ вмѣстѣ съ караваномъ. Но вотъ, здѣсь буквально можно выразиться, передавая воззрѣнія мусульманъ: чортъ дернулъ ихъ повеличаться надъ послѣдователями Магомета. Мусульмане такъ и представляютъ, что сатана въ обликѣ Сураки подстрекалъ невѣрныхъ къ битвѣ. Мекканцы постановили отправиться къ Бедру, сдѣлать тамъ остановку и пировать три дня. Предпріятіе окончилось для мекканцевъ очень печально. Правовѣрные заняли Бедру раньше. Мекканцы надвинулись на нихъ. Произошла битва. Имѣются детальныя описанія этого сраженія—безтолковаго и, не смотря на пролившуюся кровь, съ нашей точки зрѣнія имѣющаго сильный комическій оттѣнокъ. Отсутствіе единства, дисциплины и регулярности должны были сообщить борьбѣ безтолковый характеръ. Но главное—важнѣйшимъ факторомъ въ битвѣ была психологія. Вѣрный или невѣрный слухъ, пущенный въ оборотъ немедленно поднималъ духъ или возбуждалъ панику. Къ несчастію для мекканцевъ среди нихъ стали распространятся слухи наводящіе панику. У нихъ пало нѣсколько выдающихся лицъ, между тѣмъ Магометъ видѣлъ ангела Гавріила съ легіонами небожителей, сражавшимися за правовѣрныхъ. 49 мекканцевъ (въ числѣ ихъ Абу-Джахль) пало, почти столько же попало въ плѣнъ, и войско мекканцевъ бѣжало, не смотря на то, что оно продолжало втрое превосходить силы Магомета (мусульманъ пало 14 человѣкъ). Сотни верблюдовъ, оружіе и утварь достались мусульманамъ. Самымъ важнымъ была однако не военная добыча, а нравственное значеніе событія. Имѣя силы втрое меньшія, чѣмъ у враговъ. Магометъ одержалъ побѣду, между тѣмъ враги были не менѣе мужественны и не менѣе опытны, чѣмъ сподвижники Магомета. Такую побѣду можетъ даро-

вать только Богъ; слѣдовательно съ Магометомъ Богъ. Умозаключенія можетъ быть не такія по формѣ, но несомнѣнно съ такимъ выводомъ должны были слагаться у многихъ, и престижъ Магомета долженъ былъ возвыситься.

За всѣмъ тѣмъ было ясно, что окончательно побѣдить мекканцевъ и вступить въ Мекку и не легко и нельзя въ скоромъ времени. Естественно было заняться прежде покореніемъ и уничтоженіемъ противниковъ болѣе слабыхъ. Такими являлись евреи, т. е. они собственно не были противниками Магомета, у нихъ съ нимъ и его послѣдователями былъ заключенъ договоръ, но они не признавали Магомета пророкомъ. Положиться на нихъ, разумѣется, было нельзя уже потому, что договоръ, который былъ съ ними заключенъ, былъ крайне для нихъ невыгоденъ и несомнѣнно былъ ими принятъ только потому, что еслибы они его не приняли добровольно, ихъ бы заставили сдѣлать это невольно. Отношенія между евреями и мусульманами были натянутыя. Очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ евреевъ подумывали о мекканцахъ, какъ о своихъ возможныхъ избавителяхъ. Въ окрестностяхъ Медины жило три еврейскихъ племени: Бену-Кейнока, Бену-Надиръ и Бену-Корейза. Къ ихъ несчастію между ними не было единства и солидарности. Дѣйствовалъ ли Магометъ по обдуманному плану или образъ его дѣйствій опредѣлился случайностью, но во всякомъ случаѣ онъ изгналъ и уничтожилъ эти племена по одиночкѣ. Первымъ преслѣдованію Магомета подверглось племя Кейнока. Между евреями этого племени и мусульманами произошелъ какой-то споръ и драка, закончившаяся убійствомъ. Магометъ привязался къ этому случаю, возбудилъ своихъ послѣдователей противъ Кейнока, послѣ двухнедѣльной осады принудилъ ихъ къ сдачѣ, хотѣлъ, было, даже истребить ихъ, но затѣмъ дозволилъ имъ удалиться, а ихъ земли, дома и имущества достались мусульманамъ.

Между тѣмъ Мекканцы стремились отмстить за пораженіе при Бедрѣ. Правовѣрные пытались грабить ихъ караваны, они производили рекогносцировки съ поджогами и, наконецъ, въ количествѣ 3000 человѣкъ двинулись на Мединy. Магометъ въ концѣ концовъ могъ выставить противъ нихъ всего лишь 700. Такимъ образомъ мекканцы превосходили правовѣрныхъ численностію болѣе, чѣмъ въ 4 раза. При

Оходѣ близъ Медины враги встрѣтились. Сначала успѣхъ въ битвѣ былъ на сторонѣ мусульманъ. Но именно этотъ успѣхъ начала и послужилъ причиною пораженія. Вообразивъ, что дѣло уже выиграно, стрѣлки Магомета охранявшіе лѣвый флангъ сзади, куда только и могла пробиться непріятельская конница, бросились на грабежъ. Непріятели прорвались чрезъ незащищенное мѣсто. Магомету камнемъ раскроили губу и выбили зубъ. Повидимому, получилъ онъ и еще кое-какіе основательные удары. Онъ упалъ на землю. Разнесся слухъ, что онъ убитъ. Правовѣрные разбѣжались. Было убито 72 мусульманина, а у мекканцевъ всего 27 человѣкъ. Но мекканцы не стали ихъ преслѣдовать. Не сдѣлали этого даже и тогда, когда узнали, что слухъ о смерти Магомета былъ невѣрнымъ. И то, чего они достигли, доставило имъ торжество. Между тѣмъ тотъ самый путь умозаключеній, который послѣ сраженія при Бедрѣ велъ къ мысли, что Магометъ пророкъ, теперь послѣ сраженія при Оходѣ велъ къ противоположному выводу. Еслибы съ Магометомъ былъ Богъ, то Магометъ одержалъ бы побѣду, но Магометъ разбитъ, слѣдовательно, Богъ не съ нимъ, слѣдовательно, онъ—не пророкъ Божій. Магометъ однако не смутился ни происшедшимъ пораженіемъ, ни явившимися умозаключеніями. Въ 3-й сурѣ (200 стиховъ) онъ напомнилъ о побѣдѣ при Бедрѣ, установилъ, какъ несомнѣнное, что Богъ даетъ побѣду вѣрнымъ и при самыхъ ничтожныхъ силахъ у нихъ. Онъ выяснилъ и событіе при Оходѣ (142—151). Побѣда тамъ давалась уже вѣрнымъ. „Богъ уже исполнилъ свои обѣщанія, когда вы по его повелѣнію разбили вашихъ враговъ; но ваша храбрость склонилась, и вы заспорили о дѣлѣ, которое вы знаете, вы не послушались, когда пророкъ указалъ вамъ то, чего вы желали.... Тѣ, которые удалились въ день встрѣчи двухъ войскъ, были возмущены сатаной въ наказаніе за какой-нибудь совершенный грѣхъ. Богъ простилъ ихъ, потому что Онъ терпѣливъ и милостивъ“. Итакъ, пораженіе есть наказаніе за грѣхъ, и бѣжавшіе прощены. Но не одно наказаніе имѣлъ въ виду Богъ, лишивъ побѣды правовѣрныхъ. Раннѣйшій успѣхъ Магомета сдѣлалъ то, что въ ряды его послѣдователей кромѣ людей искреннихъ вступили и „лицемѣры“. При неуспѣхѣ эти „лицемѣры“ не замедлили открыть себя. Такимъ образомъ пораженіе было

нужно, чтобы открыть и обличить ихъ. Къ слову увѣщанія и вразумленія Магометъ присоединилъ и дѣло. Онъ предпринялъ преслѣдованіе удалившихся мекканцевъ, но можетъ быть къ счастію для него, онъ ихъ не догналъ и возвратился благополучно. Нужно было однако побѣдить кого-нибудь. Магометъ получилъ откровеніе, что одинъ еврей изъ племени Бену-надиръ хочетъ его убить. Можетъ быть дѣйствительно, какъ существуютъ нѣкоторыя указанія, бену-надирцы сносились съ корейшитами. Такъ или иначе Магометъ потребовалъ ихъ удаленія, осадилъ ихъ, уничтожилъ ихъ пальмовыя плантаціи и принудилъ ихъ къ выселенію, сдѣлавъ по обычаю ихъ имущество добычей мусульманъ.

Не забывая о Меккѣ и не опуская ее изъ виду, Магометъ сталъ совершать походы на разныя мелкія племена, покоряя ихъ одно за другимъ и обогащая своихъ послѣдователей добычей. Но мекканцы, ободренные побѣдою при Оходѣ, рѣшили предпринять новый походъ на Мединy. Опасность грозила большая. Шло около 10 тысячъ человѣкъ. Но какъ бы въ новое доказательство того, что съ Магометомъ Богъ, опасность совсѣмъ не перешла въ бѣду. Персъ Салманъ освобожденный изъ рабства за то, что принялъ исламъ, предложилъ Магомету окопать всю Мединy широкимъ и глубокимъ рвомъ. Тогда вступить въ городъ мекканскому войску не могло быть легко. Мединцы такъ и сдѣлали. Пріемъ этотъ былъ анти-арабскій. Въ духѣ арабовъ смѣло идти на встрѣчу противника, а не прятаться отъ него. Но если этотъ пріемъ и не свидѣтельствовалъ о храбрости, то въ немъ было много мудрости. Мекканцы подошли, не запасшись припасами и расположившись около города скоро начали терпѣть нужду. Они дѣлали попытки прорваться въ городъ. Попытки кончались неудачею. Они вступили тогда въ тайные переговоры съ евреями Бену-корейза, жившими въ юго-восточномъ предмѣстьи Медины. Магометъ узналъ объ этомъ, приступы противниковъ онъ отбилъ. Кромѣ этого при помощи своихъ людей достигъ того, что внушилъ мекканцамъ недовѣріе къ Бену-корейза. Дѣло кончилось тѣмъ, что мекканцы сняли осаду и отправились въ Мекку. Окопная война окончилась почти безъ пролитія крови. Но ея прямымъ слѣдствіемъ было истребленіе племя Бену-корейза. Магометъ немедленно двинулся на

ихъ кварталъ. Нѣсколько дней они выдерживали осаду и затѣмъ сдались, разсчитывая вѣроятно, что съ ними будетъ поступлено, какъ съ Кейнока или Надиръ. Магометъ представилъ рѣшеніе ихъ участи на третейскій судъ одного изъ своихъ вождей Саада, смертельно ненавидившаго Корейза. Саадъ по милости ихъ получилъ смертельную рану при осадѣ. Приговоръ умирающаго вождя былъ кратокъ: мужчинъ обезглавить, женщинъ и дѣтей продать въ неволю, добычу—воинамъ. Приговоръ приведенъ былъ во исполненіе. Только одна еврейка, красавица Рейхана, вмѣсто того, чтобы стать рабыней, сдѣлалась женою пророка.

Съ гибелью племени Корейза Магометъ становился общепризнаннымъ владыкой и духовнымъ главою Медины и ея окрестностей. Медина становилась теперь упроченнымъ центромъ, изъ котораго пророкъ долженъ былъ распространять свою вѣру и власть по отношенію къ периферіи. Подчиняя себѣ все вокругъ, Магометъ въ то же время продолжалъ и дѣло устроенія общества. Вырабатывалось постепенно мусульманское право, которое должно было замѣнить собою арабскіе обычаи. Эта мысль, что исламъ несетъ гибель прежнимъ арабскимъ традиціямъ, формулировалъ одинъ изъ мусульманъ прежній другъ Кейнока, отрекшійся отъ нихъ въ слѣдующихъ словахъ: „сердца перемѣнились, и исламъ уничтожаетъ всѣ договоры“. Эта формула несомнѣнно была искреннимъ убѣжденіемъ Магомета, и это нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ тѣхъ его дѣйствій, въ которыхъ онъ отступалъ отъ древне-арабскихъ обычаевъ.

Въ битвахъ Магометъ вырабатывалъ военную тактику, въ сношеніяхъ и договорахъ съ племенами политику, въ своихъ проповѣдяхъ — вѣроученіе, обстоятельства его личной жизни заставляли его разработать семейное право. Въ Меккѣ онъ былъ мужемъ Хадиджи, въ Мединѣ онъ сталъ мужемъ многихъ женъ. Нѣкоторые изъ эпизодовъ его семейной жизни повели за собою возникновеніе цѣлыхъ суръ корана. Потерявъ сыновей отъ Хадиджи, Магометъ усыновилъ своего бывшаго раба Зейда и развилъ теорію, что пріемышъ есть тоже самое, что и родной сынъ. Въ этой теоріи и въ Зейдѣ осиротѣлый отецъ нашелъ такимъ образомъ успокоеніе. Однажды Магометъ зашелъ къ Зейду, когда его не было дома и встрѣтилъ его жену Зейнабу въ очень легкомъ ко-

стюмѣ. Красота Зейнабы поразила Магомета, что онъ ей и высказалъ. Зейнаба похвасталась этимъ предъ Зейдомъ Зейдъ тогда предложилъ свою красивую супругу въ супруги Магомету. Пророкъ сначала колебался. Отцу взять жену сына въ сущности значитъ съ точки зрѣнія самыхъ различныхъ народовъ взять замужъ свою дочь. Но потомъ пророкъ пришелъ къ нѣкоторымъ выводамъ, по которымъ его женитьба на Зейнабѣ не представляла ничего предосудительнаго.

Пріемышъ не тоже, что сынъ. „Богъ не далъ человѣку двухъ сердецъ. Онъ не далъ, чтобы ваши супруги, которыхъ вы можете отвергнуть, были для васъ какъ матери, ни того, чтобы ваши пріемыши были какъ собственныя дѣти. Эти слова только въ вашихъ устахъ. Одинъ Богъ говоритъ правду, и направляетъ на путь истинный. Называйте вашихъ сыновей—пріемышей по имени ихъ отцовъ, это будетъ справедливѣе предъ Богомъ. Если вы не знаете отцовъ ихъ, то пусть будутъ ими ваши братья по вѣрѣ и ваши подчиненные; не будетъ никакого грѣха, если вы обманетесь въ этомъ отношеніи; но будетъ грѣхъ, если вы составляете вольные вымыслы. Богъ полонъ благости и милосердія“ (сура 33, 4—6). Зейдъ развелся съ Зейнабой, Магометъ взялъ ее себѣ въ жены, и 37-й стихъ 33 суры отъ имени Аллаха говоритъ по этому поводу слѣдующее: „О Магометъ. Ты однажды сказалъ человѣку, къ которому Богъ былъ полонъ благости и котораго осыпалъ своими щедротами: береги свою жену и бойся Бога, а ты скрывалъ въ своемъ сердцѣ то, что Богъ тотчасъ долженъ былъ выставить на свѣтъ. Ты боялся людей, хотя справедливѣе было бояться Бога. Но когда Зейдъ взялъ свою долю и рѣшилъ отвергнуть свою жену, мы соединили ее съ тобою бракомъ, потому что вѣрующимъ нѣтъ преступленія жениться на женахъ своихъ пріемышей, послѣ развода съ ними. И предопредѣленіе Божіе исполнилось“.

При небольшихъ и неопасныхъ походахъ Магометъ имѣлъ обыкновеніе брать съ собою какую-либо изъ женъ. Въ одну такую рекогносцировку онъ взялъ съ собою Аишу, съ которой онъ обручился, когда ей было 6—7 лѣтъ и на которой женился, когда ей было 10. Послѣ Хадиджи Аиша имѣла на него самое сильное вліяніе. На возвратномъ пути Аиша потеряла ожерелье. Во время остановки она отправилась его

искать, нашла, но когда вернулась, увидала, что караванъ уже ушелъ, и ушелъ ея верблюдъ, на которомъ былъ замкнутый паланкинъ. Могли подумать, что Аиша въ немъ спала. А кто знаетъ—можетъ быть руководились и недобрыми цѣлями. Аиша была умна, вліяла на Магомета и нѣкоторые имѣли основанія бояться отъ нея непріятностей. Аишу нашелъ одинъ запоздавшій молодой человѣкъ Совфанъ, который и довезъ ее на своемъ верблюдѣ. Разумѣется, возвращеніе супруги стараго пророка съ молодымъ человѣкомъ немедленно родило злостныя сплетни. Магомета постарались вооружить противъ Аиши и достигли того, что онъ пересталъ обращать на нее вниманіе. На Аишу это подѣйствовало такъ, что она заболѣла и попросила Магомета дозволить ей вернуться къ отцу. Это—обычная формула развода. Магометъ началъ совѣтоваться съ приближенными, что ему дѣлать. Одни совѣтовали развестись и вотъ это-то и заставляетъ думать, что кой-кто не долюбливалъ Аишу. Другіе совѣтовали не разводиться. Третьи совѣтовали нарядить слѣдствіе. Но какъ его было нарядить и произвести? Магометъ самъ обращался къ Аишѣ, она сначала молчала, затѣмъ разразилась рыданіями, съ клятвою Аллаху утвердила свою невинность и закончила: „все, что я могу сдѣлать, это сказать вмѣстѣ съ отцомъ Іосифа — отъ волненія Аиша по ея послѣдующему разсказу забыла имя Іакова—мнѣ подобаетъ терпѣніе, одинъ Господь — мой помощникъ“. Послѣ этого Аллахъ возвѣстилъ Магомету о невиновности Аиши и онъ сообщилъ это ей. „Благодареніе Богу“, отвѣтила Аиша. Но разъ Аллахъ утвердилъ невиновность Аиши, то какъ отнестись къ тѣмъ, которые настаивали на ея виновности. Конечно, жены пророка, видно, были не то же, что жена цезаря. Подозрѣніе ихъ касаться могло, но теперь обвиненія Аиши оказались клеветою. Клеветники должны были быть наказаны. Ренанъ говорилъ, что въ образованіи ислама играли значительную роль женщины. Въ общемъ это, конечно, невѣрно. Но относительно 24 суры мы лично склонны думать, что нѣкоторые стихи ея продиктованы Магомету не Аллахомъ, а тринадцатилѣтней Аишей. Таковымъ особенно представляется 4-й стихъ: „которые приносятъ обвиненія на честныхъ женщинъ безъ возможности представить 4-хъ свидѣтелей, будутъ наказаны восьмидесятью ударами розогъ;

въ добавокъ вы никогда не примете ихъ свидѣтельства въ чемъ бы то ни было; ибо они злы". Хотя законъ былъ изданъ послѣ преступленія, однако онъ былъ примѣненъ къ дѣлу, былъ между прочимъ высѣченъ одинъ придворный поэтъ Хассанъ. Послѣ этого онъ уже предпочиталъ воспѣвать Аишу, а не обвинять ее въ невѣрности.

Магометъ имѣлъ болѣе 12 женъ, не считая наложницъ. Конечно, между супругами пророка не могло быть единодушія. Но можно еще удивляться тому, что нѣтъ никакихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о крѣпкихъ раздорахъ въ его широкой семьѣ. Затѣмъ не видно, чтобы этотъ восточный правитель являлся по отношенію къ своимъ женамъ деспотомъ или тираномъ. Александрійскій правитель подарилъ ему коптянку Маріяту. Дома для нея не было выстроено. Случилось, что Хавса, одна изъ супругъ пророка, отлучилась изъ своего дома. Пророкъ повелъ въ этотъ домъ Маріяту. Дни Магомета были распредѣлены между его женами, и этотъ день принадлежалъ Хавсѣ. Она неожиданно возвратилась и закричала: „какъ въ моемъ домѣ и въ мой день и ты еще называешься пророкомъ". Для характеристики Магомета интересно, что онъ смутился, призналъ себя неправымъ и довольно малодушно просилъ Хавсу не разсказывать другимъ женамъ о происшедшемъ. И уже только то несчастное обстоятельство, которое, разумѣется, можно было предвидѣть, что Хавса разболтала о происшедшемъ, разсказала Аишѣ и должно быть пророку досталось отъ двухъ супругъ, только это привело къ тому, что Магометомъ получено было откровеніе, дозволявшее ему безъ всякихъ условій искать удовлетворенія въ своихъ женахъ (66 сура, 1 ст.) и призывавшее Хавсу и Аишу къ раскаянію. „Если вы возвращаетесь къ Богу (если раскаеваетесь), ибо сердца ваши уклонились, то Богъ проститъ васъ, но если вы обѣ соединились противъ пророка, то знайте, что Богъ его покровитель, что Гавріилъ, что всякій справедливый человѣкъ между вѣрующими и ангелы окажутъ ему помощь. Если онъ отвергнетъ васъ, то можетъ дать ему женъ лучше васъ" (66, 4—5). Отъ Маріяты Магометъ имѣлъ сына (вскорѣ умершаго). Онъ принесъ младенца къ Аишѣ и сказалъ, что никогда еще сынъ такъ не походилъ на отца. На что Аиша отвѣтила, что она не видитъ ни малѣйшаго сходства между

отцомъ и сыномъ. Несомнѣнно, что такое заявленіе не могло быть пріятно ни отцу, ни матери. Видно, что Магометъ не препятствовалъ своимъ женамъ говорить непріятныя ему вещи. Едвали своею властію онъ могъ прекращать и ихъ столкновенія. Одна изъ его женъ—еврейка (Рейхана? Сафія?) жаловалась ему, что другія жены презираютъ ее и говорятъ ей: „ты жидовка, дочь жида и жидовки". Магометъ сказалъ ей: „а ты имъ отвѣть: Авраамъ—мой отецъ, Моисей—дядя, Магометъ—мужъ". Нигдѣ не видно, чтобы въ своихъ отношеніяхъ къ женамъ Магометъ опирался на могучую власть, которою несомнѣнно онъ располагалъ по отношенію къ нимъ, онъ предпочиталъ въ своихъ притязаніяхъ аппеллировать къ своему достоинству пророка: „О жены пророка; вы не то, что другія жены; если вы боитесь Бога, не показывайте слишкомъ ласку въ своихъ словахъ изъ опасенія, чтобы мужчина, сердце котораго заражено слабостію, не имѣлъ на васъ постыдныхъ желаній. Ведите всегда разговоръ скромный. Оставайтесь покойно въ своихъ домахъ, не предавайтесь роскоши прошлыхъ временъ невѣжества (язычества), соблюдайте часы молитвы, творите милостыню, повинуйтесь Богу и Его посланнику. Богъ хочетъ только удалить мерзость отъ васъ всѣхъ, его семейства и увѣрять васъ въ совершенной чистотѣ" (33 сура, 33 ст.). Такъ Магометъ чистоту своего семейнаго очага хотѣлъ охранить не репрессаліями въ восточномъ духѣ, а внушеніемъ страха Божія.

Завѣтною религіозною мечтою Магомета было овладѣть ключами Каабы, которыми нѣкогда по преданію овладѣлъ его предокъ. Магометъ ждалъ, когда его могущество станетъ достаточнымъ для того, чтобы можно было двинуться на Мекку. Весною 628 года онъ сообщилъ правовѣрнымъ, что во снѣ онъ совершилъ паломничество въ Мекку, обошелъ Каабу, совершилъ надлежащіе обряды и получилъ ключи отъ Каабы. Правовѣрные выразили искреннее желаніе, чтобы совершилось на яву то, что пророкъ видѣлъ во снѣ. Рѣшили совершить малый Хаджъ въ мѣсяцъ Зулькаде и явиться въ Мекку въ видѣ пилигримовъ, т. е. не имѣя никакого оружія кромѣ меча, вложеннаго въ ножны. Мусульмане думали, что мекканцы не окажутъ имъ сопротивленія и не станутъ съ ними воевать въ священный мѣсяцъ, но

вскорѣ оказалось, что мекканское войско двигается на встрѣчу правовѣрнымъ. Магометъ свернулъ тогда съ прямой на окольную дорогу и остановился въ мѣстности Ходейбія—на границахъ священной земли. Отсюда между мусульманами и мекканцами начались переговоры, которые и закончились слѣдующимъ договоромъ, заключеннымъ отъ лица Магомета со стороны правовѣрныхъ и отъ лица Сухейля со стороны мекканцевъ. „Во имя твое, о Аллахъ. Вотъ условія, на которыхъ заключается миръ между Магометомъ, сыномъ Абдуллы, и Сухейлемъ, сыномъ Амра. Они согласились не вести войны между договаривающимися сторонами на 10 лѣтъ. Въ теченіе этого времени обѣ стороны безопасны, та и другая обязаны не нарушать мира. При этомъ, если кто изъ корейшитовъ безъ вѣдома имѣющихъ надъ нимъ законное право, перейдетъ къ Магомету, послѣдній обязанъ выдать его. Если кто отъ Магомета перейдетъ къ корейшитамъ, тѣ не обязаны возвращать его обратно. Да будетъ между нами искренность безъ лицемѣрія, да не будетъ тайной непріязни или хитрости. Если кто изъ другихъ племенъ захочетъ вступить въ договоръ или союзъ съ Магометомъ, это дозволяется. Дозволяется заключать таковой же и съ корейшитами. Затѣмъ обязанъ ты (Магометъ) въ этомъ году очистить нашу область и не возвращаться въ Мекку. А по истеченіи года мы тебѣ очистимъ (городъ) передъ твоимъ прибытіемъ. Тогда можешь ты и сопровождающіе тебя вступить туда и пробыть три дня вооруженные тѣмъ, что нужно въ дорогѣ: мечами въ ножнахъ; никакого иного (оружія) не имѣешь ты и твои права надѣвать“. Тонъ договора показываетъ, что онъ, повидимому, диктовался корейшитами (обязанъ ты—Магометъ). Въ его содержаніи есть много, что должно было казаться унизительнымъ для Магомета и невыгоднымъ для мусульманъ. Аллаху не приписано обычныхъ предикатовъ въ исламѣ—милостивѣйшаго и милосердаго, Магометъ не названъ посланникомъ Божіимъ, ему какъ совершенно равная величина противополагается Сухейль, который въ глазахъ мекканцевъ не представлялъ собою ничего необыкновеннаго. Затѣмъ по договору выходило, что корейшиты имѣютъ право отнимать союзниковъ у Магомета, а Магометъ не смѣетъ дѣлать этого по отношенію къ корейшитамъ. Затѣмъ, ближайшею для исполненія

статьею договора являлась та, согласно которой Магометъ долженъ былъ немедленно убираться изъ области Мекки. Правовѣрные глубоко возмущались, когда писался договоръ. Когда онъ былъ написанъ, Омаръ началъ ругать Магомета за его малодушную уступчивость. Магометъ все время оставался спокойнымъ. Абу-Бекръ сказалъ Омару, указывая на Магомета: „держись крѣпче за его стремя: онъ—посланникъ Божій". Абу-Бекръ понялъ, что въ глазахъ Магомета этотъ договоръ былъ торжествомъ и шагомъ къ полному торжеству. Съ корейшитской точки зрѣнія Магометъ до этого договора трактовался какъ мекканскій преступникъ, подлежащій смертной казни. Теперь корейшиты признаютъ въ немъ представителя интересовъ племенъ и признаютъ за арабскими племенами право вступать съ нимъ въ союзы. Этимъ параграфомъ немедленно стали пользоваться племена, потому что союзъ съ Магометомъ привлекалъ ихъ уже возможностью военной добычи. Самымъ унизительнымъ пунктомъ договора, повидимому, было то, что союзники корейшитовъ не могли переходить къ Магомету. Этотъ параграфъ вскорѣ попросили вычеркнуть сами корейшиты. Случилось это такъ. Нѣкто Абу-Басиръ изъ Мекки принялъ исламъ и бѣжалъ въ Медину. Потребовали его выдачи. Магометъ выдалъ. Но Абу-Басиръ бѣжалъ съ дороги, собралъ около себя шайку человѣкъ въ 70, сталъ грабить корейшитовъ и надѣлалъ столько бѣдъ, что корейшиты всѣмъ желающимъ разрѣшили переселяться въ Медину и упрашивали Магомета уничтожить сначала ими же предложенный параграфъ. Такъ Магомета признали въ Меккѣ, оставалось признать его господство.

Но однако непосредственнымъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ договоръ на недальновидныхъ послѣдователей пророка, было уныніе. У Магомета былъ маневръ, который онъ всегда употреблялъ для разсѣянія подобнаго унынія среди малодушныхъ. Если крупная добыча срывалась, онъ бросался на мелкую. Обыкновенно этой мелкой добычей становились евреи. И теперь онъ устремился на евреевъ, жившихъ въ Хидзажѣ. Послѣ двухнедѣльной осады евреи сдались. Имъ было позволено удалиться съ женами и дѣтьми, но безъ имущества, которое доставалось правовѣрнымъ. Но такъ какъ землю дѣвать было некуда, то евреямъ было по-

зволено вернуться вновь для ея обработки, но уже на арендныхъ условіяхъ и на срокъ, „какъ долго угодно будетъ Богу“. Одна еврейка (Зейнабъ), родные которой погибли при осадѣ, прислала Магомету въ подарокъ отравленное мясо овцы. Ядъ сообщилъ мясу омерзительный вкусъ. Магометъ попробовалъ, выплюнулъ и не сталъ ѣсть. Одинъ изъ его гостей отравился на смерть, и Магометъ до смерти утверждалъ, что чувствуетъ въ себѣ дѣйствіе яда и свою смертельную болѣзнь приписалъ этому же яду.

Въ 629 году Магометъ съ толпами пилигримовъ совершилъ хаджъ въ Мекку. Онъ торжественно вступилъ въ священный городъ. Его дядя Аббасъ женилъ его на своей овдовѣвшей невѣсткѣ Меймунѣ. Но когда пророкъ, ссылаясь на предлогъ брачныхъ торжествъ, хотѣлъ было продлить срокъ своего пребыванія въ Меккѣ далѣе условленныхъ трехъ дней, Сухейль потребовалъ, чтобы договоръ былъ исполненъ въ точности, и Магометъ съ своими приверженцами принужденъ былъ покинуть Мекку. Но онъ успѣлъ, должно быть, сдѣлать не мало. Несомнѣнно онъ и раньше, когда еще видѣлъ во снѣ ключи отъ Каабы, сносился съ мекканцами, зналъ настроеніе города и непрестанно привлекалъ на свою сторону все большее и большее число лицъ. Теперь тѣ, которые въ качествѣ бѣглецовъ покинули Мекку вмѣстѣ съ Магометомъ, снова вступали въ сношенія съ своими мекканскими родственниками, и послѣдніе должны были убѣждаться, что доля послѣдователей пророка оказывалась вовсе не жалкой. Малый хаджъ далъ возможность Магомету и его приверженцамъ завязать и установить многія сношенія. Время овладѣть Меккой наступило. Но для того, чтобы овладѣть ею, нужно нарушить договоръ или—лучше—нужно выискивать и дожидаться случая, который бы далъ право на нарушеніе договора. Магометъ скоро нашелъ такой случай. Племя хозаитовъ, находившееся въ союзѣ съ Магометомъ, имѣло постоянныя столкновенія съ племенемъ бекритовъ, бывшимъ въ союзѣ съ корейшитами. Одинъ хозаитъ побилъ бекрита за эпиграмму на Магомета. Бекриты за это напали въ расплохъ на хозаитовъ и многихъ перерѣзали. Изъ обстоятельствъ дѣла видно, что въ этомъ движеніи противъ союзниковъ Магомета участвовали нѣкоторые корейшиты. Магометъ рѣшилъ, что договоръ на-

рушенъ и что онъ имѣетъ право наказать мекканцевъ. Мекканцы и сами это почувствовали. Они вступили въ переговоры съ Магометомъ, но эти переговоры не привели ни къ чему и не выяснили истинныхъ намѣреній Магомета. Онъ скрывалъ ихъ даже отъ самыхъ близкихъ людей—отъ Аиши и отъ ея отца своего ближайшаго друга Абу-Бекра. Этотъ его способъ дѣйствій, думаемъ, совершенно разбиваетъ теорію, что Магометъ не достигъ бы ничего, еслибы не было Омара и Абу-Бекра. Еслибы ихъ не было, этотъ тонкій дипломатъ нашелъ бы ихъ, т. е. вмѣсто Омара и Абу-Бекра онъ нашелъ какихъ-либо Ибрагима или Совфана и они служили бы ему такъ же, какъ Абу-Бекръ. Онъ зналъ, кто ему нуженъ и находилъ нужныхъ людей. У арабовъ были въ ходу между племенами поэтическія единоборства, и Магометъ окружилъ себя поэтами, которые своими эпиграммами и стихами привлекали на его сторону людей ему враждебныхъ. Недаромъ, вѣдь, и поэтъ сплетничавшій про Аишу, въ концѣ концовъ былъ не только прощенъ, но и одаренъ. Магометъ находилъ и военныхъ тактиковъ и полководцевъ и умѣлъ завоевывать сердца людей такъ, что они отдавали ему своихъ женъ и за него отдавали жизнь. Но ихъ умъ и руки нужны были ему лишь за тѣмъ, чтобы служить его цѣлямъ, а не за тѣмъ, чтобы совершать для него сюрпризныя покоренія и завоеванія. Магометъ дѣлалъ обширныя военныя приготовленія, но не объявлялъ объ ихъ цѣли. Если принять во вниманіе, что имъ уже намѣчались походы на сѣверъ, то, понятно, многимъ могла и не приходить въ голову мысль о Меккѣ. Магометъ даже выслалъ небольшой отрядъ на сѣверъ, что еще болѣе должно было устранять мысль о мекканскомъ походѣ. Затѣмъ онъ быстро и съ большими силами двинулся на Мекку. Здѣсь должно быть ведена была энергичная пропаганда въ его пользу. Его дядя Аббасъ всегда относившійся къ нему дружественно, но не принимавшій ислама, теперь выступилъ ему на встрѣчу и принялъ исламъ. Высланный на развѣдки Абу-Софьянъ былъ, какъ мы разсказывали, приведенъ къ исповѣданію ислама доводами Аббаса. Если не считать небольшой схватки, кончившейся тѣмъ, что противниковъ Магомета разогнали, Магометъ вступилъ въ Мекку безъ всякаго сопротивленія. Его родной городъ такъ долго преслѣдовавшій

его и такъ долго сопротивлявшійся ему, теперь былъ въ его полной власти. Ключи Каабы уже не во снѣ, а на яву оказались въ рукахъ пророка. Мекканцамъ не было причинено никакого вреда. Они только стали союзниками Магомета. Ихъ войско должно было теперь служить Магомету, но за это и пользоваться добычей такъ же, какъ и магометане. Принятіе ислама для мекканцевъ не было обязательнымъ. Магометъ не счелъ нужнымъ дѣлать обязательнымъ того, что, по его соображеніямъ, должно было сдѣлаться само собою. Мекканцы постепенно приняли исламъ sua sponte.

Магометъ становился могучимъ владыкой Аравіи. Еще когда онъ съ своимъ войскомъ приближался къ Меккѣ, Абу-Софьянъ, глядя на него, сказалъ Аббасу: „однако твой племянникъ—могучій властелинъ“.—„Ты забылъ, сказалъ Аббасъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ познавшій истинность ислама, что онъ еще и пророкъ“.—„Ахъ, да“, вспомнилъ забывчивый Софьянъ. Но всетаки Аравія была покорена не вся. Сосѣдній съ Меккою городъ Таифъ, изъ котораго нѣкогда выгнали Магомета, чуть не побивъ его камнями, въ союзѣ съ нѣкоторыми бедуинскими племенами, составилъ коалицію противъ Магомета. Пророкъ выступилъ противъ нихъ съ бедуинами, мекканцами и мединцами. Сначала его дѣло оказалось плохо. Бедуины и мекканцы оказались ненадежными, но энергія мединцевъ вдохнула мужество и въ остальныхъ. Войско противниковъ было разбито и оно бѣжало. Правовѣрнымъ попало въ плѣнъ 6000 женщинъ и дѣтей, 24,000 верблюдовъ, множество мелкаго скота и имущество побѣжденныхъ. Если въ самой битвѣ Магометъ обнаружилъ таланты полководца, то въ томъ, какъ онъ поступилъ съ добычей, онъ проявилъ себя тонкимъ дипломатомъ. Ему хотѣлось привлечь къ себѣ побѣжденныхъ таифцевъ, укрѣпить свою связь съ мекканцами и не обидить мединцевъ. Онъ достигъ всего, чего хотѣлъ. Онъ предложилъ прежде всего вознаградить мекканцевъ и имъ была отдана вся добыча въ предположеніи, что мединцамъ достанутся деньги за проданныхъ въ рабство женъ и дѣтей. Затѣмъ явились послы отъ враговъ, объявлявшіе, что они готовы вступить въ союзъ съ Магометомъ и принять исламъ, если имъ будутъ возвращены жены, дѣти и имущество. Ма-

гометъ заявилъ, что имущество онъ возвратить не можетъ, но женщинъ и дѣтей возвратилъ имъ безъ всякаго выкупа. Это великодушіе сильно подѣйствовало на противниковъ. Ихъ вождь Маликъ, а за нимъ и другіе немедленно приняли исламъ. Но однако мединцы остались безъ добычи. Исконные и искренніе друзья Магомета были обойдены, они начали роптать. Между тѣмъ Магометъ долженъ былъ вмѣстѣ съ ними возвратиться въ Медину и уже ранѣе утвердилъ, что онъ будетъ всегда имѣть постоянное жительство въ этомъ пріютившемъ его городѣ. Онъ обратился къ мединцамъ съ рѣчью. „Вы негодуете на то, что другіе увели съ собою овецъ и верблюдовъ, а сами кого вы уводите? Вы ведете съ собой на родину посланника Божія... Еслибы весь міръ двинулся въ одну сторону, а ансары (союзники—мединцы) въ другую, клянусь, я остался бы съ моими ансарами. О всемогущій, будь же вѣчно милосердъ къ ансарамъ и къ сынамъ ансаровъ и къ сынамъ сыновъ ансаровъ“. Среди мединцевъ поднялись плачъ и рыданіе. Раздались громкіе крики: „мы довольны тобою всѣ, о посланникъ Божій, и судьбою и участіемъ твоимъ“. Такъ, Магометъ своимъ врагамъ отдалъ ихъ семейства, мекканцамъ—добычу, а мединцамъ—самого себя и привлекъ всѣхъ.

Хотя Аравія была обращена въ исламъ еще не вся и не безусловно, хотя въ Таифѣ еще держался и почитался идолъ Аллатъ и только немного позже былъ низвергнутъ, при чемъ его, кажется, оплакивали даже менѣе, чѣмъ Перуна въ Кіевѣ, однако взоры и намѣренія Магомета простирались уже далеко за предѣлы Арабскаго полуострова. Аллахъ есть Творецъ міра и владыка вселенной и пророкъ хотѣлъ, чтобы весь міръ почиталъ этого владыку. Еще раньше, чѣмъ Мекка признала его пророкомъ, онъ уже посылалъ свои войска для завоеваній на сѣверъ. Онъ послалъ Зейда съ трехтысячнымъ отрядомъ на сѣверъ, при чемъ предвидя опасности похода онъ постановилъ, что въ случаѣ смерти Зейда долженъ замѣнить Джафаръ (сынъ Абу-Талифа, двоюродный братъ Магомета) и Джафара-Ибнъ Раваха. У южной оконечности Мертваго моря въ мѣстечкѣ Мута столкнулись правовѣрные съ войсками императора Ираклія. Зейдъ, Джафаръ, Ибнъ Раваха были убиты. Мусульмане обратились въ безпорядочное бѣгство. Только Халидъ установилъ поря-

докъ среди бѣглецовъ и привелъ ихъ въ Медину. Магометъ далъ за это Халиду имя „Божій мечъ“. Послѣ этого вскорѣ онъ отправилъ новыя экспедиціи противъ сѣверныхъ арабскихъ племенъ и ему удалось подчинить ихъ себѣ. Затѣмъ пророкъ отправилъ посольства — по всей вѣроятности это было не одновременно — къ византійскому императору Гераклію, шаху Персіи, абиссинскому негусу, царю Йемамы (на востокъ отъ Медины), правителямъ Египта и Сиріи, правителю Іемена (персидскому намѣстнику). Въ письмахъ, отправленныхъ съ посольствами, онъ предлагалъ императорамъ и правителямъ принять исламъ и подчиниться ему. Императоры, видно, отнеслись къ этому предложенію съ презрѣніемъ. Вѣроятно, претензіи вождя арабскихъ бедуиновъ показались имъ болѣе смѣшными, чѣмъ наглыми. Но намѣстники и правители второго порядка отнеслись къ предложенію Магомета съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ. Имъ представлялась возможность выбора для себя владыки, при чемъ естественно у нихъ возникало соображеніе: нельзя ли дѣйствительнаго прежняго владыку замѣнить номинальнымъ новымъ.

Упрочивъ въ общемъ, хотя и не вполнѣ, свое владычество въ Аравіи, Магометъ, видно, безусловно рѣшилъ выступить за ея предѣлы. Кромѣ религіозныхъ убѣжденій и соображеній имъ несомнѣнно двигалъ двойной политическій разсчетъ: 1) арабовъ наиболѣе могла привязать къ исламу и Магомету военная добыча; в) въ борьбѣ съ не-арабами естественнѣе всего могло установиться и окрѣпнуть доселѣ не существовавшее арабское единство. Предлогъ для войны былъ: нужно было отплатить за пораженіе при Мутѣ. Магометъ собралъ войско, состоявшее изъ 30,000 пѣхотинцевъ и 10,000 конницы и жаркимъ лѣтомъ двинулся въ походъ. Походъ былъ утомительнымъ и тяжелымъ. Между тѣмъ выяснилось, что о византійскихъ войскахъ на сѣверѣ ничего не слышно, а туземные непріятели разбѣжались. Магометъ тогда прекратилъ наступательное движеніе въ страны, которыя ему самому были неизвѣстны. Но сѣверныя племена, изъ каковыхъ нѣкоторыя были христіанскими, онъ постарался подчинить себѣ, при чемъ ему въ этомъ дѣлѣ много помогъ „мечъ Божій“ Халибъ.

Ученіе корана распространилось до крайнихъ границъ

Аравіи. Въ началѣ 632 года пророкъ рѣшилъ снова совершить хаджъ въ Мекку. Это его путешествіе оказалось послѣднимъ и носитъ имя „прощальнаго“. Пророкъ вступилъ въ Мекку во всей своей силѣ и славѣ, но, вѣроятно, онъ уже чувствовалъ, что скоро ему должно будетъ покинуть землю, ему уже перешло за 60 лѣтъ, онъ много испыталъ и перенесъ, а съ тѣхъ поръ какъ его пытались оправить, онъ, по его собственнымъ словамъ, постоянно чувствовалъ вкусъ яда и никогда не чувствовалъ себя здоровымъ. Въ Меккѣ какъ бы въ видѣ завѣщанія онъ изложилъ предъ общиною литургическія и моральныя постановленія. Онъ установилъ календарь, опредѣлившій праздники и посты и онъ преподалъ своимъ послѣдователямъ нѣсколько нравственныхъ завѣтовъ. Правовѣрные должны быть братьями между собою. Они не должны покушаться на имущество одинъ другого. Кровавая месть запрещается безусловно, не должны въ этомъ отношеніи подниматься и счеты существовавшіе во время язычества. Бракъ является нерасторжимымъ. Имущества должны отъ умершихъ переходить къ законнымъ наслѣдникамъ. Жены должны быть цѣломудренны и послушны, мужья должны обходиться съ ними кротко и заботиться объ ихъ благополучіи. Съ рабами должно обходиться хорошо, не убивать ихъ и лишь въ крайнихъ случаяхъ допускать ихъ продажу. Магометъ не колебалъ существовавшаго соціальнаго и семейнаго строя, но онъ стремился внести въ этотъ строй начала милосердія и любви. Не обижай ближняго твоего. Арабъ плохо зналъ и помнилъ эту заповѣдь. Арабъ могъ быть и безкорыстнымъ и великодушнымъ и добрымъ, но задѣли его или такъ, что ему не понравилось, или у него явилась нужда и онъ безъ зазрѣнія совѣсти осмѣивалъ, клеветалъ, грабилъ и убивалъ.

Однако вернувшись въ Медину, Магометъ снова началъ приготовленія къ походу на сѣверъ. Онъ назначилъ полководцемъ Усаму, сына погибшаго Зейда. Назначеніе юнаго Усамы вызвало было неудовольствіе, но пророкъ съ своимъ обычнымъ тактомъ успѣлъ его такъ загасить, что прежніе недовольные только чувствовали свою вину предъ пророкомъ. Между тѣмъ думали о походѣ. Опредѣлили сборный пунктъ для лагеря. Но Магометъ становился боленъ все сильнѣе и сильнѣе. Повидимому болѣзнь овладѣла имъ не

сразу, онъ долго боролся съ нею, велъ дѣла, она постепенно ослабляла его, и онъ видѣлъ, что къ нему приближается смерть. Онъ бросилъ свой обычай перекочевывать изъ дома въ домъ своихъ женъ и совершенно поселился въ домѣ Аиши. Однажды ночью онъ всталъ съ своего ложа болѣзни и прошелъ на мединское кладбище. Его сопровождалъ служитель. Здѣсь Магометъ, обратившись къ могиламъ многихъ своихъ сподвижниковъ, сказалъ: „благословенны вы, ибо пользуетесь судьбою лучшею судьбы остающихся послѣ васъ“. Вернувшись къ себѣ, Магометъ сказалъ: „вотъ Господь представилъ своему рабу выборъ между этимъ временнымъ и немедленнымъ предстательствомъ предъ лицо Божіе“. Преданный ему Абу-Бекръ воскликнулъ: „за тебя мы отдадимъ и себя и своихъ сыновей“. Магометъ отвѣтилъ: „оставь, о чемъ печалишься“. Не имѣя силъ выходить въ мечеть—Магометъ поручилъ предстательство на молитвѣ Абу-Бекру. Лекарствъ онъ не принималъ. Аиша однажды попыталась влить ему чего-то, когда онъ былъ въ безсознаніи. Когда онъ очнулся, онъ заявилъ, что питье ему не понравилось и велѣлъ всѣмъ своимъ домашнимъ выпить его. Магометъ раздавалъ всѣ свои деньги бѣднымъ. Но передъ болѣзнею онъ передалъ небольшую сумму Аишѣ. Потомъ онъ велѣлъ раздать ей эти деньги бѣднымъ семействамъ, которыя самъ назвалъ. Когда она медлила этимъ дѣломъ, онъ поторопилъ ее и когда деньги были отданы, онъ сказалъ: „теперь я покоенъ; не подобало мнѣ предстать предъ Моего Владыку, владѣя золотомъ“.

Находившійся почти уже въ безнадежномъ состояніи, Магометъ неожиданно потребовалъ себѣ чернилъ и бумаги. Онъ будто хотѣлъ написать книгу для предохраненія правовѣрныхъ отъ заблужденія. Но бывшій при этомъ Омаръ воспрепятствовалъ исполнить просьбу Магомета. „Пророкъ бредитъ“, сказалъ онъ. Кто знаетъ: чего опасался Омаръ? Можетъ быть онъ боялся, что Магометъ напишетъ вслѣдствіе болѣзни и неяснаго сознанія что-нибудь недостойное его. Можетъ быть онъ опасался, что своимъ преемникомъ по полномочіямъ онъ назначитъ своего двоюроднаго брата Алія, сына Абу-Талифа, который въ политическихъ дѣлахъ уже являлся его представителемъ. Судя по дальнѣйшему разсказу, Магометъ дѣйствительно просилъ орудій письма въ

безсознательномъ состояніи. Съ Омаромъ заспорили и хотѣли принести матеріалъ для писанія. Поднялся шумъ. Магометъ отъ этого шума, повидимому, пришелъ въ себя и сказалъ: „удалитесь; не должно спорить въ домѣ посланника Божія“. Такъ ничего не было написано Магометомъ и имъ не было оставлено никакого завѣщанія. На другой день утромъ, когда правовѣрные по обычаю собрались въ мечети, находившейся около дома Аиши, на молитву и собрались въ громадномъ числѣ, такъ какъ ихъ безпокоила судьба пророка, Магометъ, котораго никто не могъ ждать, неожиданно появился въ мечети. Онъ шелъ нетвердо, поддерживаемый другими. Но при видѣ молящейся многолюдной общины его лицо озарилось улыбкой нравственнаго удовлетворенія и обратившись къ народу онъ сказалъ. „клянусь Аллахомъ; никто не долженъ обвинять меня ни въ чемъ. Я ничего не разрѣшалъ, чего бы не разрѣшилъ Самъ Богъ, и ничего не запрещалъ, чего бы не запретилъ Богъ въ своей книгѣ“. Затѣмъ истощенный онъ вернулся въ домъ Аиши, она уложила его въ постель, онъ склонилъ свою голову на ея грудь и у него начался бредъ. У него вырывались тяжелые вздохи, стоны и моленія. „Аллахъ, помоги“. „Гавріилъ, приблизься“.... „Нѣтъ, великіе мои товарищи въ раю“. Съ этими словами онъ скончался. Онъ не имѣлъ наслѣдника и не назначилъ преемника. Чтобы его дѣло не погибло, нужно было, чтобы власть надъ образованнымъ имъ царствомъ — царствомъ религіознымъ и политическимъ вмѣстѣ—перешла къ достойнѣйшему.

4.

Съ именемъ Магомета связывается мысль о коранѣ, какъ книгѣ, въ которой онъ изложилъ или въ которой изложено его ученіе. Несомнѣнно, коранъ есть созданіе Магомета, созданіе его не въ меньшей, а даже въ большей степени, чѣмъ, напр., Гамлетъ или Макбетъ являются созданіями Шекспира. Но если драмы Шекспира исчерпываютъ его дѣло или то, что французы называютъ oeuvre, то никакъ нельзя сказать, что коранъ, т. е. изложеніе ученія Магомета, было исчерпывающимъ его oeuvre'омъ. Исторія религій учитъ насъ, что въ дѣлѣ образованія и развитія религіозныхъ общинъ вообще мало

имѣло значенія, что написалъ или что непосредственно записали за какимъ-либо религіознымъ реформаторомъ, важны были всегда личность реформатора или основателя общины и его дѣла. Если бы не было Магомета и если бы коранъ упалъ съ неба именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ имѣется у арабовъ, и всѣ арабы знали бы, что онъ дѣйствительно имѣетъ сверхъестественное происхожденіе, можно рѣшительно утверждать, что на арабскомъ полуостровѣ не произошло бы никакого ни религіознаго, ни политическаго движенія, и много, много, что, пожалуй, съ горяча арабы повыкинули бы идоловъ изъ каабы и другихъ святилищъ, чтобы потомъ пожалѣть объ этомъ. Религія—не философія. Если въ философіи автора закрываетъ книга, и мы знаемъ лишь сочиненія Гегеля, но намъ не нужно знать Гегеля, то въ религіи, наоборотъ, авторъ закрываетъ книгу, и кто знаетъ жизнь и дѣла Магомета, коранъ немного поможетъ тому понять вѣро-и-нравоученіе ислама.

Дѣло, oeuvre Магомета, это созданіе имъ религіозной общины. Исповѣданіе вѣры этой общины можно выразить въ нѣсколькихъ короткихъ предложеніяхъ, которыя легко можетъ затвердить и навсегда удержать самая слабая память. Можно утверждать, что краткость исповѣданія есть даже необходимое условіе успѣха религіозной пропаганды. Вольтеръ сказалъ, что революцію можетъ произвести книга стоящая нѣсколько су, какъ, наприм. Евангеліе, и ее никогда не могутъ произвести книги, стоящія сотни франковъ, какъ, напр., французская энциклопедія. Въ этихъ словахъ заключается много истины. Но истиной является также и то, что всякое исповѣданіе вѣры развивается и разростается какъ въ историческомъ, такъ и догматическомъ отношеніи. Изъ краткой формулы выростаетъ книга, потомъ десятки и сотни книгъ. Среди религій исламъ представляетъ особенный интересъ для изслѣдователя тѣмъ, что въ немъ первая и важнѣйшая книга—коранъ является всецѣло дѣломъ его основателя. Этого нѣтъ ни въ религіи Будды, ни въ религіи Зороастра, ни въ религіи Лао-тци и, этого не чувствуется и въ „кингахъ“ Конфуція. Коранъ—другое дѣло. Духомъ Магомета вѣетъ отъ каждой его суры. Окончательная кодификація корана совершилась около 651 г., Магометъ умеръ въ 632, не прошло 20 лѣтъ со смерти основателя религіи, какъ

его ученіе уже отлилось въ навѣки окристаллизовавшуюся форму.

Слово „коранъ“ значитъ чтеніе, изученіе, ученіе, оно происходитъ отъ еврейскаго кара — читать. Буквально слово „коранъ“ можно перевести лекція и точно передать смыслъ слова, прибавивъ — лекція, составленная по божественному откровенію и подъ божественнымъ воздѣйствіемъ. Каждое откровеніе, когда излагалось Магометомъ общинѣ, являлось кораномъ—лекціей, но въ концѣ концовъ именемъ корана стали называть всю совокупность откровеній, полученныхъ Магометомъ. Коранъ раздѣляется на 114 суръ или главъ. Сура или Шура, какъ и коранъ, еврейское слово, оно означаетъ рядъ камней въ стѣнѣ, строчку въ письмѣ, но какъ кораномъ стали называть совокупность корановъ, такъ и сурою—совокупность суръ, т. е. строчекъ, и одна сура (2-я) заключаетъ въ себѣ 286 стиховъ, изъ каковыхъ нѣкоторые (наприм. 282) заключаетъ до 23 строкъ. Кораны Магомета записывались его слушателями и почитателями на отдѣльныхъ листкахъ или подъ его диктовку или motu proprio. Многіе добрые мусульмане совершенно неграмотные знали наизусть многіе кораны. Но эти непосредственные и вѣрные ученики пророка въ 633 г. были большею частію перебиты въ борьбѣ съ лжепророкомъ Мосейлимою. Нужно было позаботиться о сохраненіи письменной редакціи корана. Рѣшили собрать находившіеся въ частныхъ рукахъ кораны, чтобы изъ нихъ составить коранъ. Преемникъ Магомета по государственному и религіозному управленію общиной Абу-Бекръ поручилъ это дѣло Зейду. Зейдъ взялся за него очень неохотно, но успѣшно его выполнилъ. Однако рядомъ съ кораномъ редакціи Зейда, принятой Абу-Бекромъ существовали варіанты и дополненія въ частныхъ рукахъ. Возникали разногласія и споры. Чтобы уничтожить ихъ, рѣшили составить каноническую редакцію корана. Говорятъ, что она была составлена такимъ образомъ. Были отобраны всѣ имѣвшіеся у отдѣльныхъ лицъ листы корана и загѣмъ, когда коранъ былъ редактированъ, всѣ варіанты были уничтожены. Если принять, что Зейдъ въ канонической редакціи точно повторилъ первую редакцію, то тогда получимъ, что дѣло изданіе каноническаго корана было чрезвычайно простымъ, оно было простымъ дѣломъ уничтоженія. Уни-

чтоженіе во всякомъ случаѣ совершено было очень успѣшно. Коранъ, одна изъ немногихъ священныхъ книгъ, не имѣющихъ варіантовъ. Разумѣется, уничтоженіе варіантовъ текста не уничтожило варіантовъ пониманія. Коранъ понимается и толкуется различно. Но важно уже и то, что относительно объекта пониманія не поднимается споровъ.

Арабы въ средніе вѣка занимались разработкою логики, но коранъ Магомета не даетъ предчувствовать, что народъ, у котораго создалась эта книга, впослѣдствіи будетъ трактовать о системахъ, опредѣленіяхъ и доказательствахъ. Коранъ не знаетъ системы, не знаетъ послѣдовательности, ему чужды требованія связи между предыдущимъ и послѣдующимъ, единства содержанія въ отдѣлѣ. Это очень понятно. Имѣя въ виду раскрыть какое-нибудь положеніе, Магометъ высказывалъ, развивалъ его и затѣмъ по случайно представившемуся поводу, по личному вдохновенію онъ присоединялъ новые стихи, имѣющіе для себя психологическое объясненіе, но въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ стихамъ совсѣмъ не имѣющіе логическаго оправданія. Поэтическія созданія древнихъ отражаютъ въ себѣ естественную мысль человѣка, постоянно перебѣгающую съ предмета на предметъ и управляемую естественными ассоціаціями. Наши книги не отражаютъ въ себѣ теченія нашей мысли, мы выбрасываемъ на бумагѣ все не относящееся къ дѣлу. Поэтому въ современныхъ сочиненіяхъ очень трудно искать процесса, которымъ человѣкъ дошелъ до извѣстныхъ тезисовъ, сочиненія даютъ только результаты процессовъ. На первичной ступени развитія человѣкъ не стѣсняется показывать другимъ, какимъ на самомъ дѣлѣ сумбурнымъ путемъ можетъ двигаться мысль. Ѣдущій дикарь поетъ, находя постоянно новый матеріалъ для пѣсни въ окружающей природѣ. Увидалъ березу, поетъ: вотъ стоитъ береза; мелькнула предъ нимъ лисица, онъ поетъ: какъ бы хорошо было поймать ее. Коранъ Магомета стоитъ на промежуточномъ пути между безыскусственною пѣснью дикаря и нашими трактатами, и его языкъ представляетъ собою переходъ отъ поэзіи къ прозѣ. Этотъ языкъ совершенно справедливо уподобить нашимъ раешникамъ съ тою разницею, что въ коранѣ вмѣсто вульгарной насмѣшки обыкновенно слышится неподдѣльное благоговѣніе. Вотъ стиль — хотя и не буква

корана. „Клянусь пышнымъ дня сіяніемъ и тихой ночи обаяніемъ. Господь тебя, вѣдь, не оставилъ и милости своей Онъ не убавилъ. Поистинѣ конецъ — всему началу вѣнецъ. Онъ благомъ даритъ обильнымъ, на вѣки сдѣлаетъ Онъ сильнымъ. Не сиротой ли Онъ тебя нашелъ? взыскалъ бездомнаго, на вѣрный путь повелъ. Не бѣднымъ ли тебя Онъ повстрѣчалъ? и вотъ—тебѣ богатство далъ. И ты сиротъ не притѣсняй, просящему немедленно подай. И благость Божью прославляй“ (см. 93 суру). Отъ чистаго стиха Магометъ пришелъ къ риѳмованной прозѣ и затѣмъ къ прозѣ чистой. Ренанъ считаетъ его творцомъ послѣдней въ арабскомъ языкѣ.

Если Магометъ, возвѣщая откровенія, непринужденно переходилъ отъ одного предмета къ другому, то тѣмъ болѣе непринужденно его почитатели записывали на своихъ листкахъ его различныя откровенія, не дѣлая отмѣтокъ о различіи времени и обстоятельствъ произнесенія. И вотъ — въ такомъ хаотическомъ видѣ Зейдъ получилъ записи корана, чтобы изъ нихъ составить незыблемую священную книгу. Чѣмъ руководился онъ при распредѣленіи откровеній? Полагаютъ, что этотъ арабскій мыслитель поступилъ очень просто, онъ избралъ принципъ длины: чѣмъ длиннѣе сура, тѣмъ она ближе къ началу. Однако первая сура—очень короткая (7 ст.)—выдвинута, очевидно, по другому принципу, она представляетъ молитву постоянно читаемую мусульманами и обладающую по ихъ представленіямъ особенною дѣйственностію. Эта сура имѣетъ много наименованій (сура, заключающая въ себѣ всѣ прочія, сура достаточная, сура хвалы, милосердія, молитвы, мать корана, мать книги). Но за нею суры располагаются по убывающему количеству стиховъ, лишь съ весьма незначительными отступленіями.

Если въ коранѣ нѣтъ системы, то ничто, конечно, не препятствуетъ каждому привести въ таковую его содержаніе, распредѣлить по рубрикамъ, раздѣлить догматическіе, нравоучительные и историческіе элементы. Было сдѣлано много попытокъ расположить коранъ по принципу хронологическому, при чемъ довольно наивно предполагалось, что Магометъ Мекки (начала) и Магометъ Медины (конца)—два разныхъ Магомета, разно учившіе и разно излагавшіе свои мысли, первый — энтузіастъ, лирикъ, второй — значительно

остывшій и даже нѣсколько плутоватый моралистъ. Позволительно думать, что такія предположенія скорѣе помѣшаютъ правильному пониманію ислама, чѣмъ будутъ ему способствовать. Магометъ выступилъ проповѣдникомъ не 20, а 40 слишкомъ лѣтъ, его воззрѣнія, вѣрованія, чувства сформировались и окрѣпли, по частнымъ вопросамъ и пунктамъ онъ могъ мѣнять рѣшенія и взгляды, но въ общемъ и основномъ онъ не могъ мѣняться. Въ коранѣ находятъ несогласованность, пытаются указывать противорѣчія и отсюда дѣлаютъ выводы, что такія мѣста корана созданы въ различныя эпохи, и, такъ сказать, различными Магометами, т. е. что они обусловливаются перемѣною убѣжденій арабскаго пророка. Но такъ ли это? Не заключаютъ ли взгляды каждаго изъ насъ въ каждый данный моментъ много несогласованнаго и противорѣчиваго? Человѣкъ ограниченъ, его отдѣльныя сужденія обыкновенно опредѣляютъ отдѣльную сторону предмета и взятыя обособленно кажутся противорѣчивыми, когда на самомъ дѣлѣ они только восполняютъ одно другое, а порою обнаруживаютъ безсиліе мысли найдти выходъ изъ лабиринта антиномій. Не нужно спѣшить искать противорѣчій въ коранѣ, не нужно спѣшить соглашать и примирять его суры между собою, нужно пытаться понять психологію создателя корана, понять, почему изъ однихъ и тѣхъ же устъ и повидимому за одно и то же раздавались то благословенія, то проклятія, понять, почему одинъ и тотъ же голосъ призывалъ то къ безпредѣльному прощенію и милосердію, то къ безчеловѣчной мести. Безъ сомнѣнія, это трудно, и потомъ въ концѣ концовъ такое истолкованіе личности и книги всегда окажется субъективнымъ. Но все-таки, кажется, это есть единственный путь для полученія правдоподобныхъ выводовъ.

Наиболѣе яснымъ и безспорнымъ пунктомъ въ коранѣ является ученіе о единомъ Богѣ. Есть единый Богъ милосердый и милостивый. Во имя этого Бога даны всѣ суры корана (только 9-я сура не предваряется этимъ надписаніемъ). Во имя Бога милосердаго и милостиваго — *бисмилляги ррагмани ррагимъ*. *Рагминъ* значитъ милосердый ко всѣмъ безразличія, *рагимъ* — милосердый къ заслуживающимъ милосердія. „Богъ, нѣтъ другого Бога кромѣ Его. За нимъ всѣ лучшія имена“ (сура 20, 7). Истинный Богъ есть *Аллахъ*, боги лож-

ные и даже понятіе божества обозначается словомъ *иляхъ*. „Я—Богъ, нѣтъ другого бога кромѣ меня, говорится далѣе въ той же сурѣ (14). Такъ почитай меня и въ воспоминаніе обо мнѣ твори молитву". „Не полагай на ряду съ Богомъ другихъ боговъ, ибо будешь низверженъ въ геенну, покрытый срамомъ и презрѣніемъ. Изберетъ ли васъ Богъ случайно въ сыновья и возметъ ли дѣвушекъ въ ангелы? Вы произносите этимъ страшное слово" (17, 41—42). Ему (Богу) принадлежитъ всякое существо на небѣ и на землѣ. Тѣ, которые подлѣ него, не пренебрегаютъ поклоняться Ему и не пропускаютъ этого. Они прославляютъ хвалы Его днемъ и ночью; они ничего не выдумаютъ на Его счетъ. Взяли ли они богами на землѣ, боговъ способныхъ воскрешать мертвыхъ? Еслибы былъ другой богъ кромѣ Его на небѣ и на землѣ, то они уже погибли бы. Слава владыки трона выше, что Ему приписываютъ..... Ангелы покланяются ли другимъ божествамъ кромѣ Бога" (сура 21, 19 — 24)? Идея Бога, по мысли Магомета, неизбѣжно соединяется съ идеею единства. Если бы рядомъ съ Богомъ были другіе боги, возникла бы борьба, повидимому, долженъ бы былъ разрушиться міръ, въ концѣ концовъ высочайшій Богъ долженъ бы былъ восторжествовать, и всѣ боги кромѣ одного должны погибнуть. Если это такъ, то мысль о томъ, что Богъ не одинъ является богохульствомъ. Но это утверждаютъ язычники, воздвигающіе идоловъ многимъ богамъ и христіане, учащіе о Троичности. Противъ язычниковъ Магометъ направилъ приведенные выше 19—23 ст. 53 суры, которые по преданію ему лучше было бы направить противъ самого себя, такъ какъ передъ этимъ онъ будто бы готовъ былъ вмѣстѣ съ мекканцами почитать ихъ боговъ. Противъ христіанъ направлены многія мѣста корана. Таковою является вся (кратчайшая) 112 сура. „Скажи: Богъ Единъ. Это Богъ, къ Кому всѣ существа обращаются въ своихъ нуждахъ. Онъ не родилъ и не былъ рожденъ. Онъ не имѣетъ Себѣ равнаго въ чемъ бы то ни было"„ О вы, получившіе писанія, не измѣняйте въ вашей религіи истинной вѣры, не говорите о Богѣ кромѣ истины. Мессія Іисусъ, сынъ Маріи, посланникъ Бога и Его слово, которое Онъ бросилъ въ Марію. Онъ духъ происходящій отъ Бога. Вѣруйте въ Бога и Его посланниковъ и не говорите: есть Троица. Перестаньте это дѣлать. Это вамъ

будетъ выгоднѣе, ибо Богъ единъ. Слава Ему: какъ у него будетъ сынъ? Ему принадлежитъ все, что на небесахъ и на землѣ. Его покровительства достаточно. Довольно имѣть покровителемъ Бога. Мессія не пренебрегаетъ быть Слугой Божіимъ, не болѣе какъ ангелы приближающіеся къ Богу“ (4, 169—170). „Невѣрный тотъ, кто говоритъ: Богъ—третій изъ Троицы, между тѣмъ какъ нѣтъ Бога кромѣ Единаго Бога. Если они не перестанутъ ..... навѣрное страшное наказаніе ожидаетъ невѣрныхъ. Не возвратятся ли они къ Господу, не будутъ ли они умолять о прощеніи? Онъ терпѣливъ и милосердъ. Мессія, сынъ Маріи, былъ только посланникъ; другіе посланники Ему предшествовали. Его мать была правая. Они питались кушаньями“ (5, 77—79). „Они (христіане) говорятъ: Богъ имѣетъ сына. По славѣ (*собганагу:* это хула на славу Божію) нѣтъ. Скажите лучше: все, что есть на небесахъ и на землѣ, принадлежитъ Ему и все Ему повинуется“ (2, 110). Можно предположить, что христіанское ученіе было изложено Магомету въ неправильномъ освѣщеніи, ученіе о троичности лицъ развивали предъ нимъ въ ущербъ ученію о единствѣ существа, можетъ быть передававшіе ему это ученіе и сами представляли его неясно и неправильно. Благочестіе Магомета глубоко могло оскорбиться кажущимся политеизмомъ ученія. Политеизмъ ограничиваетъ Божество и для того, кто глубоко воспринялъ мысль о Божествѣ, онъ является отталкивающимъ и богохульнымъ. Видно, объ Іисусѣ Христѣ Магомету говорили много хорошаго и поэтому Магометъ нигдѣ не учитъ, что Іисусъ присвоилъ себѣ непринадлежащее божеское достоинство. Таковое приписали Ему христіане. Напротивъ, Магометъ обращаетъ въ свою пользу пророчество Іисуса Христа о ниспосланіи утѣшителя (Еванг. Іоан. 15, 26; 16, 13). Въ коранѣ говорится слѣдующее: „Іисусъ, сынъ Маріи, говорилъ своему народу: о дѣти Израиля, Я посланный къ вамъ апостолъ Божій для потвержденія пятокнижія, которое дано вамъ до меня и для объявленія вамъ о приходѣ послѣ меня посланника, котораго имя будетъ Ахметъ“ (Ахметъ одного корня съ Магометъ, значитъ славный). Христіане, возвысивъ Іисуса до Бога, оскорбили Бога; евреи, не принявшіе посланника Божія (Магомета), о которомъ возвѣщалось въ ихъ книгахъ, тоже оскорбили Бога, отсюда становится понят-

нымъ слѣдующее наставленіе корана: „о вѣрующіе, не избирайте друзьями жидовъ и христіанъ; они друзья одни другимъ. Тотъ, кто приметъ ихъ за друзей, кончитъ сходствомъ съ ними, а Богъ не будетъ путеводителемъ нечестивыхъ“ (сур. 5, 56).

Богъ единъ. Какъ единый, онъ есть начало и конецъ всего. „Онъ первый и послѣдній внутренній и внѣшній (невидимый и видимый). Онъ знаетъ все“ (сур. 57, 3). Все существующее есть созданіе Божіе. „Мы сотворили, говоритъ о Себѣ Богъ, небеса и землю и все пространство, которое раздѣляетъ ихъ, въ 6 дней. На насъ не напала усталость“ (сур. 50, 37). Эта послѣдняя антропоморфная фраза представляетъ собою наивное выраженіе и утвержденіе теистической мысли, что Богъ есть не устроитель (деміургъ), а творецъ вселенной. Онъ творитъ изъ ничего, твореніе ничего не прибавляетъ къ Нему и ничего не отнимаетъ отъ Него, поэтому творческій актъ или творческіе акты и не вызываютъ въ Немъ усталости. Такъ за этою человѣкообразною фразою наивнаго араба скрывается болѣе возвышенное, чистое и достойное представленіе Божества, чѣмъ за длинными схемами пантеистическихъ опредѣленій разрѣшающихъ Бога или въ ничто или въ какую-то фантастическую потенцію міра. „Это Богъ отдѣляетъ плодъ отъ ядра; Онъ повелѣваетъ выходить жизни изъ того, что умерло, и смерти изъ того, что живо. Таковъ Богъ. Зачѣмъ же вы отвращаетесь отъ Него? Онъ повелѣлъ мерцать зарѣ; Онъ установилъ ночь для отдыха и солнце и луну для счисленія времени. Таково опредѣленіе мудраго, знающаго. Это Онъ, Который помѣстилъ звѣзды (на небѣ) для васъ, чтобы вы направлялись въ темнотѣ на землѣ и на моряхъ. Мы вездѣ повелѣли сіять знаменіямъ для тѣхъ, которые понимаютъ. Это Онъ, кто произвелъ все отъ одного человѣка; вы имѣли вмѣстилища въ чреслахъ отцовъ вашихъ и залогъ въ утробахъ вашихъ матерей. Мы явили знаменія для тѣхъ, которые понимаютъ. Это Онъ, Кто повелѣваетъ сходить водѣ съ неба. Ею мы заставляемъ произрастать зелени всякаго растенія, ею мы производимъ стволъ, откуда выростаютъ помѣщенныя родами зерна, и пальмы, вѣтви которыхъ даютъ великія кисти, и сады усѣянные виноградомъ и маслины и гранаты, которые сходствуютъ и различествуютъ одни съ другими. Бросьте

взгляды на ихъ плоды, разсмотрите ихъ плодоносіе и ихъ спѣлость. Навѣрное во всемъ этомъ есть знаменія тѣмъ, которые понимаютъ. Они (язычники) присоединяютъ къ Богу геніевъ, между тѣмъ какъ Онъ создалъ ихъ; по своему невѣдѣнію они выдумываютъ Ему сыновей и дочерей. Слава Ему. Онъ много выше того, что Ему приписываютъ. Творецъ неба и земли, какъ бы Онъ имѣлъ дѣтей. Онъ, у Котораго нѣтъ товарища, Который сотворилъ всѣ предметы, который знаетъ всѣ предметы? Это Богъ, вашъ Господь, нѣтъ другого Бога кромѣ Его. Творецъ всѣхъ предметовъ. Почитайте Его. Онъ смотритъ за всѣми предметами. Взоры людей не могутъ Его коснуться. Онъ касается взорами всего. Проницательный, вѣдущій“ (сур. 6, 95—103). „Клянусь, говоритъ Богъ,..... что мы сотворили человѣка прекраснѣйшимъ образомъ“ (по образу—прямымъ, съ красивымъ лицомъ, сур. 95, 1 и 4). „Я сотворилъ людей и геніевъ только затѣмъ, чтобы они Мнѣ покланялись“ (сур. 51, 56). Но если всѣ созданы для поклоненія Богу или для прославленія Его, то почему же многіе не покланяются Ему, не почитаютъ Его, не исполняютъ Его велѣній? На этотъ важный вопросъ дается отвѣтъ въ 15 сурѣ. „Мы, говоритъ Богъ, установили на небесахъ знаки зодіака и расположили ихъ въ порядкѣ для тѣхъ, которые смотрятъ. Мы защищаемъ ихъ отъ прикосновенія всякаго бѣса побитаго камнями (Авраамъ по магометанскому преданію отбилъ камнями искушавшаго его діавола). Если онъ подкрадется для подслушиванія тайно и тогда отмѣчается видимою для всѣхъ огненною чертой. Мы распростерли землю и набросали по ней горы и повелѣли произойти всѣмъ вещамъ въ извѣстномъ размѣрѣ. Мы посылаемъ оплодотворяющіе вѣтры, мы низводимъ съ неба воду, которою васъ напояемъ и которую вы не сохраняете. Мы повелѣваемъ жить и повелѣваемъ умирать, мы одни все наслѣдуемъ. Мы знаемъ тѣхъ изъ васъ, которые идутъ впередъ и которые остаются сзади. Господь вашъ нѣкогда соберетъ васъ. Онъ мудръ и знающъ. Мы сотворили человѣка изъ персти, которую обработываютъ. До него мы уже создали геніевъ изъ тонкаго огня. Вспомни, какъ Богъ сказалъ ангеламъ: Я сотворилъ человѣка изъ персти, изъ той глины, которую обработываютъ. Когда я образую его и вдохну въ него мой духъ, простритесь предъ нимъ, покланяясь Ему. И

ангелы простерлись всѣ, всѣ, исключая Эблиса; онъ отказался быть съ тѣми, которые преклонялись. Тогда Богъ сказалъ ему: О Эблисъ, зачѣмъ ты не съ тѣми, которые простирались? Я не преклонюсь предъ человѣкомъ, котораго Ты сотворилъ изъ персти, изъ той глины, которую обрабатываютъ. Богъ сказалъ ему: теперь пошелъ ты вонъ побитый камнями. Проклятіе отяготѣетъ надъ тобой до дня воздаянія. Онъ отвѣчалъ: о Господи, дай мнѣ отсрочку до дня, когда люди будутъ воскрешены. Богъ сказалъ ему: отсрочка дана тебѣ до дня предназначеннаго предѣла. Господи, сказалъ Эблисъ, такъ какъ Ты меня провелъ, я прикрашу (грѣхъ?) для нихъ на землѣ и постараюсь ихъ провести кромѣ искреннихъ твоихъ слугъ. Богъ отвѣчалъ: это точно истинный путь, ибо ты не имѣешь никакой власти надъ моими слугами, ты будешь имѣть ее надъ тѣми, которые за тобой послѣдуютъ и заблудятся. Геенна есть обѣщанное всѣмъ имъ мѣстопребываніе“ (сур. 15, 16—43). Это повѣствованіе о паденіи Эблиса (діавола), которое имѣло своимъ слѣдствіемъ и паденіе людей, многократно повторяется въ коранѣ (сур. 2, 32; 7, 10; 17, 63; 65; 18, 48; 20, 115; 26, 95; 34, 19; 38, 74). Оно содержитъ утвержденіе, что діаволъ палъ гордостью и что онъ намѣтилъ себѣ цѣль склонять людей къ паденію. Во второй сурѣ говорится объ Адамѣ и его супругѣ: „сатана заставилъ ихъ поскользнуться и заставилъ удалиться изъ мѣста, гдѣ находились“ (34). Среди арабистовъ довольно распространено мнѣніе, что парсизмъ оказалъ значительное вліяніе на исламъ, какъ онъ оказалъ таковое и на еврейскую религію. Трудно понять, чѣмъ поддерживалась и какъ могла имѣть жизненность такая странная теорія. Вѣдь, Эблисъ—явный сколокъ библейскаго демона—имѣетъ очень мало сходнаго съ персидскимъ Ангромайянусомъ. Тамъ злой принципъ изначаленъ, здѣсь онъ является производнымъ. Тамъ Ангро-майянусъ безусловно неподчиненъ Агура-маздѣ (благому Богу). Здѣсь вездѣ утверждается, что Эблисъ созданъ Творцомъ, зависитъ отъ Него и лишь по его милости получаетъ свою ограниченную и сомнительную власть. Нѣкоторые (наприм., Дози) говорятъ о какомъ-то изначальномъ монотеизмѣ персовъ, каковой существовалъ въ эпоху ахеминидовъ и каковой будто бы вліялъ на Библію. Но если бы проблематическій монотеизмъ

эпохи ахеминидовъ былъ и дѣйствительнымъ фактомъ, то и тогда онъ никакъ не могъ вліять на возникновеніе и утвержденіе чистаго монотеизма у арабовъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ за много вѣковъ до Магомета у персовъ былъ дуализмъ. Зло есть временное попущеніе Божіе. Такова идея корана. Ни въ какихъ вѣрованіяхъ арійскихъ народовъ и ни въ какой изъ древнѣйшихъ эпохъ не встрѣчается такого утвержденія. Тамъ зло утверждается, какъ изначальный фактъ, и только послѣдующая мысль пыталась дать его генезисъ (напр., сказаніе о жертвахъ Царвана у персовъ, не имѣющее ничего сходнаго съ представленіями корана). Ученіе корана о злѣ, правда, совершенно несамобытно, оно—отзвукъ христіанскихъ и еврейскихъ рѣчей, раздававшихся на арабскомъ полуостровѣ и услышанныхъ и переработанныхъ Магометомъ. Богъ говоритъ Магомету: „если съ тобою случится какое добро, оно идетъ тебѣ отъ Бога. Зло идетъ отъ тебя“ (4, 81). Если зло не отъ Бога, а всѣ твари—созданія Божіи, то значитъ, зло есть актъ свободы тварей. Богъ попускаетъ это злоупотребленіе свободой. Обращаясь къ Магомету, Онъ говоритъ: „удаленіе невѣрныхъ отъ истины гнететъ тебя; навѣрное, если бы ты могъ, пожелалъ бы сдѣлать яму въ землѣ или лѣстницу для восхожденія на небо, чтобы произвести для нихъ какое-либо чудо. *Если бы Богъ захотѣлъ, то они всѣ соединились бы на пути правомъ.* Не будь только въ числѣ незнающихъ“ (сур. 6, 35). „Если бы Богъ захотѣлъ, то сдѣлалъ бы изъ всѣхъ васъ одинъ народъ; но Онъ хотѣлъ испытать вашу вѣрность въ соблюденіи того, что далъ вамъ. Спѣшите охотно одни за другими къ добрымъ дѣламъ; вы всѣ возвратитесь къ Богу; Онъ Самъ разъяснитъ предметъ вашего спора“ (сур. 5, 53). „Если бы Богъ захотѣлъ, то составилъ бы изъ васъ одинъ народъ; но Онъ кого хочетъ, заблуждаетъ и кого хочетъ, направляетъ; нѣкогда у васъ спросятъ отчетъ о вашихъ дѣйствіяхъ“ (сур. 16, 95). Какъ понимать это выраженіе: „кого хочетъ, заблуждаетъ, и кого хочетъ, направляетъ“? Буквальный смыслъ его несомнѣнно тотъ, что Богъ, кого хочетъ губитъ, кого хочетъ, спасаетъ. Въ этихъ и подобныхъ этому выраженіяхъ корана, говорящихъ, повидимому, о томъ, что Богъ столько же ведетъ на путь грѣха, сколько и на путь добра, находятъ основанія для теоріи, что по ученію корана Аллахъ

стоитъ выше правды и неправды и что конечная участь людей зависитъ не отъ ихъ свободы, а отъ божественнаго произвола. Это утверждаютъ относительно ислама многіе христіанскіе богословы. Имъ не мѣшало бы помнить, что въ христіанской религіи есть исповѣданіе также поставившее Бога выше правды и неправды и развившее теорію о безусловномъ предопредѣленіи. Это—исповѣданіе кальвинистическое. Оно пытается утверждаться на ученіи св. апост. Павла (отчасти на 8 и особенно на 9 гл. послан. къ Римлянамъ). Библія употребляетъ такія выраженія: „Богъ ожесточилъ сердце фараона". Достаточно прочитать исторію этого фараона, чтобы видѣть, что божественный промыслъ вразумлялъ египетскаго владыку и что только его крайнее упорство въ своемъ ожесточеніи имѣло своимъ послѣдствіемъ, что Богъ попустилъ фараону остаться въ его ожесточеніи. Мысль о Богѣ, стоящемъ выше правды и неправды, равнодушно и безстрастно являющемся причиною блаженства и страданія тварей, есть абстрактная философская мысль, и мы лично склонны думать, что она и возникла и развилась на арійской почвѣ. Въ миѳологіи жизнерадостной Эллады скорѣе можно найдти сказанія о дикомъ фатумѣ, чѣмъ въ мрачномъ коранѣ; припомнимъ о Эдипѣ. Оракулъ предсказываетъ, что у Ѳиванскаго царя Лая родится сынъ, который убьетъ отца и женится на матери. Своимъ предсказаніемъ оракулъ направляетъ дѣло такъ, чтобы предсказаніе осуществилось. Лай хочетъ убить родившагося ребенка. Пастухъ, которому это поручено, оставляетъ его въ живыхъ. Ребенокъ выростаетъ, не зная отца и матери. Сѣть обстоятельствъ создаетъ то, что онъ убиваетъ перваго и женится на второй. Онъ—совершенно безвинный—совершаетъ преступленія, которыя всегда считались и будутъ считаться ужаснѣйшими въ родѣ человѣческомъ, и рокъ жестоко караетъ его и его семью за эти преступленія. Въ этомъ миѳѣ показывается, что боги сами заставляютъ человѣка совершать преступленія и потомъ караютъ его за нихъ. Это—детерминистическая теорія возмездія въ религіи, которой отвѣчаетъ детерминистическая теорія возмездія въ философіи.—„Мнѣ суждено воровать", говоритъ воръ-философъ; „а мнѣ суждено бить тебя за это палкой", отвѣчаетъ философъ—судья. Никакія знаменія, никакія наставленія не предупреждали Эдипа,

когда онъ совершалъ преступленія, наоборотъ, указанія свыше были прямо разсчитаны на его неправильное пониманіе. Онъ считалъ своими дѣйствительными отцомъ и матерью, воспитавшихъ его мужа и жену и узнавъ отъ оракула, что ему предстоитъ убить отца и жениться на матери, онъ покидаетъ эту семью, чтобы не исполнилось пророчество, но по божественной иронiи происходитъ, что то, что человѣкъ предпринимаетъ для своего спасенія, то и ведетъ его къ гибели. Если бы въ миѳѣ заключалась только мысль о безсиліи человѣка въ борьбѣ съ высшею волею, тогда за нимъ должно бы было признать глубокій, нравственный смыслъ, но миѳъ учитъ о безсиліи человѣка въ его попыткахъ устоять на пути добра, когда боги толкаютъ его на путь зла. Здѣсь боги поднимаются по ту сторону добра и зла, въ абсолютную сферу нравственнаго безразличія. Но въ идеѣ о Богѣ, проходящей черезъ коранъ, абсолютно не заключается такой мысли. Абсолютный Аллахъ Самъ полагаетъ въ себѣ предикаты милостиваго и милосердаго, Самъ опредѣляетъ свою природу по отношенію къ людямъ, какъ благую и тому, кто по идеѣ корана является лучшимъ между людьми, Богъ говоритъ: „если съ тобою случится какое добро, оно идетъ тебѣ отъ Бога. Зло идетъ отъ тебя“. Такимъ образомъ между добротою Магомета и благостью Бога остается безконечное разстояніе.

Богъ благъ. Какъ благой, Онъ даровалъ свободу тварямъ и направляетъ ихъ къ добру, не принуждая. Въ коранѣ можно найдти много мѣстъ, устанавливающихъ такое воззрѣніе на Бога. Милостивый и милосердый „Богъ не налагаетъ никакой душѣ бремени, которое было бы выше ея силъ“ (сур. 2, 286 срав. 1 Коринѳян. 10, 13). Но въ коранѣ находятся другіе ряды мѣстъ. Въ той же сурѣ, гдѣ утверждается возвышенная мысль, возвѣщенная нѣкогда апостоломъ языковъ коринѳянамъ, двумя стихами выше говорится о Богѣ: „Онъ проститъ, кому захочетъ, и накажаетъ, кого захочетъ. Богъ всемогущъ“. Вотъ—рядъ мѣстъ въ коранѣ говорящихъ объ отношеніяхъ Бога къ міру: 2, 252, 254, 284; 3, 3, 139; 4, 81; 5, 53, 96; 6, 35, 122, 178; 8, 17; 10, 99, 100; 13, 30; 14, 4, 32, 48; 15, 19; 16, 95; 17, 14, 21, 32; 22, 41; 29, 60; 35, 9; 42, 6; 43, 31; 48, 23; 61, 5; 67, 3; 91, 8; число этихъ цитатъ можно значительно умножить. Изъ этихъ

мѣстъ можно извлечь пять совершенно различныхъ представленій о Богѣ. Богъ благъ, печется о людяхъ. Таково первое и самое возвышенное представленіе о Богѣ. Но изъ другого ряда мѣстъ слѣдуетъ, что Богъ совершенно предоставилъ людей самимъ себѣ. Онъ будетъ поступать съ ними сообразно съ ихъ поступками, но Онъ не содѣйствуетъ ихъ благимъ начинаніямъ и не препятствуетъ ихъ стремленіямъ на путь зла. Третій рядъ мѣстъ подсказываетъ выводъ, что Богъ мстителенъ, что за непочтеніе къ Нему, за неисполненіе Его воли Онъ воздастъ жестоко и сторицею. Образъ благого Бога измѣняется замѣтно въ образъ жестокаго деспота. Въ четвертомъ рядѣ мѣстъ образъ благого отца и жестокаго владыки измѣняется въ абстрактный и неопредѣленный образъ абсолютнаго, дѣйствія котораго нельзя опредѣлить никакими законами. Богъ представляется дѣйствующимъ немотивированно. Искать принциповъ опредѣляющихъ его дѣйствія нельзя. Наконецъ, въ пятомъ рядѣ мѣстъ проводится положеніе, устраняющее всякую нужду въ разсужденіи о принципахъ и способахъ божественнаго воздѣйствія. Все предопредѣлено отъ вѣка. Къ шеѣ каждаго человѣка привязана птица (жребій, судьба) и то, что онъ сдѣлаетъ и то, что съ нимъ будетъ, предрѣшено отъ вѣчности. Нетрудно понять психологическіе мотивы и логическія основанія такихъ, повидимому, крайне разнорѣчивыхъ представленій Божества. Человѣкъ ищетъ въ Богѣ любящаго отца, такимъ изображаетъ Бога коранъ на многихъ своихъ страницахъ. Но изображаетъ коранъ Бога антропоморфно: вѣдь, ни авторъ, ни читатели корана не занимались философіей и, вѣроятно, не слыхали ни о Платонѣ, ни объ Аристотелѣ. Любовь въ человѣкѣ можетъ быть деспотической. Отецъ можетъ насильно лишить сына возможности дѣлать зло. Наблюденіе показываетъ, что Богъ не препятствуетъ возможности зла въ родѣ человѣческомъ. Отсюда представленіе, что Богъ представляетъ людямъ ходить какими имъ угодно путями. Но многіе поступки людей возмутительны: ихъ невѣріе въ Бога, ихъ неблагодарность къ Его щедротамъ, ихъ жестокость къ ближнимъ. Они вызываютъ законное негодованіе и требуютъ законной кары. Признавая собственное негодованіе на такихъ людей законнымъ и справедливымъ, Магометъ приписываетъ его Богу, и если

собственное негодованіе пророка было безсильнымъ, то негодованіе Божественное могущественно, отсюда Богъ мстителенъ. Наблюденіе однако показываетъ, что нерѣдко благочестивые страдаютъ и нечестивые наслаждаются счастіемъ. Можно ли говорить о несправедливости Божіей, имѣя въ виду эти явленія? Конечно, нѣтъ. Все, чѣмъ бы кто ни владѣлъ, дается отъ Бога и никто не можетъ говорить, что ему несправедливо дано мало, когда другому дано много. Всѣмъ все дано даромъ. И какъ бы ни мало дано было благъ въ удѣлъ благочестивому, онъ долженъ быть благодаренъ и за нихъ. Отсюда слѣдуетъ, что распредѣленіе Богомъ благъ между людьми не можетъ подлежать никакому закону. Со стороны человѣка нѣтъ никакихъ правъ по отношенію къ Богу, поэтому и нельзя опредѣлять, что человѣкъ получитъ отъ Бога. Все исходитъ отъ Бога и Самъ Богъ опредѣляетъ Себя въ своихъ дѣйствіяхъ, эти опредѣленія не подчинены ничему. Богъ абсолютенъ, и абсолютное не опредѣлимо. Рядомъ съ такимъ философскимъ понятіемъ о Богѣ въ коранѣ становится и утверждается тоже философская мысль, что въ мірѣ, наоборотъ, все опредѣлено, въ мірѣ царствуютъ законы необходимости, вездѣ дѣйствуютъ причинности, все послѣдующее опредѣлено предыдущимъ. Значитъ, все будущее опредѣлено отъ вѣка. Если абсолютное не опредѣлимо, то необходимость неизбѣжна. Достаточно незначительныхъ измѣненій въ этихъ положеніяхъ, чтобы сгладилась ихъ противорѣчивость. Достаточно признать нѣкоторыя выраженія метафорическими и гиперболическими, чтобы потомъ найдти въ коранѣ образъ Бога достаточный возвышенныхъ представленій о Божествѣ. Но читатели и почитатели корана совсѣмъ не были представителями возвышеннаго богословскаго пониманія. Они обыкновенно находили въ коранѣ то, что имѣли въ самихъ себѣ. Пассивныя и лѣнивыя племена извлекали изъ корана догматы фатализма, воинственныя и мстительныя племена арабовъ—призывъ къ порабощенію Аллаху невѣрныхъ народовъ.

Если характеръ владычества и образъ Божества читателями и слушателями корана понимался различно, то ученіе о Богѣ, какъ Творцѣ и Владыкѣ, принималось въ общемъ довольно одинаково. Богъ есть творецъ міра невидимаго и видимаго, міра духовнаго и вещественнаго. Духи

(джины, нѣкоторые производятъ отъ латинскаго genii)—Его созданіе и Его заслуги (объ ангелахъ см. въ коранѣ 2, 28, 29, 32, 96, 156, 172, 206, 249; 3, 74, 120; 6, 61; 7, 10, 35; 8, 9, 12, 52; 13, 12; 15, 27, 28, 31, 33; 16, 30, 34, 35, 59, 104; 17, 42, 63, 65; 18, 48; 19, 69, 86; 20, 115; 21, 26, 27; 22, 11, 74; 26, 95; 34, 19, 40; 35, 1; 37, 150; 38, 71, 74; 39, 68; 40, 7; 42, 3; 43, 18, 77; 47, 29; 50, 16; 53, 9, 11, 28; 66, 9; 69, 17; 74, 30; 81, 22 и друг.). Язычники почитаютъ ангеловъ за дочерей Бога. Это мнѣніе нечестиво и безбожно. Они только слуги Божіи. Они должны были поклониться предъ созданнымъ человѣкомъ и тотъ изъ нихъ—Эблисъ, который не поклонился на томъ основаніи, что онъ созданъ изъ огня, а человѣкъ изъ глины, былъ прогнанъ и отвергнутъ Богомъ. Въ коранѣ даже какъ бы проводится, что люди выше ангеловъ. Адамъ научилъ ангеловъ именамъ всѣхъ существъ. Ангелы носятъ престолъ Божій, постоянно посылаются Богомъ къ людямъ, Гавріилъ посылался къ Магомету, вступаются за людей, у всѣхъ людей служатъ хранителями, отвращаются отъ язычниковъ. Ангелы мучатъ людей за грѣхи ихъ. Существуютъ ангелы смерти. Ангелы охраняютъ адъ. Подобно людямъ ангелы должны умереть до дня послѣдняго суда. Были ангелы возмутители. Демоны занимаются тѣмъ, что слѣдятъ за происходящимъ на небесахъ и землѣ и стараются соблазнять людей. Паденіе ангеловъ по мысли корана совершалось неоднократно и не всегда было безусловнымъ. Для нихъ возможно подъ извѣстными условіями получить прощеніе отъ Бога. Въ этомъ положеніи находятся вавилонскіе ангелы Гарутъ и Марутъ. Вообще источникомъ ангелологіи и демонологіи Магомета являются еврейскія и христіанскія сказанія. Напрасно здѣсь искать вліянія Зороастризма. Преданіе, что діаволъ палъ гордостію, издавна существовало среди христіанъ. Сказанія о прегрѣшеніяхъ ангеловъ, какъ допускающихъ прощеніе, такъ и недопускающихъ его, видно, рано сложились въ еврейскихъ народныхъ массахъ, вошли въ талмудъ, много ихъ существуетъ и среди христіанъ. Конечно, они несогласимы съ христіанскимъ вѣроученіемъ, но при антропоморфномъ пониманіи вещей у простого народа они очень понятны его уму и сердцу. Ангелы Гарутъ и Марутъ, за прегрѣшеніе свое удаленные изъ рая и принужденные трудиться на землѣ,

очень родственны ангелу въ сказкѣ Толстого „чѣмъ люди живы“. Народная мысль антропоморфно представляетъ, что ангелы не всегда понимаютъ Божественныя опредѣленія, которыя должны исполнять. Поставляя рѣшенія своего разума на мѣсто божественной воли, они прегрѣшаютъ. Но вразумленные божественнымъ наказаніемъ, разъясняющимъ имъ смыслъ божественныхъ опредѣленій, они могутъ получать прощеніе. Главный изъ падшихъ ангеловъ—Эблисъ. Онъ неоднократно замѣчаетъ въ коранѣ, что Богъ *провелъ* его, смыслъ такого выраженія, повидимому, таковъ, что Самъ Богъ внушилъ Эблису невѣрное представленіе о своемъ величіи и что это (неразумная гордость) и погубила Эблиса. Образъ Эблиса нѣсколько похожъ на библейскаго сатану, какъ онъ представляется въ книгѣ Іова, и затѣмъ ему приписываются черты, которыми фантазія средневѣковыхъ массъ обыкновенно надѣляла христіанскаго діавола. Въ сущности онъ болѣе плутъ, чѣмъ злодѣй. Богъ провелъ его, онъ проводитъ людей. Онъ говоритъ Богу, что люди не будутъ вѣрны Ему, что онъ прикраситъ на землѣ грѣхъ и черезъ это будетъ соблазнять людей. Богъ представилъ ему заниматься своею пагубною дѣятельностію до дня воскресенія. Эблисъ началъ съ того, что соблазнилъ Адама. Въ самыхъ божественныхъ опредѣленіяхъ Эблису какъ бы повелѣвается соблазнять тѣхъ, которые готовы вступить на путь соблазна. Но однако вездѣ въ коранѣ конечнымъ удѣломъ Эблиса назначается геенна.

Послѣ созданія міра духовнаго, нематеріальность котораго по буквѣ корана однако только относительна (геніи созданы изъ тонкаго огня), Богъ сотворилъ міръ матеріальный, вѣнцомъ котораго является человѣчество. Исторія человѣчества въ коранѣ это—искаженная библейская исторія. Многіе христіанскіе писатели исполняются негодованіемъ, говоря объ искаженіяхъ корана, о его неразумной ангелологіи и о безмѣрномъ превосходствѣ христіанскаго ученія предъ этими наивными разсказами некультурныхъ сыновъ пустыни. Думаемъ, что самый плохой пріемъ для выясненія превосходства христіанскаго ученія состоитъ въ томъ, чтобы пространно трактовать о таковомъ превосходствѣ. Неужели нужно исписывать фоліанты для того, чтобы доказать, что человѣкъ смертенъ или что женщина не должна быть

рабыней? Слишкомъ пространныя доказательства слишкомъ простыхъ вещей могутъ скорѣе вызвать сомнѣнія въ истинности доказываемаго. Никогда, конечно, культурнымъ міромъ коранъ не будетъ признанъ богодухновенною книгою, но въ коранѣ много хорошаго и вмѣсто того, чтобы замалчивать или извращать это хорошее, его, думается, лучше всего было бы брать исходнымъ началомъ для направленія его послѣдователей къ христіанству. Въ коранѣ много историческихъ искаженій. Вмѣсто того, чтобы глумиться надъ ними, называть ихъ нелѣпыми и дикими, гораздо лучше воспользоваться ими, какъ историческимъ матеріаломъ. При устной передачѣ сказаній они всегда искажаются. Исторія ветхаго завѣта въ сказаніяхъ русскаго народа отстоитъ отъ Библіи гораздо далѣе, чѣмъ коранъ. И какъ сказанія русскаго народа представляютъ богатый матеріалъ для форклориста, такъ и сказанія корана важны для насъ не въ качествѣ вспомогательнаго матеріала для библейской исторіи, а какъ собраніе богатыхъ данныхъ для характеристики народа, населявшаго Арабскій полуостровъ въ VII столѣтіи. Изъ того, какъ этотъ народъ переработалъ Библію, мы можемъ дѣлать заключенія о томъ, каковъ онъ былъ.

Люди представляются въ коранѣ предметомъ постояннаго и особеннаго божественнаго попеченія. Первоначально они были помѣщены въ раю и только, когда поскользнулись и пали, были удалены изъ рая. Вслѣдствіе паденія предковъ стало страдать потомство, оно оказалось и страждущимъ и во грѣхахъ, потому что какъ неблагополучіе, такъ и грѣхи наслѣдовало отъ своихъ праотца и праматери. Поэтому они, повидимому, представляются невиновными въ своихъ грѣхахъ и страждущими невинно. Коранъ устраняетъ эту мысль о безвинности человѣческихъ страданій. „Вспомните, какъ нѣкогда Богъ извлекъ изъ чреслъ сыновей Адама всѣхъ ихъ потомковъ и велѣлъ имъ произнести свидѣтельство противъ себя. Онъ сказалъ имъ: не Я ли Господь Вашъ? Они отвѣтили: да, мы подтверждаемъ это. Мы сдѣлали такъ, чтобы вы не сказали въ день воскресенія: мы не знали этого. Чтобы вы не говорили: наши отцы до насъ присоединили къ Богу другія божества; мы ихъ потомство, погубишь ли Ты насъ за дѣла тѣхъ, которые солгали. Поэтому мы

изъяснили наши знаменія; можетъ быть они возвратятся къ Богу. Прочти имъ (евреямъ) исторію того, на комъ мы показали знаменіе и кто воротился слѣдовать за сатаной, и такъ сдѣлался заблудшимъ“ (7, 171 — 174). Наивная рѣчь корана заключаетъ въ себѣ въ этихъ стихахъ нѣсколько важныхъ догматическихъ, моральныхъ и юридическихъ положеній. Всѣ люди, которые существовали и которые будутъ существовать, нѣкогда уже получили бытіе и въ этомъ премірномъ существованіи узнали волю Божію и обязались ее исполнять. Поэтому наслѣдственность поведенія не оправдываетъ послѣдняго, если оно дурно. Потомокъ дурного отца знаетъ на самомъ дѣлѣ, что хорошо и если поступаетъ дурно, то по своей винѣ. Такимъ образомъ предъ лицомъ Бога грѣшники (по данному мѣсту корана собственно идолопоклонники) безотвѣтны, между тѣмъ какъ Богъ является абсолютно правымъ. Что касается до исторіи, которая согласно данному мѣсту корана должна разъяснить людямъ смыслъ предвѣчнаго завѣта, то различные комментаторы понимаютъ подъ ней различное. Одни полагаютъ, что дѣло идетъ о Валаамѣ, который сначала отказался проклинать Моисея, а потомъ поддался внушеніямъ сатаны, за что былъ осужденъ вытягивать языкъ по-собачьи. Другіе предполагаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ о какомъ-то евреѣ, признавшимъ Магомета пророкомъ и отступившемъ отъ него по гнѣву и зависти. Первое предположеніе представляется болѣе вѣроятнымъ.

Когда люди были изгнаны изъ рая, къ нимъ посылались постоянно пророки и посланники. У каждаго народа были они, и циклъ этихъ посланниковъ закончился Магометомъ, посланнымъ прежде всего къ арабамъ, а потомъ ко всему человѣчеству. Въ ряду божественныхъ посланниковъ хронологически, повидимому, принадлежитъ первое мѣсто Ною, тщетно обличавшему идолопоклонство и спасшемуся отъ потопа въ ковчегѣ. За нимъ и надъ нимъ поднимается образъ Авраама. Авраамъ не былъ ни евреемъ, ни христіаниномъ, но онъ былъ ганифъ, мумимъ, муслимъ. Онъ не избѣгъ искушеній. Когда въ темнотѣ ночи засверкала звѣзда, онъ воскликнулъ: „Вотъ мой Владыка. Звѣзда исчезла. Онъ сказалъ: я не люблю тѣхъ, которые исчезаютъ“ (6, 76). Вслѣдъ за звѣздою онъ готовъ былъ обоготворить луну и затѣмъ

солнце, но онъ избавился отъ искушеній сабеизма и никогда не примыкалъ къ идолопоклонству. Оживленіе Богомъ разсѣченыхъ птицъ выяснило для него истину воскрешенія умершихъ (2, 262 сравн. Быт. 15). Споривша́го съ нимъ о Богѣ (полагаютъ Немврода) онъ вразумилъ такимъ образомъ: „Мой Богъ, сказалъ онъ, Тотъ, который даетъ жизнь и смерть.—Если ты Богъ, отведи солнце съ востока и вели всходить ему на западѣ“ (2, 260). Невѣрный поникъ въ смущеніи. Авраамъ былъ назначенъ Богомъ имамомъ для людей и вмѣстѣ съ Измаиломъ онъ создалъ каабу. За образомъ Измаила Исаакъ скрывается въ коранѣ въ тѣни. Это показывается, что библейскія генеалогіи были признаны на арабскомъ полуостровѣ: евреи—отъ Исаака, арабы—отъ Измаила. Но никто, конечно, не ставитъ своего отца ниже отца своихъ враговъ или соперниковъ. Посланникомъ Божіимъ въ Египтѣ является Іосифъ. Ему посвящена большая сура (12). Любопытно передается здѣсь его эпизодъ съ женою Пентефрія. Она осталась съ нимъ въ запертомъ помѣщеніи. Не отвѣчая ея страсти, Іосифъ бросился отъ нея бѣжать. Она погналась за нимъ и разорвала его тунику сзади. Въ это время въ двери вступилъ ея мужъ. Лукавая женщина обвинила Іосифа въ преступномъ покушеніи. Родственники сказали: если туника разорвана спереди—жена права; если туника разорвана сзади, жена лжетъ и правъ Іосифъ. Оказалось послѣднее. Такъ въ коранѣ правда была возстановлена гораздо скорѣе, чѣмъ это было и бываетъ въ дѣйствительности. Моисей представляется въ коранѣ законодателемъ и Ааронъ его спутникомъ въ сношеніяхъ съ фараономъ. Соломонъ изображается кораномъ въ талмудическомъ освѣщеніи. Образъ Дѣвы Маріи представленъ очень свѣтлымъ, но вслѣдствіе презрѣнія Магомета къ хронологіи Богоматерь оказывается сестрою Моисея. Іисуса она родила безмужно (см. 3 суру; сравн. 4, 169). Іисусъ Христосъ рисуется весьма возвышенными чертами, но въ представленіе его вносится докетизмъ и Его крестная смерть объявляется призрачною. Іисусъ былъ взятъ на небо. Здѣсь по мысли корана Онъ является не ходатаемъ за христіанъ, а свидѣтелемъ противъ нихъ. „Богъ сказалъ Іисусу: говорилъ ли ты людямъ, принимайте меня и мою мать за боговъ наравнѣ съ Богомъ Единымъ? Слава Тебѣ, нѣтъ. Какъ же я могъ сказать то,

что неправда? Не зналъ ли бы ты, если бы я сказалъ? Ты знаешь, что въ глубинѣ моей души, а я не знаю, что въ глубинѣ Твоей; ибо Ты одинъ знаешь тайны. Я говорилъ имъ только то, что ты приказывалъ сказать имъ. Покланяйтесь Богу, Господу Моему и Вашему. Покуда я жилъ на землѣ, могъ противъ нихъ свидѣтельствовать, а съ тѣхъ поръ, какъ взялъ меня къ себѣ, Ты самъ смотрѣлъ на нихъ ибо ты свидѣтель всѣхъ дѣлъ" (5, 116—117). Христосъ, значитъ, не былъ учителемъ о Троицѣ, а былъ обличителемъ этого ученія. Названными слугами Божіими далеко не исчерпывается число божественныхъ посланниковъ. Цифры въ сотни тысячъ оказываются недостаточными для обозначенія ихъ числа. У всѣхъ народовъ они были. Непослѣднее мѣсто между ними, повидимому, занимаетъ и Александръ Македонскій (само собою предполагается: почитавшій Единаго Бога), называемый въ коранѣ Дгуль Карнейнъ (см. 18 суру, начиная съ 82 ст.). Посланники приносили съ собою книги откровенія, творили чудеса, побѣждали зло. Въ жизни самого Магомета были случаи чудесной помощи Божіей (паукъ заткалъ паутиной входъ въ пещеру, гдѣ скрывался Магометъ и его преслѣдователи не стали его тамъ искать. См. 9, 40). Самое появленіе Магомета было предречено Христомъ, какъ объ этомъ уже сказано. Главное, что проповѣдывали посланники Божіи—это—единобожіе; главное, противъ чего они боролись, это—идолопоклонство. Но затѣмъ весь кодексъ культовыхъ, нравственныхъ и правовыхъ требованій былъ возвѣщенъ также этими посланниками. Научивъ людей познанію Бога, пекущагося о нихъ, божественные пророки должны были наставлять, какъ исполнять волю этого Бога. Отъ нихъ требуется благочестіе. „Благочестіе не состоитъ только въ обращеніи лица въ сторону восхода или заката. Благочестивъ тотъ, кто вѣритъ въ Бога, и въ послѣдній день, въ ангеловъ и въ Книгу (коранъ), въ пророковъ—который изъ любви къ Богу даетъ изъ своего имущества своимъ ближнимъ, сиротамъ, бѣднымъ, путешественникамъ и тѣмъ, которые просятъ; кто выкупаетъ плѣнныхъ, кто соблюдаетъ молитву, кто творитъ милостыню, исполняетъ должности, которыми обязанъ, кто терпѣливъ въ несчастіи, во времена тяжкія и во времена притѣсненій. Эти правы и боятся Господа" (2, 172). Должно быть милостивымъ къ ближнимъ, но „бла-

городное слово, прощеніе обидъ стоитъ болѣе, чѣмъ милостыня, за которой бы послѣдовалъ вредъ причиненный тому, кто получилъ ее. Богъ богатъ и милосердъ“ (2, 265). Но мало того, что должно прощать обиды. „Зло и добро не могутъ идти подъ пару. Воздавай добромъ за зло, и увидишь, что твой врагъ превратился въ покровителя и друга“ (41, 34). За всѣмъ тѣмъ отъ враговъ, конечно, должно защищаться. „Сражайтесь на пути божіемъ противъ тѣхъ, которые нападаютъ на васъ. Но не поступайте несправедливо, нападая на нихъ первыми, ибо Богъ не любитъ несправедливости“ (2, 186).

Месть убійцѣ для родственниковъ убитаго была обязанностью. Коранъ уничтожаетъ ее. Убійца обязанъ заплатить штрафъ, ему угрожаетъ адъ (4, 94 — 95), но ему не должна угрожать смерть отъ руки мстителей. Его проклянетъ Богъ и осудитъ на страшное наказаніе. Богъ, но не люди. Вѣрные не должны проливать крови другъ друга. Коранъ предписываетъ имъ отношенія любви. Правда, между людьми существуетъ неравенство, его производитъ Самъ Богъ (43, 31), но это неравенство не должно обусловливать насилія и несправедливости. Понятно, что у арабовъ VII ст., какъ и у другихъ народовъ, стоящихъ на той же ступени культуры, существовало рабство. Однако Магометъ боролся противъ самыхъ словъ *рабъ* и *рабыня*, рекомендуя замѣнять ихъ названіями *слуга* и *служанка*. „Если кто-нибудь изъ вашихъ невольниковъ проситъ письменнаго увольненія, дайте ему, если онъ достоинъ этого. Давайте имъ сколько нибудь изъ тѣхъ благъ, которыя доставилъ вамъ Богъ. Не принуждайте вашихъ служанокъ развратничать для доставленія вамъ преходящихъ благъ этого свѣта, если они желаютъ сохранить стыдливость“ (24, 33). Вѣрный, который освобождаетъ своего невольника, освобождаетъ себя и отъ заботъ и отъ адскаго огня. Магометъ говорилъ, что рабу должно прощать до 70 разъ и даже болѣе. Возвышенный тонъ кораническої морали понижается, когда рѣчь заходитъ о женщинѣ. „Мужчины выше женщинъ по причинѣ качествъ, которыми Богъ возвысилъ ихъ предъ тѣми и потому что мужчины свое имѣніе употребляютъ на награжденіе женщинъ. Добродѣтельныя женщины послушны и покорны; онѣ заботливо сохраняютъ въ отсутствіе мужей то, что Богъ велѣлъ сохранять въ цѣ-

лости. Вы побраните ихъ, когда боитесь неповиновенія; отдалите въ сторону отъ ложа, бейте ихъ; но когда онѣ вамъ повинуются, не старайтесь обижать. Богъ высокъ и великъ" (4, 38). Коранъ освятилъ многоженство, которое, какъ фактъ, существовало ранѣе. Но постановленія корана таковы, что честный мусульманинъ долженъ сказать: лучше жить съ одною женою. „Если вы боитесь быть несправедливыми къ сиротамъ, не женитесь изъ женщинъ, которыя вамъ нравятся, болѣе какъ на трехъ или четырехъ. Если всетаки боитесь быть несправедливыми, на одной или на невольницѣ. Такое поведеніе поможетъ не быть вамъ несправедливыми. Свободно назначайте приданое (садуха-то, что женихъ даетъ родителямъ невѣсты) вашимъ женамъ и если имъ угодно совершенно охотно оставить что-нибудь изъ этого, наслаждайтесь тѣмъ прилично вашему состоянію" (4, 3). Согласно этимъ словамъ жениться на трехъ или четырехъ можетъ лишь тотъ, кто чувствуетъ, что можетъ одинаково справедливо относиться ко всѣмъ женамъ. Но возможно ли это чувствовать и можетъ ли это быть? А если это невозможно, то должно жениться на одной. Такимъ образомъ, если коранъ по буквѣ дозволяетъ многоженство, то по духу онъ ставитъ для него такія препятствія, при которыхъ оно на самомъ дѣлѣ не должно существовать. Коранъ утверждаетъ, что женщина ниже мущины, но онъ не дѣлаетъ отсюда вывода, что мущина имѣетъ право какъ ему угодно обращаться съ женщиною; нѣтъ, онъ не долженъ обижать ее и долженъ учить ее. Правда, въ ряду педагогическихъ пріемовъ рекомендуются или вѣрнѣе дозволяются и побои, однако и здѣсь вносится ограниченіе: не должно бить до синяковъ или до крови. Тѣмъ, кто хочетъ осуждать коранъ за такое отношеніе къ женщинѣ, позволительно напомнить, что тысячу лѣтъ спустя послѣ рожденія Магомета въ христіанскомъ государствѣ духовнымъ лицомъ, стоявшимъ во главѣ тогдашняго просвѣщенія, рекомендовались по отношенію къ женѣ плетка, а по отношенію къ дѣтямъ—сокрушеніе реберъ. И эти правила у священника второй половины XVI в. Сильвестра звучатъ болѣе жестоко и сурово, чѣмъ у воспитаннаго въ язычествѣ Магомета. „Вамъ даны супруги, созданныя изъ васъ самихъ, чтобы вы жили съ ними. Онъ (Богъ) установилъ между вами любовь и нѣжность" (30, 20). Но не только

любовь къ женамъ рекомендуется мужьямъ. Прежде чѣмъ идти къ женѣ, мужу слѣдуетъ сдѣлать какое-либо доброе дѣло. О женахъ разведенныхъ долженъ заботиться мужъ. Невольница, съ которою господинъ вступилъ въ сожительство, переходитъ на права жены. Нѣкоторые говорятъ, что по корану назначеніе женщины состоитъ только въ томъ, чтобы быть игрушкою мужчины. Это—неправда уже потому, что, какъ чисто женская добродѣтель, въ коранѣ разсматривается цѣломудріе. Оно одобряется и защищается даже у рабынь. Дѣвство Маріи, Матери Іисуса, находитъ въ коранѣ глубокое одобреніе. „А Маріи дочери Имрана, сохранившей дѣвство, мы вдохнули часть нашего духа“ (66, 12), говоритъ Самъ Богъ черезъ коранъ. Существуетъ мнѣніе, что будто Магометъ, суля рай своимъ вѣрнымъ послѣдователямъ, забылъ о женщинѣ и не оставилъ для нея мѣста въ этомъ будущемъ саду сладостей. Правда, говоря о будущей судьбѣ, коранъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ мужчину. Это понятно, ибо не только въ соціальномъ строѣ VII, но и XX столѣтія значеніе общественнаго дѣятеля принадлежитъ почти исключительно мужчинѣ. Однако представленіе, что только мужчинъ ждутъ и награды и наказанія, не соотвѣтствуетъ буквѣ корана. „Нѣтъ скота на землѣ, ни птицы летающей на крыльяхъ, которые не образовали бы вамъ общества. Мы ничего не презирали въ книгѣ. Всѣ творенія будутъ нѣкогда собраны“ (т. е. на судъ. 6, 38). Если Богъ будетъ судить птицъ, то тѣмъ болѣе Онъ будетъ судить женщинъ. Мы нашли и прямой стихъ говорящій, что лучшихъ изъ женщинъ ждутъ сады Эдема. Оказывается, что высшіе ангѣлы молятъ о вѣрныхъ. „Господи, введи ихъ въ сады Эдема, какъ обѣщалъ имъ, также ихъ отцовъ, *супругъ* и дѣтей, которые жили хорошо. Ты могущъ, мудръ“ (40, 8 срав. 36, 56; 43, 70).

Такова мораль Ислама. Разсматриваемая въ ея идеалѣ она возвышенна и благородна, она не хочетъ невольничества, не хочетъ притѣсненія женщины. Но не трудно видѣть, что ея формулы легко могутъ быть обращены для развитія теоріи и практики невысокаго нравственнаго достоинства. Женщина ниже мужчины. Отсюда по духу корана слѣдуетъ, что на мужчинѣ лежитъ больше обязанностей (кому больше дано), чѣмъ на женщинѣ, что женщинѣ и прощаться должно большее, чѣмъ

мужчинѣ. Но практика, минуя этотъ, легко дѣлаетъ другіе выводы. Если женщина ниже мужчины, то она обязана послушаніемъ мужчинѣ, должна быть слугою его. Отсюда—рабская подчиненность женщины. Затѣмъ, какъ должно относиться къ невѣрнымъ? Если они не трогаютъ вѣрныхъ, то ихъ не слѣдуетъ трогать. Но что понимать подъ этимъ „не трогаютъ“? Жители Мекки, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи ключи отъ каабы, не трогали правовѣрныхъ, но то, что они поставили идоловъ во святомъ храмѣ, сдѣлали этотъ храмъ недоступнымъ для правовѣрныхъ, конечно, должно было очень трогать послѣднихъ и потому можно сдѣлать выводъ, что послѣдніе правы, напавъ на первыхъ. Точно также можно оправдать и право нападенія на всякаго идолопоклонника. Такъ какъ Богъ посылалъ пророковъ ко всѣмъ народамъ, то, слѣдовательно, всѣ почитающіе идоловъ оказываютъ противленіе Богу, затѣмъ, распространяя свое нечестіе, они влекутъ другихъ на путь погибели. Для того, чтобы спасти послѣднихъ, нужно погубить первыхъ. Отсюда—право священной войны или вѣрнѣе право безпричиннаго нападенія. Въ коранѣ также не мало мѣстъ, которыя какъ бы оправдываютъ жестокій образъ дѣйствій, если онъ обусловливается законно вызваннымъ раздраженіемъ. Само собою понятно, что человѣческая слабость склонила послѣдователей корана представлять его ученіе въ наиболѣе выгодномъ для нихъ свѣтѣ.

Вѣрные должны быть лучше другихъ. Такова мысль корана. Но человѣческій эгоизмъ и человѣческая слабость легко превращаютъ ее въ другую: вѣрные лучше другихъ; „О вѣрующіе, не избирайте друзьями жидовъ и христіанъ, они друзья одни другимъ. Тотъ, кто приметъ ихъ за друзей, кончитъ сходствомъ съ ними, а Богъ не будетъ путеводителемъ нечестивыхъ“ (5, 56). Что касается до идолопоклонниковъ или язычниковъ, то Богъ не проститъ, что Ему присоединили другихъ боговъ; Онъ проститъ другіе грѣхи, кому захочетъ“ (4, 51). Эти правила, созданныя прежде всего для того, чтобы отвратить отъ грѣховъ языческихъ, христіанскихъ и еврейскихъ, именно отъ ихъ религіозныхъ убѣжденій, легко сами могли вести къ грѣху фарисейства. Я не таковъ, какъ прочіе человѣки. Если женщина, которая можетъ и право чтитъ Бога, обязана мнѣ подчиненіемъ, то

тѣмъ болѣе я долженъ подчинить себѣ враговъ Божіихъ. Я долженъ сдѣлать это даже для славы Божіей и для блага народовъ. Отсюда—идея политическаго господства въ религіозныхъ цѣляхъ.

Коранъ утверждаетъ, что съ вѣрными Богъ, что Онъ охраняетъ ихъ на всѣхъ путяхъ, даруетъ имъ милости. Однако опытъ непрестанно показывалъ, что погибали и вѣрные и торжествовали нечестивые. Если бы на самомъ дѣлѣ корану была присуща идея Бога дѣйствующаго произвольно, тогда гибель вѣрныхъ и торжество невѣрныхъ можно было бы разсматривать какъ игру этого произвола. Но этого нѣтъ въ коранѣ. Богъ благъ, милосердъ и справедливъ. Вѣрному принадлежитъ окончательное торжество и невѣрному можетъ достаться въ удѣлъ лишь временный успѣхъ. При Оходѣ погибло не мало вѣрныхъ. Пророкъ говоритъ: „не вѣрьте, что павшіе сражаясь на пути Божіемъ мертвы, они живутъ у Бога и получаютъ отъ Него свою пищу“ (3, 163). За жизнью земною человѣка ждетъ иная жизнь какъ возмездіе за его земныя дѣла. Изъ приведенныхъ словъ корана слѣдуетъ, что возмездіе за дѣла ожидаетъ умершаго непосредственно послѣ смерти. Цѣлый рядъ мѣстъ (4, 99; 7, 35; 16, 30—32, 34; 23, 102; 47, 29) подтверждаетъ это положеніе. Однако это возмездіе не представляется окончательнымъ. Коранъ учитъ объ имѣющемъ наступить всеобщемъ воскресеніи, всеобщемъ судѣ и мздовоздаяніи. Многое въ томъ, что объ этомъ говоритъ коранъ, заимствовано изъ христіанскихъ сказаній, кое-что взято изъ религій Зороастра. Интересъ представляютъ лишь нѣкоторые элементы кораническихъ представленій. У мусульманъ издавна существуетъ убѣжденіе, что въ концѣ вѣковъ изъ потомковъ Магомета долженъ возстать пророкъ, который дастъ торжество истинной религіи. Онъ назовется Махдіемъ (направленный, благонаправленный), онъ станетъ во главѣ всѣхъ мусульманскихъ государствъ. Тогда придетъ Деджжаль (противникъ правды совершенно аналогичный антихристу). Произойдетъ борьба, подробности которой мусульманская фантазія рисуетъ различно. Въ этой борьбѣ приметъ участіе и сошедшій съ неба Іисусъ. Деджжаль погибнетъ. Все это будетъ предъ концомъ міра. Въ коранѣ нѣтъ такой опредѣленной исторіи будущаго. Можно однако указать нѣсколько мѣстъ, которыя могли по-

служитъ исходнымъ началомъ или по крайней мѣрѣ матеріаломъ для развитія сказаній о будущей трагедіи. Въ 43 сурѣ говорится, что „Іисусъ будетъ указателемъ приближенія часа“ (всеобщаго суда, 61) и выражается предостереженіе, чтобы сатана не отвратилъ вѣрныхъ отъ истины. Въ 27 сурѣ дается такое предсказаніе: „когда опредѣленіе произнесенное о нихъ (о невѣрныхъ) будетъ близко къ совершенію исполненія, то мы велимъ выйдти изъ земли чудовищу (эль джессаса), которое закричитъ имъ: въ самомъ дѣлѣ люди не вѣровали твердо въ наши чудеса“ (84). Христосъ и антихристъ, такимъ образомъ, указываются въ коранѣ, образъ Махдія присоединенъ къ нимъ отвнѣ и очень можетъ быть, что его совсѣмъ не было въ мысляхъ Магомета. Предъ послѣднимъ судомъ, когда начнется міровая катастрофа, „все, что есть на небесахъ и на землѣ, умретъ, исключая тѣхъ, кого Богъ захочетъ оставить жить“ (39, 68). Умретъ и то, что на небесахъ, значитъ, ангелы. Магометанское богословіе подробно развиваетъ это краткое изреченіе корана. Говорятъ, что умрутъ ангелы Гавріилъ и Михаилъ, затѣмъ Израфилъ (вѣстникъ приближенія суда) и наконецъ послѣднимъ умретъ ангелъ смерти Израилъ... Это будетъ, такъ сказать, смерть смерти.

Окончательной участи созданій будетъ предшествовать всеобщій судъ. По мысли корана, повидимому, всѣхъ тварей ожидаетъ этотъ судъ и сообразно съ нимъ послѣдующая судьба. „Нѣтъ скота на землѣ, ни птицы летающей на крыльяхъ, которые не образовали бы подобнаго вамъ общества. Мы ничего не презирали въ книгѣ. Всѣ творенія нѣкогда будутъ собраны“ (6, 38). Что это за книга, ясно говорится во многихъ мѣстахъ корана. „Книга, гдѣ записаны дѣла каждаго, будетъ отдана въ ихъ руки, ты увидишь преступныхъ пораженныхъ страхомъ изъ за того, что тамъ написано. Горе намъ, что значитъ эта книга? Не осталось ни малаго дѣла, ни большого, они сочтены всѣ; люди найдутъ представленными глазамъ ихъ. Господь твой не поступитъ несправедливо съ кѣмъ бы то ни было“ (18, 47). Эта книга по корану есть точная лѣтопись, исторія міра, составляемая ангелами. „Вѣроятно у Него (Бога) есть стражи, которые за вами наблюдаютъ. Стражи знаменитые, которые записываютъ ваши дѣйствія. Они знаютъ то, что вы дѣлаете“

(82, 10—12). „Когда два собирателя (ангелы) собираютъ слова человѣка, то принимаются собирать, сидя одинъ справа, другой слѣва. Онъ не произноситъ ни одного слова, чтобы не было наблюдателя совершенно готоваго отмѣтить его“ (50, 16—17, снеси еще 13, 12). Такія мѣста трудно согласить съ рядомъ другихъ, гдѣ говорится объ изначальномъ предопредѣленіи человѣческой судьбы и гдѣ книга этой судьбы повидимому представляется существовавшей всегда. „Мы привязали къ шеѣ каждаго человѣка птицу (т. е. судьбу). Въ день воскресенія мы покажемъ ему книгу, которая будетъ открыта“ (17, 14; 27, 48; 36, 18). Эти два ряда мѣстъ трактуютъ о человѣческой свободѣ, дарованной божественной благостью, и о божественномъ предопредѣленіи, обусловленномъ всемогуществомъ. Мы уже говорили, что несогласованность мѣстъ трактующихъ объ этихъ двухъ факторахъ исторіи не есть особенность одного только корана. Можно указать одно мѣсто въ коранѣ, которое занимаетъ какъ бы среднее положеніе между только что приведенными: „не разрушилъ ли Онъ (Богъ) ихъ (невѣрныхъ) замысловъ? Не послалъ ли противъ нихъ птицъ абабилей“ (105, 2—3). Здѣсь птицы представляютъ собою уже не судьбу, а только противодѣйствіе нечестивымъ замысламъ. Во всякомъ случаѣ смыслъ всего корана тотъ, что человѣкъ будетъ судиться по своимъ дѣламъ и по божественной справедливости. По какимъ началамъ будетъ произведенъ судъ? Изъ пятой суры, повидимому, сначала вытекаетъ, что каждый народъ будетъ судимъ по тому Откровенію, которое онъ получилъ. „Мы повелѣли сойти пятикнижію; оно содержитъ направленіе къ доброму пути и свѣту“ (48). „Евангеліе тоже содержитъ направленіе и предостереженіе тѣмъ, которые боятся Бога“ (50). Но не много ниже говорится: „о вѣрующіе, не избирайте друзьями жидовъ и христіанъ“ (56). Почему не избирайте: потому ли что жиды и христіане не исполняютъ своихъ законовъ, или потому что въ ихъ книгахъ они подготовлялись къ принятію ислама и однако они его не приняли? Рѣчь корана является неясной и даже, пожалуй, несогласной сама съ собою. Далѣе говорится. „Жиды говорятъ: рука Божія сжата. Да будутъ руки ихъ прижаты къ шеѣ. Да будутъ прокляты они за хулу ихъ. Далеко до этого, обѣ руки Божіи отверсты. Онъ раздаетъ свои дары, какъ хочетъ“

(69). Этотъ текстъ подалъ поводъ для развитія въ мусульманскомъ богословіи ученія о томъ, что жиды явятся на послѣдній судъ съ привязанной къ шеѣ рукой. Обстановка суда и вида, въ которомъ явятся грѣшники, ужасна. Однако самый принципъ суда даетъ понять, что благость Божія будетъ больше Его строгости. „Кто сдѣлалъ доброе дѣло, получитъ награду вдесятеро; кто совершилъ дурное дѣло, получитъ равную цѣну. Они не будутъ притѣсняемы“ (6, 161).

По опредѣленію суда однимъ будетъ назначенъ рай, а другимъ—адъ. Описаніе того и другого отличаются чувственнымъ характеромъ. Но какъ же представить ихъ иначе? Некультурные люди не могутъ понять философской концепціи блаженства и страданіе духа имъ необходимо изображать въ чувственныхъ образахъ. Трудно также видѣть въ этихъ изображеніяхъ корана творчество восточной пылкой фантазіи. Совершенно аналогичныя представленія можно найдти въ русскихъ народныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ объ адѣ и раѣ. Только у насъ на мѣсто наслажденій пирами и женами выдвигается благолѣпное служеніе Богу. Здѣсь нужно видѣть не только вліяніе Евангелія, Евангеліе, пожалуй, съумѣли бы извратить, но историческое воспитаніе народа, обучившагося находить высшее наслажденіе въ молитвенномъ общеніи съ Богомъ. Затѣмъ, въ коранѣ не должно видѣть не только особаго творчества какого-то особаго народа или особаго вождя, но и особой самостоятельности. Нѣкоторыя выраженія объ адѣ и раѣ встрѣчающіяся въ коранѣ встрѣчаются и въ нашихъ священныхъ книгахъ: кипящая смола, горящая сѣра суть символы орудій страданій грѣшниковъ и у богодухновенныхъ священныхъ писателей. Что касается до рая изображаемаго въ коранѣ подъ образомъ сада, то, вѣдь, и самое слово рай значитъ садъ, и первобытный рай сладости былъ дѣйствительнымъ садомъ. Самое представленіе отношенія между раемъ и адомъ заимствовано кораномъ изъ евангельской притчи о богатомъ и Лазарѣ. „Обитатели огня закричатъ обитателямъ сада: пролейте на насъ немного воды или доставьте немного утѣхъ, которыми одарилъ васъ Богъ. Богъ, отвѣтятъ эти, лишаетъ того и другого невѣрныхъ“ (7, 48). Это мѣсто несомнѣнно близко стоитъ къ Еванг. Лук. 16, 19—31.

Позднѣйшее магометанское богословіе, внося подробно-

сти въ то, какъ грѣшные и праведные будутъ помѣщены въ аду и раю, составило ученіе, что тѣ и другіе пойдутъ по мосту Аль - Сератъ, мостъ этотъ узкій и скользкій, какъ остріе меча. Грѣшники, не имѣя свѣта въ своихъ глазахъ, не имѣя силъ держаться на скользкомъ пути, отягчаемые грѣхами, немедленно будутъ проваливаться на немъ въ адъ. Праведныхъ высшая сила будетъ поддерживать на ихъ пути, окрылитъ ихъ и они быстро и безопасно достигнутъ области рая. Это ученіе есть несомнѣнно варіація персидскаго (авестическаго) сказанія о судьбѣ человѣка послѣ смерти. Та безсмертная часть человѣка, которая остается по прекращеніи жизни въ его тѣлѣ, восходитъ на гору Альбарда, отъ которой по мосту Цинватъ или Синватъ (Cinvat, о немъ говорится уже въ гатахъ древнѣйшей части Авесты Yasna L, 13; LXV, 10) идетъ къ Агура-Маздѣ. Нечестивые низвергаются съ этого мѣста въ адъ, праведные при высшей помощи проходятъ его легко и благополучно. Такъ, на развитіе позднѣйшаго ученія парсизмъ оказалъ вліяніе и вліяніе даже значительное, но едвали онъ могъ оказать его на коранъ, слагавшійся не въ Персіи и подъ воздѣйствіемъ религій, въ которыхъ позволительно отрицать слѣды парсизма (на нѣкоторыя гностическія секты парсизмъ вліялъ, но ихъ вліяніе не сказалось въ коранѣ).

Описанію рая (фирдудъ, дженетъ=садъ) и ада (геенны) посвящено много мѣстъ въ коранѣ (отмѣтимъ: 2, 23; 3, 13; 4, 60; 10, 9; 13, 22, 23, 35; 19, 61—63; 35, 30; 36, 54—57; 37, 39—47; 38, 50—52; 39, 21; 43, 69—70; 47, 16—17; 55, 46, 56—78; 56, 10—37; 57, 21; 76, 11—22 эти и многія другія о раѣ; описаніе ада дается въ 4, 59; 6, 128; 7, 36—39; 11, 108, 109, 120; 13, 25; 14, 18—19, 50—51; 35, 34; 37, 50—68; 38, 55—64; 39, 48; 40, 10 и многіе изъ слѣдующихъ стиховъ; 47, 17, 29; 50, 29; 56, 40—56; 67, 5—12; 71, 19—24; 74, 27—31 и др.). Роскошные сады, плодовыя деревья, роскошныя яства и питія, дорогія одежды, прекрасныя дѣвы и жены, благочестивое настроеніе, общій миръ—вотъ въ схематическомъ видѣ представленіе рая. Картина ада такова: жизнь въ цѣпяхъ и ошейникахъ среди чернаго дыма въ страшномъ адскомъ жилищѣ, нескончаемое гореніе въ смолѣ, потому что сгарающее тѣло будетъ непрестанно замѣняться новымъ. Питаніемъ будутъ плоды терновника Дзарисъ и дерева Цак-

кумъ, плодами послѣдняго являются головы діаволовъ, это питаніе будетъ усиливать голодъ и жечь внутри тѣла, пить грѣшники будутъ помои и гной. Ихъ стоны будутъ наполнять адъ. Въ дополненіе къ этимъ основамъ есть нѣкоторыя мѣста, на которыхъ должно остановиться. Такъ, объ условіяхъ для того, чтобы оказаться въ раю, говорится: сражайтесь поспѣшно и получите рай. Какъ будто одного этого условія борьбы съ невѣрными достаточно для того, чтобы оказаться въ раю. Далѣе, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ можно вывести, что всѣхъ мусульманъ ожидаетъ рай, а немусульманъ—адъ. Проводится въ коранѣ мысль, что жены какъ будто будутъ введены въ рай ради заслугъ своихъ мужей. Но большею частію условія для жизни въ раю поставляются кораномъ иныя. Рядомъ съ чувственными картинами рая въ коранѣ блаженство опредѣляется, какъ созерцаніе лица Божія. Нужно помнить, что во всемъ коранѣ до послѣдней его строчки строго проведена идея духовности Божества. Ангелы не чужды матеріальности, но Богъ безусловно духовенъ. Въ такомъ случаѣ и созерцаніе лица Его можетъ быть только духовнымъ, но тогда и райское блаженство, значитъ, имѣетъ духовный характеръ. Дѣвы корана (гуріи), назначеніе которыхъ служить женами праведниковъ, вѣчно сохраняютъ дѣвство. При буквальномъ пониманіи этого получается не только нѣчто неестественное, но и циничное. Но если самыя брачныя отношенія въ раю должны мыслиться духовно, тогда въ этомъ ученіи можно найдти значительный смыслъ.

Въ замѣчаніяхъ объ адѣ есть одно загадочное мѣсто. „Богъ получаетъ души въ минуту смерти. Онъ получаетъ ихъ также отъ тѣхъ, которые спятъ, не умирая. Онъ сохраняетъ тѣ, которымъ сулилъ смерть, а другія отсылаетъ до назначеннаго предѣла. Въ этомъ навѣрное есть знаменіе для тѣхъ, которые размышляютъ". Изъ этихъ словъ какъ бы выходитъ, что сонъ и смерть одно и тоже—удаленіе души изъ тѣла къ Богу, только сонъ есть временная смерть. Какъ же нужно понимать смерть не такъ ли, какъ постоянный сонъ? Безъ грезъ или съ грезами, но смерть во всякомъ случаѣ для всѣхъ людей представляется пребываніемъ у Бога. Значитъ, и нечестивые находятся у Бога. Трудно понять этотъ пунктъ въ ученіи Магомета. Но какъ бы то ни было, про-

бужденіе грѣшника отъ смерти будетъ ужаснымъ. Будутъ ли эти ужасы вѣчными? Вотъ какой отвѣтъ мы находимъ въ коранѣ. „Нѣкогда, когда (Богъ) соберетъ всѣхъ, Онъ скажетъ геніямъ: собраніе геніевъ, вы очень развратили людей. Господи! скажутъ ихъ приверженцы изъ людей, мы оказывали одни другимъ взаимныя услуги. Вотъ мы и дошли до предѣла, который Ты назначилъ. Огонь будетъ вашимъ жилищемъ, отвѣтитъ Богъ, *вы останетесь тамъ на вѣки, если Богу не будетъ угодно иное*; ибо Онъ мудръ и знающъ". Въ другомъ мѣстѣ говорится: „отвергнутые будутъ ввержены въ огонь; тамъ они будутъ издавать вздохи и рыданія. *Тамъ они проживутъ, пока просуществуютъ небеса и земля, если Богъ не захочетъ иначе.* Господь твой творитъ, какъ желаетъ". Въ этихъ словахъ прямо утверждается, что мученія грѣшниковъ когда-либо кончатся. Слова содержатъ въ себѣ суровыя прещенія, но въ вводныхъ предложеніяхъ содержится намекъ, возбуждающій надежду, что Божественная воля захочетъ нѣкогда сокрушить и двери ада. Поучительно сопоставить второй изъ приведенныхъ стиховъ съ непосредственно слѣдующимъ за нимъ изреченіемъ о судьбѣ праведныхъ. „Блаженные будутъ въ раю; *они проживутъ тамъ, пока просуществуютъ небеса и земля, развѣ только Господь твой захочетъ прибавить такое благодѣяніе, которое не прекратится*". Что представляютъ эти слова? Магометъ изобразилъ адъ и рай, какъ конечную участь созданій и потомъ ему какъ бы представилось, что первые наказаны слишкомъ сильно, а вторые всетаки награждены слишкомъ мало. Его теорія десятикратной награды и наказанія соразмѣрнаго преступленію отступила назадъ предъ мыслью о безпредѣльной благости Аллаха. Онъ боится говорить въ данномъ случаѣ объ этой благости слишкомъ ясно, онъ выражается условными намеками, за которыми однако не трудно отгадать вѣру въ безусловное торжество добра и блаженства по скончаніи вѣковъ.

5.

Коранъ есть книга принциповъ, но не книга правилъ. Онъ даетъ отвѣты на важнѣйшіе вопросы о бытіи и дѣятельности, но онъ не говоритъ какъ дѣйствовать въ той безконечной суммѣ неважныхъ случаевъ, изъ которыхъ слагается

повседневная жизнь и какъ должны быть караемы и исправляемы отступленія въ подобныхъ случаяхъ отъ закона. Говорятъ, что коранъ не можетъ быть закономъ, потому что онъ противорѣчивъ. Не обращаясь болѣе къ вопросу о противорѣчіяхъ въ коранѣ, скажемъ: несомнѣнно, что если коранъ и противорѣчивъ, то не болѣе, чѣмъ нѣкоторые своды дѣйствующихъ законовъ. Не противорѣчія воспрепятствовали корану стать дѣйствующимъ правомъ, а то обстоятельство, что въ немъ нѣтъ изложенія таковаго права. Коранъ опредѣлилъ духъ мусульманскаго права, но не далъ для него буквы. За то духъ корана, его принципы опредѣлили всѣ стороны жизни мусульманъ: религіозную, политическую, международную, общественную, семейную, личную. Такъ какъ обязанности личности въ сферѣ религіозно-нравственной обыкновенно въ маломъ отражаютъ въ себѣ обязанности общества, то поэтому изложеніе религіозно-нравственныхъ требованій ислама лучше всего начинать въ ихъ отношеніи къ индивидууму—къ каждому отдѣльному мусульманину [1]).

Каждый мусульманинъ обязанъ во 1) содержать въ чистотѣ и неповрежденности исповѣданіе вѣры ислама, во 2) совершать молитвы по установившимся правиламъ и съ соблюденіемъ опредѣленныхъ церемоній, въ 3) держать уста-

---

[1]) Совокупность мусульманскихъ законовъ, утверждающихся на коранѣ, называется *шаріатъ*. Магометъ называется шаріемъ — законодателемъ (корень слова шарій означаетъ приготовлять путь, начать). Свѣдѣнія о религіозно-нравственныхъ обязанностяхъ мусульманъ можно найдти въ книгахъ, которыя были указаны, какъ содержащія біографію Магомета. О культѣ святыхъ можно найдти сообщенія у г-на (нынѣ протоіер.) Позднева въ его книгѣ „Дервиши“. Новыя данныя объ этомъ нерѣдко даетъ Гольдціеръ въ Revue de l' Histoire des Religions (см. T. XLV). На русскомъ языкѣ свѣдѣнія о мусульманскомъ правѣ можно найдти въ трудахъ *Торнау*—Изложеніе началъ мусульманскаго законовѣдѣнія, мусульманское право, особенности мусульманскаго права, *Фанъ денъ Берга*—Основныя начала мусульманскаго права. Перечень пособій для изученія мусульманскаго права дается г. Крымскимъ въ его книгѣ „Исторія мусульманства“. Много небольшихъ статей—нерѣдко принадлежащихъ тоже перу г. Крымскаго—можно найдти въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона (къ сожалѣнію, здѣсь даются иногда свѣдѣнія противорѣчивыя. Такъ въ статьѣ о *кади* читаемъ, что онъ ниже *муфтія*, а въ статьѣ о муфтіи, что онъ ниже кади, между тѣмъ обѣ статьи принадлежатъ одному и тому же автору. Сравн. полутомы 26 страницы 875—876 и 39 страница 244).

новленный постъ, въ 4) творить предписанную милостыню, въ 5) совершить одинъ разъ въ жизни хаджъ — паломничество въ Мекку.

Символъ вѣры, исповѣданіемъ котораго многократно пріобрѣтали благополучіе и за отказомъ прочитать который нерѣдко слѣдовала смерть, заключается въ краткой формулѣ: нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ — пророкъ Его. За этой короткой формулой скрывается богатое содержаніе. Однако это содержаніе въ общемъ никогда не достигало полной и неподвижной опредѣленности. Если секты ислама различались между собою тѣмъ, что каждая принимала или отрицала какое-нибудь особое опредѣленное положеніе, то сближались они между собою большею частію въ области вѣрованій остававшихся неустойчивыми и неясными. За всѣмъ тѣмъ вѣра въ Бога, признаніе божественнаго происхожденія корана, посланничества Магомета, исповѣданіе личнаго безсмертія и мздовоздаянія не допускаютъ исламомъ ни колебаній, ни сомнѣній. Божественность корана сама по себѣ дѣлаетъ несомнѣннымъ цѣлый рядъ истинъ, и если бы кто вздумалъ усумниться въ послѣднемъ, мусульманскіе законы немедленно бы разсѣяли его сомнѣнія. Такъ, за хулу на Моисея и на Христа согласно этимъ законамъ полагается смертная казнь. Почему? Потому, что согласно ученію корана они были великими пророками. Смертная казнь полагается за богохульство. Тоже упрощенное возмездіе грозило и отпавшимъ отъ ислама. Однако произнесеніе формулы исповѣданія, т. е. возвращеніе въ исламъ могло спасать ихъ жизнь. Какія чувства по идеѣ ислама—идеѣ можетъ быть и не всегда ясно сознанной долженъ былъ соединять мусульманинъ съ своимъ исповѣданіемъ вѣры? Сознаніе своего ничтожества предъ безмѣрнымъ величіемъ Божіимъ, сознаніе своего безсилія предъ Его всемогуществомъ и сознаніе совершенной невозможности отплатить Ему хотя чѣмъ-либо за то, что онъ далъ—а Онъ далъ все—должны были наполнять правовѣрнаго двумя чувствами: безпредѣльнаго смиренія и безпредѣльной благодарности. Коранъ хотя и не философски, а въ образахъ, но слишкомъ стремится выяснить человѣку абсолютную безконечность Божества и безконечную задолженность предъ Нимъ человѣка.

Человѣкъ можетъ отдавать Божеству свои молитвы. Изъ

понятія о Богѣ слѣдуетъ, что молитва должна служить выраженіемъ чувствъ безпредѣльнаго благоговѣнія, смиренія, благодарности. Элементъ просительный не долженъ занимать много мѣста въ молитвѣ: во 1) Богъ знаетъ все, во 2) и грѣшно много занимать Бога своею особою. Къ молитвѣ должно приступать чистымъ. Человѣкъ вообще долженъ стремиться быть чистымъ, избѣгать осквернения и нечистыхъ прикосновеній, а если таковыя случились, очищать себя отъ нихъ. Но передъ молитвою омовенія необходимы всегда для уничтоженія даже возможной нечистоты. Иногда омываютъ все тѣло, но передъ каждою молитвою вообще омываются лицо, руки по локоть и ноги до лодышекъ. Вмѣсто воды въ случаѣ ея отсутствія при омовеніи, какъ средство очищенія, можетъ быть употребленъ песокъ. Предложеніе такой замѣны практически явилось весьма полезнымъ для многихъ мусульманъ проводящихъ большую часть жизни въ странствіяхъ по пустынямъ. Ежедневно мусульманинъ обязательно долженъ творить молитву пять разъ: 1) при разсвѣтѣ предъ восходомъ солнца; 2) въ полдень; 3) передъ закатомъ; 4) послѣ заката; 5) на ночь. (это—пять намазовъ). Молящійся обращается лицомъ по направленію къ Меккѣ. Это называется *Кебла*. Какъ сообщалось выше, первоначально Магометъ велѣлъ молиться съ лицомъ, обращеннымъ къ Іерусалиму и затѣмъ вмѣсто Іерусалима пунктомъ обращенія провозгласилъ Мекку. Насколько мистицизмъ былъ чуждъ духу первоначальнаго мусульманскаго ритуала, видно изъ того, что Магометъ обращеніе къ Меккѣ мотивировалъ не какими-либо мистическими соображеніями—онъ прямо развилъ мысль, что для Бога все равно, куда молящійся не обратитъ свое лицо,—а тѣмъ, что по этому признаку мусульмане будутъ отличаемы отъ послѣдователей другихъ религій. Произнесеніе молитвъ соединяется съ опредѣленными движеніями тѣла. Первое, съ чего начинается дѣло молитвы, это — изутіе обуви. Затѣмъ вмѣстѣ съ словами молитвы молящійся постоянно сообщаетъ своему тѣлу все новыя и новыя позиціи, онъ протягиваетъ руки по швамъ, приставляетъ къ колѣнамъ, складываетъ на животѣ, растопыриваетъ пальцы около ушей, одновременно съ этимъ онъ то стоитъ прямо, то наклоняетъ голову, садится на колѣна, падаетъ ницъ, обращаетъ лицо направо и налѣво. Всѣ эти тѣлодвиженія строго регламен-

тированы. Произносимыя молитвы состоятъ изъ нѣсколькихъ круговъ, изъ которыхъ каждый называется ракатомъ. Вотъ какъ описываетъ Мюллеръ по Lane' у молитву мусульманина. Молящійся тихо опредѣляетъ, что онъ произнесетъ столько-то ракатовъ и что теперь предстоитъ такая-то молитва: утренняя, вечерняя. Затѣмъ возглашаетъ: Аллаху-Акбару—Богъ великъ. Этотъ возгласъ равно какъ и другія подобныя формулы (совершенство Бога моего) многократно произносятся во время молитвы. 1. Хвалу Богу, Господу вселенной, милосердому, милостивому, царю дня воздаянія Тебя, мы обожаемъ, Тебя мы умоляемъ о помощи. Направь насъ на путь правый, на путь тѣхъ, которыхъ мы осыпали своими благодѣяніями, но не на тѣхъ, которые заслужили твой гнѣвъ, не на тѣхъ, которые заблуждаются 112. Скажи: Богъ единъ; это Богъ, къ кому всѣ существа обращаются въ своихъ нуждахъ. Онъ не родился и не былъ рожденъ. Онъ не имѣетъ себѣ равнаго въ чемъ бы то ни было. Вмѣсто 112 могутъ быть прочитываемы стихи и изъ другой суры. Чтеніе молитвъ по идеѣ не должно быть нигдѣ прерываемо. Разсказываютъ, что одинъ мулла, когда читалъ 57 суру (желѣзо), увидѣлъ, что кошка подбирается къ его пищѣ. Бросить молитву и прогнать кошку было нельзя, потерять пищу жалко. Мулла продолжилъ чтеніе суры. Дойдя до 13 стиха, онъ слова: да заимствуемъ отъ свѣта вашего—накта бысъ мынъ нурикомъ—произнесъ съ могучимъ удареніемъ на бысъ (брысь), и кошка убѣжала. Послѣ произнесенія суръ опять слѣдуютъ возгласы о величіи и совершенствѣ Божіемъ, и этимъ заканчивается ракатъ. Слѣдующій ракатъ начинается безъ перерыва. Прочитываются новыя суры. Все это окружается молитвенными формулами. Только передъ самымъ концомъ молитвы дозволяется обращаться къ Богу съ личными просьбами. Самое большее число ракатовъ (18) полагается въ полдень.

Полдень пятницы назначается для общественной молитвы. Уже при Магометѣ около дома Аиши было выстроено зданіе съ такою цѣлью. Собравшіеся произносятъ два раката каждый про себя,—затѣмъ одинъ изъ прислужниковъ читаетъ хотбу—рѣчь, имамъ—предстоятель произноситъ проповѣдь. Далѣе слѣдуетъ общая глухая молитва. Имамъ вступаетъ на каѳедру и произноситъ другую хотбу. Молитва за-

канчивается исповѣданіемъ вѣры, прославленіемъ главныхъ дѣятелей ислама, прошеніями за правовѣрныхъ и за царствующаго владыку. Трудно рѣшить вопросъ, почему для молитвенныхъ собраній Магометъ выбралъ именно пятницу? Скорѣе во всякомъ случаѣ для того, чтобы отличить мусульманъ отъ евреевъ, чѣмъ по какому либо побужденію не имѣющему въ виду еврейскихъ обычаевъ. За всѣмъ тѣмъ пятница не есть праздничный день у мусульманъ. День общей молитвы не выдѣляется изъ будничныхъ дней праздничнымъ торжествомъ или прекращеніемъ работы. Днемъ отдыха и въ настоящее время мусульмане нерѣдко выбираютъ тотъ, который празднуютъ люди окружающіе ихъ. Даже въ Бейрутѣ мусульмане закрываютъ свои лавки не въ пятницу, а въ воскресеніе, какъ это дѣлаютъ христіанскіе купцы.

Дальнѣйшею обязанностью мусульманина по отношенію къ Богу является постъ. Ему долженъ быть посвященъ мѣсяцъ Рамаданъ (по арабскому произношенію, Рамазанъ—по турецкому). „Луна Рамадана, въ которую коранъ сошелъ свыше, чтобы служить людямъ направленіемъ, яснымъ изложеніемъ правилъ и различіемъ между добромъ и зломъ, это—время, въ которое должно поститься. Кто замѣтитъ эту луну (девятую въ лунномъ магометанскомъ календарѣ), тотчасъ приготовься поститься. Кто будетъ боленъ или въ дорогѣ, будетъ поститься послѣ равное число дней. Богъ желаетъ вашего расположенія, онъ не хочетъ вашего стѣсненія. Онъ хочетъ, чтобы вы исполняли добровольное число и чтобы прославляли Его за то, что направляетъ васъ на путь правый. Онъ хочетъ, чтобы вы были признательны“ (2, 181). „Тѣ, которые въ состояніи перенести постъ и нарушатъ его, пусть дадутъ подъ видомъ очищенія пищу бѣдному“ (2, 181). Постъ собственно называется *оруджъ*. Но такъ какъ онъ пріуроченъ къ мѣсяцу Рамадану, то слова постъ и рамаданъ часто употребляются, какъ взаимнозамѣнимыя. Постъ у мусульманъ состоитъ не въ постоянномъ воздержаніи отъ пищи или нѣкоторыхъ видовъ пищи, а въ воздержаніи въ теченіе дня. Лишь только начнетъ распространяться утренній свѣтъ такъ, что бѣлую нитку можно отличить отъ черной и до того момента, когда солнце скроется за горизонтомъ (сур. 2, 183), мусульманинъ не долженъ вкушать пищи,

принимать какое бы то ни было питье, имѣть сношенія съ женой, цѣловать женщину, наслаждаться благовоніями курить, проглатывать слюну, купаться, запрещается даже ставить клизмы, только лѣкарства могутъ принимать больные и то по выздоровленіи они, какъ и другіе, нарушающіе постъ по какимъ-либо причинамъ, должны выполнить постъ въ другое время. Кромѣ этого нарушеніе поста вообще должно компенсироваться милостыней бѣднымъ (принявши пищу не во время, накорми голоднаго во время). Такъ какъ мусульманскій календарь лунный, и годъ заключаетъ въ немъ 354 дня, то понятно, что одни и тѣ же мѣсяцы въ различные годы падаютъ на различное время: рамаданъ приходится и лѣтомъ и зимой, въ 1904 г. рамаданъ падаетъ на 27 октября—26 ноября нашего (юліанскаго) стиля. Если рамаданъ приходится въ зимнее время, то выполнять его гораздо легче: зимою не мучаетъ жажда, которая такъ даетъ себя знать во время лѣтняго зноя. Вообще потребность въ питьѣ и для курильщиковъ потребность въ куреньѣ болѣе всего мучаютъ постящихся. Пищи можно сколько угодно употреблять ночью. Люди, имѣющіе достатокъ и не имѣющіе нужды въ работѣ, исполняютъ законъ о постѣ съ наименьшимъ трудомъ для себя, превращая день въ ночь и ночь въ день: они стараются спать днемъ и бодрствуютъ ночью. На рамаданъ падаютъ воспоминанія о посланіи корана (4-го), о ниспосланіи съ неба торы (7). Особенно священною считается ночь на 27 рамадана—лейлетъ—аль—кадръ—ночь всемогущаго или ночь установленія. Тогда вспоминается первое откровеніе Магомету (*ыкра*—изложенное въ 96 сурѣ). Въ той формѣ, которую рамаданъ принялъ практически, онъ едва ли можетъ особенно содѣйствовать очищенію и возвышенію духа: рамаданъ—не время постояннаго воздержанія, а время—лишеній днемъ и излишествъ ночью. И тѣ и другіе могутъ угнетать духъ и разстраивать тѣло. Вотъ почему окончаніе поста является великимъ праздникомъ у мусульманъ. Оно носитъ имя малаго байрама (у турокъ, у арабовъ — малаго праздника) и имъ начинается слѣдующій за рамаданомъ мѣсяцъ Шевалъ. Его празднуютъ весело и шумно. Наступаетъ день разговѣнья—ідъ — аль—фытръ, но въ нѣкоторыхъ странахъ празднованіе не ограничиваютъ днемъ, а продолжаютъ цѣлые три дня. Черезъ два мѣсяца послѣ малаго байрама бы-

ваетъ большой байрамъ, но малый обыкновенно празднуется оживленнѣе и веселѣе, чѣмъ большой и можетъ быть поэтому произошла путаница въ энциклопедич. словарѣ Брокгауза и Эфрона, гдѣ малый байрамъ названъ большимъ, а большой малымъ (см. энциклоп. словарь, 4-й полутомъ, стр. 722). Кромѣ поста обязательнаго для всѣхъ постъ у мусульманъ имѣетъ значеніе довольно частой эпитиміи. Если мусульманинъ отправитъ въ Мекку какую - нибудь жертву или самъ отправится туда и раньше, чѣмъ жертва достигнетъ мѣста назначенія или онъ совершитъ путешествіе, онъ обрѣетъ себѣ голову—что запрещается кораномъ, сур. 2, 192-то онъ долженъ будетъ подвергнуть себя посту. Если какой пилигримъ въ Мекку убьетъ какое-либо животное, если кто совершитъ невольное убійство, дастъ ложную клятву, нарушитъ обѣтъ, выразитъ желаніе развестись съ женою и потомъ не разведется, при допущеніи всѣхъ подобныхъ грѣховъ обязанъ выполнить постъ. За тѣмъ мусульманамъ рекомендуется налагать на себя и выполнять посты въ формѣ обѣта. Гораздо важнѣе этихъ временныхъ постовъ въ нравственномъ отношеніи являются предписанія постояннаго воздержанія отъ вина и азартныхъ игръ. Запрещеніе пить опьяняющіе напитки и играть въ азартныя игры простирается не на часы, какъ постъ рамадана, но на всю жизнь мусульманина отъ колыбели до могилы. Собственно выраженія корана не содержатъ въ себѣ строгаго запрещенія. „Они спросятъ тебя о винѣ и игрѣ. Скажи имъ: въ томъ и другомъ есть зло и выгоды для людей; но зло превосходитъ выгоды, которыя они доставляютъ. Они спросятъ тебя также, на что нужно расточать щедроты. Отвѣчай имъ: давайте вашъ излишекъ“ (2 сур. 216—217). Для любителей вина и азартныхъ игръ эти стихи представляютъ возможность широкаго и свободнаго толкованія, но мусульманская практика издавна истолковала ихъ въ томъ смыслѣ, который явно отвѣчаетъ ихъ духу. Такъ какъ зло превосходитъ выгоды доставляемыя виномъ и играми, то безусловно не должно употреблять вина и допускать игръ. Магомету было сказано въ ночи видѣній, когда предъ нимъ между прочимъ былъ кубокъ съ виномъ, что если онъ выпьетъ этотъ кубокъ, то заблудится со всею своею общиной. Мусульмане не должны пить никакого опьяняющаго напитка. Преступающій это повелѣніе долженъ

быть по мусульманскому закону наказываемъ плетьми. Запрещеніе игръ впослѣдствіи было смягчено. Теперь мусульмане, наприм., татары въ Россіи часто очень легкомысленно относятся и къ запрещенію употреблять вино. Но всетаки сила, съ которою дѣйствуетъ это запрещеніе среди мусульманъ и доселѣ, представляется замѣчательной. Можетъ быть эта трезвость доселѣ спасала ихъ отъ гибели и порабощенія.

Уже въ правилахъ говорящихъ о постѣ неоднократно говорится о милостынѣ. Милостыня представляется искупающею въ нѣкоторыхъ случаяхъ нарушеніе поста. Но помимо этого милостыня устанавливается какъ прямая обязанность мусульманина. Милостыня должна служить для двухъ цѣлей: 1) для помощи нуждающимся—бѣднымъ, путешествующимъ, на выкупъ рабовъ, 2) для дѣла Божіяго—для воюющихъ съ невѣрными, такъ милостыня назначалась совсѣмъ не для милостиваго дѣла побіенія враговъ. Сначала милостыня была болѣе или менѣе произвольною, но очень рано она была урегулирована. Былъ установленъ *зекятъ* (значитъ: очищеніе, очистительная милостыня): съ имущества, которымъ мусульмане владѣли въ теченіе года, взималась одна сороковая часть или 2,5% какъ бы въ пользу бѣдныхъ, но въ сущности это былъ налогъ въ государственную казну. Но тамъ, гдѣ правительство не магометанское, понятно, такой налогъ не можетъ быть взимаемъ. Поэтому рядомъ съ *зекятъ* существуетъ *садакатъ*—добровольная милостыня бѣднымъ. Обычай опредѣляетъ приблизительно ея характеръ, размѣры и даже время, когда она подается. Какъ у насъ особенно помогаютъ бѣднымъ передъ праздникомъ, такъ и у мусульманъ принято дѣлами милостыни особенно заниматься въ конецъ рамадана. Бѣднымъ въ мусульманскихъ странахъ, какъ и у насъ въ подобныхъ случаяхъ, помогаютъ натурою, даютъ жизненные припасы—зерна, муку, финики, рисъ. Конечно, только эта милостыня является утверждающеюся на религіозно-нравственной основѣ и устанавливающей добрыя чувства и отношенія между благотворителемъ и благотворимымъ. Что касается до зекята, то его взимали насильно и притомъ, какъ это всегда бываетъ въ странахъ съ неурегулированнымъ государственнымъ механизмомъ, часто взимали недобросовѣстно; взятки, прижимки, неправильная

оцѣнка имущества—все имѣло мѣсто при полученіи зекята. Вслѣдствіе этого зекятъ изъ религіозно-нравственной обязанности превращается въ государственную повинность.

Еще за столѣтія до Магомета у арабовъ было развито паломничество къ священнымъ мѣстамъ. Магометъ канонизовалъ этотъ обычай, признавъ обязанностью каждаго хотя бы разъ въ жизни совершить паломничество въ Мекку. Это паломничество называется *хаджъ*. Тотъ, кто совершилъ его, получаетъ званіе *хаджи* (Хаджи-Абрекъ, Хаджи-Муратъ). Характеръ и обряды паломничества мало измѣнены Магометомъ. Праздничное торжество, къ которому собирались пилигримы къ каабѣ, падало на десятый день двѣнадцатаго мѣсяца, почему этотъ мѣсяцъ и назывался Зюль-хаджъ—мѣсяцъ паломничества. Такъ какъ годъ у арабовъ былъ лунный, то понятно, что каабскій праздникъ по солнечному счисленію ежегодно справлялся на 11 дней раньше, чѣмъ въ предыдущій годъ (12 лунныхъ мѣсяцевъ немного болѣе 354 дней) и въ теченіе 33 лѣтъ онъ проходилъ всѣ времена года и затѣмъ опять проходилъ по этому кругу. Зюль-хаджъ считался священнымъ мѣсяцемъ, и во время него должны были прекращаться войны и распри между различными племенами. Зюль-хаджъ былъ для древнихъ арабовъ тѣмъ, чѣмъ былъ миръ Божій для средневѣковыхъ европейцевъ. Этотъ миръ долженъ былъ устанавливаться еще въ предшествовавшій мѣсяцъ—мѣсяцъ открытія. Лишь только пилигримъ, начавшій хаджъ, вступалъ на священную землю, ему давали ирамъ—священную одежду. Эта одежда состояла изъ двухъ кусковъ: одинъ обертывался вокругъ чреслъ, а другой набрасывался на шею и плечи такъ, что оставалось свободною часть правой руки. И въ настоящее время мусульманскіе пилигримы въ Мекку обязаны смѣнять свое платье на этотъ ирамъ. Передъ этимъ пилигримъ долженъ былъ совершить омовеніе, подстричь волосы, послѣ облаченія въ ирамъ онъ уже не могъ дѣлать этого, не могъ также покрывать головы, надѣвать обувь и обязанъ строго блюсти цѣломудріе. Прибывши, пилигримъ совершалъ поклоненіе каабѣ, благоговѣйно цѣловалъ ее и затѣмъ совершенно обнаженный семь разъ обходилъ вокругъ каабы. За поклоненіемъ каабѣ слѣдовало посѣщеніе другихъ священныхъ мѣстъ (омра) и поклоненіе другимъ священнымъ пред-

метамъ. Поклонялись священной рощѣ и двумъ священнымъ горамъ Софа и Марвахъ, гдѣ находится священный источникъ Замзамъ. Существуетъ легендарное сказаніе, что здѣсь блуждала Агарь съ Измаиломъ, и Замзамъ былъ ей указанъ ангеломъ. Священною обязанностью считалось поклоненіе горѣ Арафатъ, которая въ древности разсматривалась повидимому, какъ особенное проявленіе божества. Коранъ представляетъ, что здѣсь соединились Адамъ и Ева послѣ долгаго раздѣленія. У Арафата богомольцы слушаютъ *хотбу*— поученіе длящееся 3 часа до солнечнаго заката. Затѣмъ бѣгутъ къ мечети Мяздаляжъ, отстоящей на 3 мили отъ Арафата и тамъ слушаютъ 4-ый и 5-ый намазы и послѣ этого взаимно поздравляютъ другъ друга съ полученіемъ званія хаджи. Послѣ Арафата посѣщаютъ минскую долину, въ древности здѣсь стояло семь священныхъ камней — образы планетныхъ божествъ. Каждый пилигримъ бросалъ къ подножію каждаго изъ камней три камешка и это повторялось три раза въ два дня. Магометъ оставилъ только три изъ семи камней и установилъ взглядъ, что они указываютъ три мѣста, на которыхъ діаволъ являлся Адаму. Но только теперь каждый пилигримъ къ подножію этихъ трехъ камней бросаетъ не три, а семь камней такъ, что сумма камешковъ бросаемыхъ арабомъ мусульманиномъ осталась та-же, какую бросалъ и арабъ язычникъ ($3\times7=21$). Послѣ обряда бросанія камешковъ въ минской долинѣ приносили торжественныя жертвы въ воспоминаніе того, что здѣсь Авраамъ хотѣлъ принесть въ жертву сына своего Измаила. Жертва, какъ и бросаніе камешковъ, теперь разсматривается, какъ воспоминаніе того, что здѣсь Авраамъ побилъ камнями дьявола. Въ пальмовой рощѣ окружавшей каабу пролитіе крови и значитъ, принесеніе жертвъ—было запрещено съ глубокой древности. Окончивши жертвоприношенія, пилигримъ возвращался къ каабѣ, совершалъ опять семикратное обхожденіе святилища, слагалъ ирамъ и надѣвалъ свое обыкновенное платье. Въ этомъ обыкновенномъ видѣ онъ долженъ посѣтить въ Мединѣ гробницу Магомета и затѣмъ уже можетъ отправляться къ мѣсту своего постояннаго жительства. Паломничество въ Мекку долженъ совершить каждый мусульманинъ по достиженіи совершеннолѣтія. За откладываніе мусульманинъ долженъ приносить жертву, но она имѣетъ характеръ лишь

штрафа за неисполненіе обязанности, а не освобождаетъ отъ этой обязанности. Позднѣйшіе мусульманскіе правовѣды ослабили ригористическое первоначальное требованіе хаджа. Отдаленность мѣста жительства, бѣдность, болѣзненность, опасности путешествія считаются достаточными причинами для того, чтобы не совершать хаджа. Явилось у нѣкоторыхъ мусульманъ по отношенію къ хаджу и нѣчто въ родѣ теоріи индульгенцій: вмѣсто того, чтобы ходить въ Мекку самому, можно послать туда за себя другого. Теперь очень много умираетъ мусульманъ, не повидавши Мекки. И на магометанскихъ кладбищахъ въ Россіи рѣдко можно встрѣтить памятники, зеленая краска на которыхъ говоритъ, что покоющіеся подъ ними совершали паломничество въ Мекку. Но какъ бы то ни было, хаджъ все-таки считается обязательнымъ. А благочестивая ревность кромѣ хаджа создала для паломничества еще много священныхъ мѣстъ. Совершаются паломничества въ Іерусалимъ (у арабовъ: худсу). Побывавшій въ Іерусалимѣ паломникъ называется макдуси или мукаддисъ. Паломничаютъ въ Кербелу, отсюда—кербелаи, паломничаютъ въ Мешедъ, отсюда—мешеди. Священными для магометанъ вообще являются мѣста погребенія святыхъ. Замѣчательно, что кромѣ своихъ святыхъ мусульманскія массы, оказывается, во многихъ мѣстахъ почитали и почитаютъ святыхъ іудейскихъ и святыхъ христіанскихъ и даже мѣста и принадлежности культа послѣднихъ. Въ Палестинѣ магометанами почитались многіе іудейскіе гробы. Такъ, по свидѣтельству XIII вѣка мусульмане посвящали масло и обѣтныя жертвы гробу Іонафана, сына Уззіела, въ Амукѣ, точно также гробу Еліезера, сына Гиркана, не далеко отъ Гискалы. Въ каждую пятницу въ знакъ почитанія мусульмане вмѣстѣ съ іудеями украшали его гробницу цвѣтами. Порою магометане проявляли болѣе ревности въ почитаніи іудейскихъ гробовъ, чѣмъ іудеи, и даже порицали послѣднихъ за равнодушіе къ своимъ святымъ. Саломонъ Мейнстерль въ самомъ началѣ XVII вѣка свидѣтельствовалъ, что между прочимъ магометане воздаютъ почитаніе гробамъ святыхъ таннаитовъ (еврейскихъ ученыхъ) и святыхъ синагоги, они зажигаютъ священныя лампы предъ ихъ гробами и доставляютъ масло для синагогъ. Завоеватель Тимуръ пожертвовалъ большія суммы денегъ для построенія

часовенъ надъ гробами пророка Іоны и христіанскаго святого Сергія и онъ совершилъ къ ихъ гробамъ благочестивое паломничество. Не смотря на то, что у магометанъ запрещены священныя изображенія, они, говорятъ, приносили цвѣты и свѣчи къ образу Антонія падуанскаго на островѣ Сціо. Они дѣлали это, когда ихъ постигала какая-либо печаль, въ надеждѣ на чудотворную помощь святого, которому приписывались многочисленныя чудеса. Фальмерейеръ, говоря о чудесномъ образѣ дѣвы Маріи въ сумельскомъ монастырѣ, разсказываетъ, что онъ собственными глазами видѣлъ трехъ турецкихъ женщинъ, пришедшихъ съ своими родственниками въ монастырь. Они распростерлись передъ образомъ и слушали Богослуженіе, ихъ вывели только во время совершенія евхаристіи, но евангеліе читали прямо надъ ними. Естественно, что гробы еврейскихъ патріарховъ должны были стать предметомъ магометанскаго культа, почитаютъ гробъ Авеля около Дамаска, гробъ Сима—около Каира. Но почитаніе собственно еврейскихъ и христіанскихъ святыхъ и притомъ даже изображеній послѣднихъ, понятно, есть уже извращеніе ислама, проникновеніе въ него чуждыхъ элементовъ. Это однако удѣлъ всѣхъ религій. Въ каждую изъ нихъ профильтровываются вѣрованія съ ней не согласныя и даже ей противорѣчащія, проникающія обыкновенно въ массу плохо знающую и понимающую свое исповѣданіе, склонную къ суевѣріямъ, къ вѣрѣ въ чудеса и въ магическую силу культовыхъ дѣйствій. Наклонность простецовъ искать святынь и святыхъ и спѣшить почитать ихъ породила въ самомъ мусульманскомъ мірѣ анекдотическія сказанія о томъ, къ какимъ комичнымъ злоупотребленіямъ прибѣгала корысть, эксплоатируя эту наклонность. Такъ Джонъ Броунъ передаетъ слѣдующую исторію. Одинъ дервишъ—нѣчто въ родѣ мусульманскаго монаха, о дервишахъ мы будемъ говорить далѣе,—жилъ около могилы святаго дервиша, т. е. онъ самъ распространилъ слухъ, что въ могилѣ погребенъ святой, онъ воздвигъ памятникъ надъ могилою, по ночамъ зажигалъ въ немъ лампаду, ее зажигалъ въ день рожденія умершаго и по пятницамъ. Благочестивые люди изъ окрестныхъ мѣстъ стекались и возлагали свои приношенія на памятникъ. У него былъ прислужникъ Алій. Согласно правиламъ, послуживъ извѣстное время дервишу,

прислужникъ долженъ совершить паломничество къ разнымъ священнымъ мѣстамъ, чтобы чрезъ это самому изъ слуги возвыситься до званія господина. Дервишъ отпустилъ Алія, давши ему только осла никуда негоднаго по причинѣ его старости. Въ одинъ жаркій день оселъ издохъ въ дорогѣ. Алій оказался въ ужасномъ положеніи. Онъ былъ среди безлюдной песчаной равнины. Но вотъ—онъ замѣтилъ на горизонтѣ облако пыли. Очевидно, ѣхали люди. Алій оттащилъ своего покойнаго товарища отъ дороги, выкопалъ въ пескѣ неглубокую яму, зарылъ его туда и сѣлъ около свѣжей могилы съ своею скорбію. Скоро показалась кавалькада людей. Когда они проѣзжали мимо того мѣста, гдѣ сидѣлъ Алій, послѣдній изъ чувства почтенія поднялся и привѣтствовалъ ихъ. Тѣ отвѣтили на привѣтствіе и начальникъ кавалькады, оказавшійся потомъ мѣстнымъ беемъ (бей, бегъ, бекъ значитъ господинъ, князь, глава кочевого племени, теперь это наименованіе присвоивается опредѣленнымъ должностямъ и лицамъ) послалъ спросить, кто это оказался здѣсь одинокимъ въ такомъ пустынномъ мѣстѣ. Оказалось, что это дервишъ, который объяснилъ, что онъ только что похоронилъ своего товарища. Бей спросилъ: долго ли дервишъ жилъ съ своимъ товарищемъ? Съ самой ранней юности, отвѣтилъ Алій (онъ былъ его ровесникомъ). Не вдаваясь въ дальнѣйшіе разспросы, бей задумался надъ странною судьбою, которая завела одного святаго въ это пустынное мѣсто, чтобы умереть, а другого, чтобы его похоронить. Около не было ни святынь, ни святыхъ и бей въ свѣжей могилѣ и охраняющемъ его дервишѣ увидѣлъ то, въ чемъ такъ нуждалось благочестіе его и его племени. Онъ предложилъ Алію охранять останки умершаго брата, сказалъ, что немедленно надъ могилою воздвигнутъ памятникъ и жилище для Алія и ему будутъ доставлять все нужное. Вскорѣ были ему присланы люди для постройки и припасы для него лично. Алій понялъ, что возникло недоразумѣніе, что осла сочли за святаго дервиша, но отступать было уже поздно и онъ сталъ бдѣть надъ могилою усопшаго, къ которой притекали съ молитвами и дарами. Прошло много лѣтъ. Объ Аліи распространилась далекая и громкая слава, какъ о святомъ бдящемъ надъ могилою святого. Къ нему стекались пилигримы изъ отдаленныхъ селеній. Слава его

дошла до ушей его прежняго дервиша господина. Тотъ недоумѣвалъ, какой это святой появился, а—главное—какой святой похороненъ на новоявившемся священномъ мѣстѣ. Онъ рѣшился съѣздить туда. Сначала онъ не узналъ Алія, о которомъ естественно полагалъ, что тотъ долженъ былъ погибнуть гдѣ-нибудь въ пустынѣ вмѣстѣ съ никуда негоднымъ осломъ. Но потомъ онъ его узналъ, и когда они остались наединѣ, между ними скоро установилось дружественное сближеніе. Въ концѣ концовъ старый дервишъ спросилъ Алія, какой святой погребенъ у него? Сначала Алій отказывался дать объясненія, но потомъ, когда старикъ далъ торжественное обѣщаніе хранить тайну, Алій разсказалъ, какъ останки осла были канонизованы народною любовію. Послѣ этого Алій спросилъ у своего учителя, кто похороненъ у него, къ кому онъ, Алій, въ свое время обращался съ частыми молитвами. Старый дервишъ обнаружилъ было нежеланіе вести разговоръ на эту тему, но когда Алій сталъ настойчиво просить объ этомъ и далъ торжественную клятву сохранять тайну, старикъ сознался, что святой, останки котораго онъ хранитъ, былъ роднымъ отцомъ того святого, у останковъ котораго Алій нашелъ свое благополучіе. Должно полагать, что вся эта исторія есть чистый вымыселъ, да въ деталяхъ ея слышится неправдоподобіе, но возникновеніе такой анекдотической исторіи несомнѣнно обязано тому факту, что въ мусульманскихъ массахъ существовала сильная наклонность къ почитанію святынь и охота совершать паломничества къ этимъ святынямъ. Почитаніе святыхъ есть общечеловѣческая религіозная потребность и пріурочиваніе представленій о святости къ опредѣленнымъ мѣстамъ и предметамъ есть требованіе чувственной природы человѣка. Удовлетворять эту потребность по своему и пытаются мусульмане. Но главный объектъ для ея удовлетворенія — Мекка и Кааба—былъ данъ имъ ихъ домагометовскими предками. Тамъ, гдѣ подвизался ганифъ Авраамъ, гдѣ страдала Агарь, гдѣ жилъ Измаилъ, гдѣ встрѣтились послѣ грѣхопаденія Адамъ съ Евою, гдѣ вообще совершились величайшія событія изъ исторіи патріарховъ и даже изъ міровой исторіи, туда наиболѣе направляется благочестивая мысль мусульманъ и это религіозное стремленіе она воплотила въ религіозную

Правое содержаніе вѣры, молитва, постъ, милостыня, хаджъ, таковы пять столповъ ислама. Они были установлены изначала и содержатся доселѣ. Но исламъ налагаетъ еще и иныя обязанности и запрещенія, которыя однако не соблюдаются такъ строго и неизмѣнно. Такова обязанность священной войны (джихадъ). Коранъ, какъ мы видѣли, высказался относительно нея двойственно и если его толковать гуманно, то выходитъ, если невѣрные не трогаютъ мусульманъ, то и мусульмане не должны трогать невѣрныхъ. Но практика скоро установила иной порядокъ вещей. Идолопоклонниковъ должно преслѣдовать войной вообще, евреевъ и христіанъ въ томъ случаѣ, если они послѣ троекратнаго предложенія принять исламъ, будутъ упорствовать въ сохраненіи своей вѣры. Разумѣется, здравый смыслъ подсказалъ мусульманамъ еще правило: не воевать въ томъ случаѣ, когда побѣда сомнительна или даже невозможна. Затѣмъ, историческій опытъ долженъ былъ научить ихъ, что нельзя и даже невыгодно всѣ немусульманскія страны превращать въ пустыню. Во всякомъ случаѣ съ теченіемъ времени требованіе священной войны противъ невѣрныхъ утратило свой острый характеръ. И теперь, когда мусульмане воюютъ съ иновѣрцами, они трактуютъ войну, какъ священную, но самый фактъ существованія иновѣрцевъ теперь уже не трактуется, какъ обязательный поводъ къ войнѣ.

Нѣкоторые религіозные обычаи и обряды мусульмане унаслѣдовали отъ до-магометовскихъ временъ. Къ числу таковыхъ должно быть отнесено обрѣзаніе. Оно не предписывается кораномъ и представляетъ собою только суннатъ (обычай, преданіе). Въ различныхъ мусульманскихъ странахъ обрѣзаніе совершаютъ надъ мальчиками въ различномъ возрастѣ.—Персы обрѣзываютъ 3—4 лѣтнихъ, турки—8-13 лѣтнихъ, мусульмане Малайскаго архипелага—10-18 лѣтнихъ, арабы живущіе въ городахъ — 5 - 6 лѣтнихъ, деревенскіе арабы — 12 - 14 лѣтнихъ. Домагометанскимъ обычаемъ является также принесеніе въ жертву животныхъ. Приносятъ овцу или ягненка (сур. 5, 98). Въ мечетяхъ это совершаютъ духовные представители религіи, въ частныхъ домахъ—главы семействъ. Принесеніе совершается разъ въ годъ въ праздники великаго байрама (курбанъ байрамъ—праздникъ жертвы). Праздникъ этотъ совершается тогда, когда участ-

ники хаджа находятся въ Меккѣ и такимъ образомъ этотъ праздникъ какъ бы представляетъ нѣкоторую возможность духовной радости и духовнаго общенія съ паломниками тѣмъ, которые не принимаютъ участія въ хаджѣ. Но замѣтно стремленіе мусульманъ въ Мекку и ихъ способность къ чисто духовнымъ восторгамъ ослабѣла. Великій байрамъ празднуется вяло и совсѣмъ не такъ, какъ байрамъ малый, которымъ оканчивается постъ рамадана. Турки христіанскую пасху зовутъ байрамомъ, по всей вѣроятности они сближаютъ ее съ байрамомъ малымъ, а не великимъ. Въ связи съ хаджемъ и праздниками хаджа стоитъ древне арабское запрещеніе войны въ четыре священные мѣсяца. Но это запрещеніе утратило свой смыслъ и значеніе. Его можно было исполнять воюющимъ между собою древне арабскимъ племенамъ, потому что они всѣ признавали его обязательность, но оно не можетъ быть соблюдаемо при войнѣ мусульманъ съ иновѣрцами, такъ какъ послѣдніе ему не подчиняются.

Утверждая вѣру въ единаго Аллаха, Магометъ боролся съ идолопоклонствомъ, съ идолами, развивая ученіе о духовности Аллаха, онъ былъ противъ всякой попытки изображать его въ искусствѣ тѣмъ или инымъ способомъ. Отсюда исламъ является враждебнымъ живописи и скульптурѣ. Но Магометъ пошелъ далѣе и запретилъ вообще изображеніе живыхъ существъ. Въ общемъ это его запрещеніе имѣло такой же успѣхъ, какъ и запрещеніе не пить вина. Только въ Персіи оно не соблюдалось строго. Теперь оно болѣе и болѣе теряетъ силу. Въ мусульманскія страны проникла фотографія. Теперешній мороккскій султанъ Абдулъ Азисъ самъ занимается рисованіемъ, хотя по свидѣтельству руководившаго его французскаго живописца, онъ приступилъ къ этому занятію, повидимому, съ тѣми чувствами, съ какими вѣрующій еврей принимается ѣсть свинину. Однако то обстоятельство, что у мусульманъ не развились живопись и скульптура, не помѣшало развиться у нихъ строительному искусству на религіозной почвѣ. Мусульманамъ нужны были храмы для общественныхъ молитвъ. Естественно стремленіе устраивать эти домы Божіи, какъ можно лучше, отсюда архитектурныя заботы и усовершеніе архитектуры. Мусульманскіе храмы у насъ обыкновенно называются мечетями, отъ

арабскаго *мицдцидъ*—домъ молитвы, но это имя у мусульманъ собственно усвояется небольшимъ деревяннымъ храмамъ съ однимъ минаретомъ (башнею), храмы большіе въ Турціи называются *джами* или *куллійетъ*. Устройство мусульманскихъ храмовъ въ общемъ таково. Внутренность мечети представляетъ большую залу, въ той сторонѣ ея, которая обращена къ Меккѣ, дѣлается ниша или фальшивая дверь. Этою нишею указывается кебла, куда молящійся долженъ обращаться лицомъ. Называется эта ниша михрабъ. Обыкновенно въ ней хранится одинъ или нѣсколько корановъ. Въ юговосточной части мечети устраивается каѳедра (мимберъ), съ которой духовный предстоятель читаетъ коранъ произноситъ проповѣди и общественныя молитвы. Стѣны внутри мечети окрашиваются въ бѣлый цвѣтъ. Какъ украшенія на нихъ допускаются арабески и изреченія изъ корана. При каждой мечети имѣется минаретъ (минаретъ значитъ маякъ, свѣтовая башня) или даже нѣсколько минаретовъ. Это—башня съ балкономъ и съ луннымъ серпомъ на шпицѣ. Съ балкона муэдзинъ — нѣчто соотвѣтствующее нашему звонарю, но пускающій въ дѣло не колокола, а свой собственный голосъ—пять разъ въ день призываетъ мусульманъ къ молитвѣ. Въ праздники минареты освѣщаются лампами, отчего они особенно пріобрѣтаютъ сходство съ маяками, отъ которыхъ получили свое названіе. Мечеть должна помѣщаться среди просторнаго двора (харамъ), который окруженъ крытыми галлереями, гдѣ богомольцы могутъ спасаться отъ жара и отдыхать. На дворѣ находится фонтанъ или водоемъ для омовеній. Обыкновенно при большихъ мечетяхъ устраиваются медрессе—школы, столовыя для бѣдныхъ и больницы. Первоначально мечети строились безъ всякой претензіи на художественность и красоту, имѣлись въ виду лишь практическія цѣли и важнѣйшая мусульманская мечеть каабы, перестроенная при Магометѣ коптскомъ является зданіемъ совершенно примитивнымъ, лишеннымъ всякаго стиля. Но при своихъ завоеваніяхъ мусульмане обращали въ мечети христіанскія церкви—иногда прекрасной архитектуры. А разъ явились мечети съ такою архитектурою, явилось стремленіе создавать таковыя новыя. Въ разныхъ странахъ мусульманская архитектура приняла различный характеръ. Наивысшаго процвѣтанія она достигла въ Испа-

ніи и здѣсь наилучшимъ религіознымъ памятникомъ ея является большая мечеть въ Кордовѣ, теперь превращенная въ католическій соборъ.

Магометъ создалъ теократическую общину. Объединяющимъ центромъ такой общины долженъ быть храмъ. При Магометѣ это была мединская мечеть близъ дома Аиши, послѣ него, съ распространеніемъ ислама, такими связующими центрами стали многія мечети. Со дней Магомета и до нынѣ въ мусульманскихъ общинахъ не произошло обособленія религіозныхъ и государственныхъ правъ и обязанностей. Незыблемымъ основаніемъ для всѣхъ видовъ права у мусульманъ служитъ коранъ. Магометъ называется шаріемъ — законодателемъ (шаріатъ—законъ, корень этого слова значитъ приготовлять путь, начинать). Духъ корана восполняется буквою *сунны*. Сунна—собственно значитъ обычай (usus). Каждое древнеарабское племя имѣло свою сунну, которая и служила для нихъ обычнымъ правомъ. Принявъ исламъ, арабы, понятно, не могли сохранять свои сунны въ неизмѣнномъ видѣ, такъ какъ Магометъ запретилъ многое ранѣе дозволенное и установилъ многое новое. Должна была возникнуть новая общемусульманская сунна—совокупность преданій о сужденіяхъ, постановленіяхъ и рѣшеніяхъ Магомета по всевозможнымъ частнымъ случаямъ жизни. Съ точки зрѣнія, которую устанавливаетъ самъ Магометъ, только коранъ есть божественное откровеніе, онъ — Магометъ человѣкъ способный ошибаться и его рѣшенія и сужденія не имѣютъ непогрѣшимаго значенія. Но эта точка зрѣнія Магомета скоро стала игнорироваться, и сунна, въ которую прокралось многое совсѣмъ не принадлежащее Магомету, пріобрѣла высокоавторитетное значеніе. Сунна синонимична съ хадисъ—преданіемъ о дѣлахъ и словахъ Магомета. Когда предстоитъ рѣшеніе какого-либо случая, справляются, какъ въ подобныхъ случаяхъ поступалъ Магометъ. Требуется разсказъ—хадисъ—о рѣшеніи Магомета. Эти разсказы—хадисы—сообщали сначала сахабы—лица, жившія и дѣйствовавшія вмѣстѣ съ Магометомъ. Потомъ, когда они перемерли, разсказчики хадисовъ должны были указывать, отъ кого они ихъ слышали и возводить цѣпь преданія до лица непосредственно обращавшагося съ Магометомъ. Такая цѣпь преданія называется *иснадомъ*. Безъ сомнѣнія иснадъ долженъ

былъ препятствовать возникновенію ложныхъ преданій, но вполнѣ устранить ихъ онъ, конечно, не могъ и много ихъ прокралось въ сунну. Но затѣмъ и сунна не могла охватить всѣхъ случаевъ жизни. Въ дѣлѣ рѣшенія недоумѣній долженъ помогать еще фикъ (фыкъ—знаніе, пониманіе), который къ корану и суннѣ присоединяетъ мнѣнія авторитетныхъ законовѣдовъ и принципъ аналогіи. Существуютъ различныя редакціи сунны, такъ какъ различные мусульманскіе ученые далеко несогласны между собою въ вопросѣ о подлинности тѣхъ или иныхъ хадисовъ. Во многихъ мусульманскихъ общинахъ — напримѣръ, у нашихъ кавказскихъ горцевъ—кромѣ шаріата—писаннаго закона имѣетъ важное и порою даже преобладающее значеніе—адатъ, обычное право. Всякій законъ можно толковать различнымъ образомъ. У мусульманъ считаются четыре важнѣйшія правовѣрныя юридическія школы: ханефитическая (сравнительно гуманная и либеральная), малекитическая (суровая и консервативная), шефіитическая (золотая середина), ханбалитическая (по отзыву нѣкоторыхъ европейскихъ ученыхъ характеризуется особенною жестокостію и нелѣпостью заключеній). Въ разныхъ странахъ руководятся ученіемъ различныхъ школъ, у русскихъ татаръ, въ Индіи и Турціи дѣйствуютъ принципы ханефитическіе.

Мусульманскія сочиненія по праву дѣлятъ на три рода: 1) озуль—сочиненія о принципахъ закона, 2) саннанъ—преданія, 3) фетва—сборники судебныхъ рѣшеній. Наибольшею своеобразностію характеризуется у мусульманъ семейное и земельное право. Семейное право похоже на ветхозавѣтное еврейское. Жена почти безправна въ сравненіи съ мужемъ. Мужъ всегда имѣетъ право развестись съ женою, только обязанъ въ такомъ случаѣ уплатить ей вѣно. Для выясненія положенія женщины въ исламѣ характеренъ тотъ аргументъ, во имя котораго величайшій мусульманскій авторитетъ по семейному праву Хидая считаетъ обязаннымъ мужа содержать жену. Эту обязанность Хидая утверждаетъ на аналогіи: мужъ обязанъ содержать жену, какъ государство обязано содержать находящихся въ тюрьмѣ арестантовъ. Земля съ мусульманской точки зрѣнія есть собственность Бога. Имамъ, глава общины, тѣнь Бога на землѣ можетъ передавать ее во временное пользованіе частнымъ лицамъ.

Эти лица уплачиваютъ разные налоги: зекятъ, о которомъ мы уже говорили, ушръ (десятину), хараджъ (поземельную подать) и джезіе (поголовную подать съ не-мусульманъ). Мекка и ея область считается священною землею, жители ея уплачиваютъ лишь ушръ. На земли, завоеванныя у невѣрныхъ, налагается хараджъ, который не снимается, если владѣльцами этихъ земель становятся и мусульмане. Такія земли принадлежатъ къ вакуфамъ (по арбски вакфъ—установленіе надзора), онѣ не могутъ быть предметомъ частной собственности и только могутъ быть переданы ихъ временными владѣльцами навсегда какимъ-либо мусульманскимъ богоугоднымъ или благотворительнымъ учрежденіямъ. Затѣмъ, землями пользуются у мусульманъ на самыхъ различныхъ началахъ—общинномъ, личномъ, временномъ, наслѣдственномъ и т. д.

Право и богословіе въ исламѣ связаны неразрывно. Мусульманскіе толкователи, блюстители закона и каратели его нарушенія суть богословы и духовные. Высшимъ лицомъ въ исламѣ является имамъ (значитъ: предстоятель). Онъ предстоятель общины, ея духовный вождь. Имамами называются Авраамъ. Магометъ, четыре основателя четырехъ правовѣрныхъ юридическихъ школъ, имамами называли халифовъ. Но рядомъ съ такимъ высокимъ значеніемъ наименованіе имама усвояется у мусульманъ и лицамъ соотвѣтствующимъ нашимъ обыкновеннымъ священникамъ — именно завѣдующимъ мечетью, совершающимъ общественное богослуженіе, благословляющимъ браки и выполняющимъ религіозную часть погребенія. Они носятъ бѣлый тюрбанъ и имѣютъ бѣлые рукава. Гораздо ниже имама въ смыслѣ вождя всей общины и гораздо выше имама въ смыслѣ будничнаго священнослужителя стоитъ кади (арабское: кадый—судья), онъ совмѣщаетъ въ себѣ функціи судьи, нотаріуса, опекуна и порою имама. Онъ имѣетъ помощниковъ и при немъ иногда создается нѣчто подобное нашему институту присяжныхъ засѣдателей. Рядомъ съ кади стоитъ муфтій, изрекающій фетву. Изъ среды муфтіевъ выбирается великій муфтій—шейхъ-уль-исламъ (старѣйшина ислама, шейхъ-старецъ, старѣйшина, глава), его значеніе очень высоко. Кади и муфтіи выходятъ изъ улемовъ (ученыхъ). Они получаютъ образованіе въ медрессе, гдѣ въ качествѣ софтовъ-студентовъ изу-

чаютъ грамматику, риторику, логику, право, мораль, философію, богословіе. Они получаютъ отъ шейхъ-уль-ислама дипломы съ званіемъ кандидатовъ (мулазимъ) и могутъ потомъ занимать должность кади. Для полученія высшихъ должностей должны еще въ теченіе семи лѣтъ заниматься законовѣдѣніемъ и богословіемъ. Тогда они получаютъ ученое званіе мездерриса. Таковъ порядокъ образованія въ Турціи, въ другихъ странахъ иной, а въ нѣкоторыхъ совсѣмъ и нѣтъ школьнаго образованія; но кади и муфтіи существуютъ. Далѣе въ государственной и церковной іерархіи мусульманскихъ странъ слѣдуетъ мулла (арабское: мевла—господинъ). Мулла тоже, что будничный имамъ, но какъ изъ муфтіевъ выдѣляется верховный муфтій, такъ могутъ быть мулла—ахундъ (въ Персіи), мулла-эффенди (въ Турціи), имѣющіе уже большія права и полномочія. Вообще говоря, названія въ исламѣ не всегда точно опредѣляютъ іерархическое положеніе лица, мулла можетъ оказаться и выше кадыя и муфтія и муллою порою зовутъ муэдзина, лицо совершенно соотвѣтствующее по своимъ правамъ и обязанностямъ нашимъ звонарямъ. Рядъ этихъ служителей мечети и государства завершаютъ каимы—сторожа и прислужники при мечетяхъ.

Устройство мусульманскихъ общинъ не вездѣ имѣетъ тождественный характеръ, но въ общемъ оно сходно, такъ такъ утверждается вездѣ на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ, и не-мусульманскимъ государствамъ, въ которыхъ живутъ мусульмане, приходится управлять ими не на основаніи общихъ государственныхъ законовъ, а на основаніи спеціальнаго мусульманскаго права. Такъ это происходитъ у насъ въ Крыму, на Кавказѣ, въ восточной Россіи, такъ это имѣетъ мѣсто у англичанъ въ Индіи, у французовъ въ Алжирѣ. Исламъ охватываетъ всего человѣка и для правовѣрнаго мусульманина всегда будетъ крайне трудно жить въ странѣ, которая игнорируетъ религіозныя убѣжденія своихъ гражданъ. Вотъ почему даже во Франціи, гдѣ на юридическихъ факультетахъ не считаютъ нужнымъ изучать церковное право, существуетъ и изучается мусульманское право.

Неся всюду свои законы, мусульмане всюду несутъ и свое время. У нихъ свое лѣтосчисленіе отъ геджры Магомета—622 г. по Р. Х. и такъ какъ точно день геджры неизвѣстенъ, то переводъ многихъ древнѣйшихъ мусульманскихъ датъ на

христіанское счисленіе возможенъ лишь только приблизительно. Годъ у магометанъ лунный. Онъ состоитъ изъ 12 лунныхъ мѣсяцевъ, нечетные изъ нихъ (1, 3 и т. д.) заключаютъ въ себѣ по 30, а четные (2, 4 и т. д.) по 29 дней. Такимъ образомъ въ ихъ году содержится 354 дня. Мѣсяцы ихъ слѣдующіе. Мохарремъ (въ 1904 г. первое мохарремъ, т. е. новый годъ—1322—падаетъ на 5 марта нашего юліанскаго календаря), сафаръ. Реби-эль-авель (Реби 1), Реби-эль-Ахиръ (Реби 2), Джемъ-эль-Авель (Джемъ 1) Джемъ-эль-Ахиръ (Джемъ 2), Реджебъ, Шаабанъ, Рамаданъ, Шевалъ, Зюзь-кяда, Зюль-хаджъ. По этой системѣ каждый лунный мѣсяцъ равенъ 29, 5 сутокъ, но на самомъ дѣлѣ онъ равенъ 29 д. 12 час. 44 минут. Вслѣдствіе этого еслибы мусульмане не внесли какой-либо поправки въ свое лѣтосчисленіе, у нихъ очень скоро первыя числа мѣсяцевъ перестали бы совпадать съ новолуніями. Чтобы избѣжать этого, мусульмане въ теченіе тридцатилѣтняго цикла вставляютъ 11 дней, именно они дѣлаютъ Зюль-хаджъ состоящимъ не изъ 29, а изъ 30 дней въ слѣдующихъ годахъ цикла: 2, 5, 7, 10, 13, 16, 18, 21, 24, 26, 29. Такимъ образомъ ихъ тридцатилѣтній циклъ заключаетъ въ себѣ 10631 день. На самомъ дѣлѣ 360 лунныхъ мѣсяцевъ, изъ которыхъ состоятъ ихъ 30 лѣтъ, содержатъ въ себѣ на 16 минутъ и почти 50 секундъ болѣе. Въ теченіе 44 цикловъ протекшихъ съ года геджры это даетъ уже болѣе полсутокъ. Это ведетъ къ тому, что новую луну могутъ увидать тогда, когда по теоріи приходится не первое, а послѣднее число мѣсяца. Между тѣмъ по законамъ ислама начало счисленія новаго мѣсяца ведется съ того момента, когда появленіе луны засвидѣтельствовано двумя достовѣрными свидѣтелями. Очевидно такое свидѣтельство можетъ явиться раньше, чѣмъ о немъ возвѣститъ календарь. Это—затрудненіе отъ неточнаго опредѣленія луннаго мѣсяца. То обстоятельство, что солнечный годъ совсѣмъ не принимается во вниманіе, влечетъ за собою новыя затрудненія. 33 лунныхъ года равны 32 солнечнымъ. Поэтому въ теченіе 33 лѣтъ каждый мѣсяцъ мусульманскаго календаря проходитъ по всѣмъ временамъ года, постепенно отступая. Если теперь Мохарремъ падаетъ на мартъ, то потомъ онъ передвинется на февраль, январь, декабрь и т. д. и черезъ 33 года снова будетъ падать на тѣ

же числа марта. Неудобство отъ этой подвижности мѣсяцевъ по временамъ года то, что какія-либо постановленія оказываются удобоисполнимыми въ одни годы и крайне неудобоисполнимыми въ другіе. Такъ, напр., хаджъ удобно совершать въ прохладное время и крайне трудно въ знойные мѣсяцы. Но мѣсяцы хаджа въ различные годы падаютъ на различное время. Мусульмане подчинили себя лунѣ, а не солнцу. На ихъ минаретахъ, на каѳедрахъ въ мечетяхъ красуется лунный серпъ и за это предпочтеніе луны солнцу имъ приходится платиться многими неудобствами. Но какъ бы то ни было, они возложили на себя это иго закона. Мы опредѣлили теперь и ихъ религіознонравственные принципы и практическіе законы и требованія утверждающіеся на этихъ принципахъ. Теперь обратимся къ разсмотрѣнію того, какъ мусульманскія общества въ исторіи усвояли и истолковывали эти принципы и какъ относились они къ законамъ, которые вывелъ изъ этихъ принциповъ исламъ.

6.

Когда Магометъ испустилъ духъ на рукахъ Аиши, исламъ исповѣдывался уже въ значительной части Аравіи. Но въ значительной части исповѣданіе это ограничивалось простымъ признаніемъ истинной религіи Магомета безъ всякаго знанія этой религіи, затѣмъ оно было поверхностнымъ, неглубокимъ и, наконецъ, у многихъ даже неискреннимъ. И теперь, когда прошло со смерти Магомета, по его календарю, 1310 лѣтъ, представляется, какъ самое естественное, что его религія должна была погибнуть вмѣстѣ съ его смертію. Въ другихъ религіяхъ около основателя обыкновенно были ученики, уже при жизни основателя пріобрѣтавшіе авторитетъ и получавшіе отъ него религіозныя полномочія. У Магомета этого не было, около него стояли полководцы, но не пророки. Только Магометъ стоялъ въ особенныхъ отношеніяхъ къ Аллаху. Всѣ прочіе члены общины равно, можно сказать, не стояли къ Аллаху ни въ какихъ отношеніяхъ. Правда, Магометъ по болѣзни предъ своею смертію предстоятельство на общественной молитвѣ поручалъ Абу-Бекру. Но съ точки зрѣнія ислама для такого дѣла не требовалось ни особыхъ дарованій, ни особой божественной благодати. Но не смотря на то, что преемникъ для дѣла Магомета не былъ приготов-

ленъ, дѣло его не погибло. Были люди, которые вѣрили въ это дѣло и обладали большимъ запасомъ силъ для того, чтобы ему служить. Это были Абу-Бекръ и Омаръ. Они не походили одинъ на другого, это выразилось уже въ томъ, какъ они стали дѣйствовать послѣ смерти своего вождя. Омаръ хотѣлъ скрыть смерть Магомета, Абу-Бекръ откровенно возвѣстилъ о ней. Но расходясь во многомъ, они сходились одинаково въ глубокой любви къ исламу. Когда поднялись споры о преемникѣ Магомету, они указывали другъ на друга. Дѣло кончилось избраніемъ Абу-Бекра. Онъ сталъ первымъ халифомъ (халифе—намѣстникъ, замѣститель Магомета). На его короткое правленіе пала задача укрѣпить въ религіозномъ и политическомъ подчиненіи исламу новообразованную общину. Его преемникомъ былъ Омаръ, который положилъ начало эпохѣ великихъ арабскихъ завоеваній на востокѣ и на западѣ соединенныхъ съ распространеніемъ ислама. Омаръ погибъ отъ руки убійцы. Его преемникъ Османъ погибъ подобнымъ же образомъ. Тогда былъ избранъ Алій, сынъ Абу-Талифа, двоюродный братъ Магомета, которому Магометъ еще при жизни иногда передавалъ полномочія въ дѣлахъ управленія и о кандидатурѣ котораго шла рѣчь, какъ только умеръ пророкъ. Былъ даже пущенъ слухъ, что Магометъ желалъ его имѣть своимъ преемникомъ. Провѣрить этотъ слухъ теперь нѣтъ возможности. Если вѣрить въ дальновидность и прозорливость Магомета, тогда его должно отвергнуть. Магомету приписываютъ предсказаніе, что будто его послѣдователи распадутся на 73 секты и изъ нихъ только одна не избѣгнетъ адскаго огня. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ адскомъ огнѣ, должно сказать, что пророчество о распаденіи мусульманъ на секты начало исполняться въ правленіе Алія. Раньше движенія, нестроенія, возстанія и даже убійства происходили въ мусульманскихъ общинахъ на соціальной и политической подкладкѣ, при Аліи начались религіозныя движенія, хотя сначала они еще попрежнему были неразрывно связаны съ политическими и представляли собою въ сущности болѣе политическій расколъ, чѣмъ религіозную ересь [1]).

[1]) Свѣдѣнія о сектахъ ислама на русскомъ языкѣ можно найдти въ слѣдующихъ трудахъ: *А. Мюллера*—Исторія ислама, *Шантепи дела Соссэй*—Иллюстрированная исторія религій (тамъ указана иностранная ли-

Въ хронологическомъ порядкѣ первою выдѣлилась изъ общины правовѣрныхъ секта *хариджитовъ*. Произошло это такъ. Алія не всѣ мусульманскія общины признали халифомъ. Кажется, противъ него сильно интриговала Аиша, политическое значеніе которой вовсе не умерло со смертью ея супруга. Противъ Алія былъ Муавія, намѣстникъ Сиріи, сынъ того Абу-Софьяна, который нѣкогда легкомысленно усумнился въ божественномъ посланничествѣ Магомета. Въ борьбѣ съ Муавіей Алій вмѣсто того, чтобы рѣшать дѣло мечемъ, согласился обратиться къ третейскому суду, который, надо замѣтить, рѣшилъ дѣло въ пользу Муавіи, и тотъ провозгласилъ себя халифомъ. Не переставалъ считать себя халифомъ и Алій, но 12 т. изъ его 70-тысячнаго войска, возмущенные его малодушіемъ въ борьбѣ съ Муавіей отдѣлились отъ него (отдѣлились—хараджу, отсюда хариджиты). Они объявили, что Алій по своимъ нравственнымъ качествамъ не достоинъ быть халифомъ. Халифъ долженъ быть образцомъ добродѣтели. При выборѣ халифа нужно имѣть въ виду исключительно качества его духа. Эта теорія хариджитовъ должна быть признана самой правовѣрной. Магометъ не оставилъ правилъ объ избраніи ему преемниковъ и не отвергъ раньше существовавшей арабской сунны о назначеніи правителей. А эта сунна признавала лишь избирательный принципъ и безусловно отвергала наслѣдственность власти. Свободолюбивые арабы не хотѣли знать наслѣдственныхъ владыкъ. Но теперь въ составъ мусульманской общины входили уже не одни арабы и изъ арабовъ въ эпоху мусульманскихъ войнъ нѣкоторые уже привыкли къ власти. Поэтому, рядомъ съ хариджитской здѣсь установились еще двѣ теоріи. По возрѣнію одной халифъ непремѣнно долженъ быть выбираемъ изъ корейшитовъ, т. е. изъ того племени, къ которому принадлежалъ Магометъ. Этотъ взглядъ, очевидно, сложился, съ одной стороны, подъ вліяніемъ тра-

---

тература до начала 90-хъ годовъ), *Уманца*—Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ, *Тимирязева* (переводъ)—Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до настоящихъ дней, *Жузе*—Мутазилиты, *Крымскаго*—Очеркъ развитія суфизма до конца III в. гижры. Ему же принадлежатъ статьи, относящіяся къ суфизму въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона (въ статьѣ *суфизмъ* данъ указатель иностранной и русской литературы).

диціи, по которой власть не должна быть наслѣдственной: халифъ выбирается изъ цѣлаго племени, съ другой—подъ вліяніемъ новаго порядка вещей, при которомъ племя корейшитовъ оказалось во главѣ положенія: арабскіе полководцы были главнымъ образомъ изъ корейшитовъ. Корейшитамъ принадлежала Мекка, корейшиты въ сущности, такъ какъ Магометъ и его сподвижники и преемники были корейшитами, возвысили достоинство и значеніе арабовъ во всемъ мірѣ. Тѣ изъ мусульманъ, которые оставались вѣрными корейшитамъ, и стали собственно называться правовѣрными—*суннитами*. Шаріатъ, изложенный въ предшествовавшей главѣ, и принимается ими. Но въ Персіи, которая была завоевана Омаромъ и въ которой съ того времени сталъ распространяться исламъ, господствовали иные взгляды и принципы. Власть въ Персіи издавна была наслѣдственной. Попытки колебать наслѣдственное начало, производившіяся незаконными претендентами, тамъ всегда вызывали нестроенія, борьбу и тяжело отзывались на государственной жизни. Поэтому тамъ желали, чтобы халифы были наслѣдственными. Естественно въ ихъ глазахъ права на халифатъ должны были принадлежать роду Магомета, и Алій, двоюродный братъ Магомета и женатый на дочери Магомета Фатимѣ, былъ, по ихъ воззрѣніямъ, первымъ законнымъ халифомъ. Объ Омарѣ у нихъ сохранилась недобрая память и ненависть къ нему живетъ даже до настоящихъ дней въ Персіи. Къ роду Алія, напротивъ, они питаютъ расположеніе, пристрастіе, отсюда они получили имя *шіитовъ*—пристрастныхъ.

Такъ, въ исламѣ возникло три направленія: хариджитовъ, которые говорили, что отъ халифа требуется только нравственная чистота и что имъ можетъ быть и не арабъ; суннитовъ, которые принимали какъ законное все, что выработала практика ислама до погибели Алія, шіитовъ, которые періодъ отъ смерти Магомета до провозглашенія халифомъ Алія разсматривали, какъ эпоху беззаконія. Изъ этихъ трехъ направленій первое погибло, а второе и третье существуютъ до настоящихъ дней. Главнымъ образомъ преобладаетъ второе.

Хариджиты стремились поднять нравственныя качества членовъ своей общины. „Всѣ мусульмане—братья, говорили они, не спрашивайте насъ о нашемъ происхожденіи и общественномъ положеніи, всѣ мы—дѣти ислама; Богъ возвы-

шаетъ только того надъ окружающими, кто лучше другихъ исполняетъ Его завѣты". Тяжкіе грѣхи, по мнѣнію хариджитовъ, равны отступничеству отъ вѣры. Грѣшащій халифъ лишается права власти. Хариджиты внимательно останавливались на ученіи корана о загробномъ воздаяніи. Хариджиты выбрали себѣ своего халифа вмѣсто Алія. Но Алій и его преемники жестоко ихъ преслѣдовали. Сохранились разсказы о томъ, какую нравственную твердость проявляли хариджиты при гоненіяхъ на нихъ. Съ стихами корана на устахъ они шли на казнь. Хариджитъ схваченный врагами попросилъ позволенія у нихъ зайдти ненадолго домой, совершить омовеніе и помолиться. Кто же намъ поручится, что ты вернешься, спросили его. Богъ, отвѣтилъ хариджитъ. Одному хариджиту тюремщикъ дозволялъ на ночь уходить домой. Домашніе однажды узнали, что на слѣдующій день ему грозитъ казнь, они уговаривали его скрыться, но онъ остался непреклоненъ и вернулся въ тюрьму. Моральныя тенденціи хариджитовъ вообще были возвышенны, но кромѣ моральныхъ у нихъ были еще демократическія тенденціи, достигать которыхъ было очень неудобно при помощи требованій ихъ морали. Они и отступали отъ нея, они соединялись даже съ шіитами, чтобы бороться противъ суннитовъ. Халифы постоянно преслѣдовали ихъ. Только у свободолюбивыхъ берберовъ въ сѣверной Африкѣ они нашли себѣ сочувствіе. А въ Азіи ихъ движенія были подавлены энергіею халифовъ, и они растворились и исчезли среди другихъ общинъ ислама.

Различіе между суннитами и шіитами нерѣдко опредѣляютъ такъ: сунниты признаютъ коранъ и преданіе, шіиты признаютъ только коранъ. Такое опредѣленіе подсказываетъ сравненіе шіитовъ съ протестантами въ христіанствѣ. Но это опредѣленіе невѣрно. Шіиты не вообще отрицаютъ преданіе, а только нѣкоторыя преданія суннитовъ, взамѣнъ которыхъ поставляютъ преданія свои собственныя. Изученіе шіитскихъ движеній скорѣе подсказываетъ сравненіе ихъ— не говоримъ во всемъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—съ русскими раскольниками. Шіиты первоначально вовсе не либералы, пытающіеся эмансипироваться отъ тяжести преданій и обрядовъ, наоборотъ, это—консерваторы, пытающіеся навсегда сохранить принципы, правда только что воз-

никшаго порядка. Шіиты прежде всего—вѣрноподданные алидовъ, потомковъ Алія. Только потомки Алія, по ихъ теоріи, имѣютъ право править мусульманами. Алій скоро сталъ у нихъ объектомъ религіознаго поклоненія. Шіитская традиція передаетъ такія изреченія Магомета объ Аліи: „Я—городъ, Алій—врата этого города". „Алій—часть меня, я—часть его". Алій погибъ отъ руки хариджитовъ. Его старшій сынъ Гасанъ отказался за деньги отъ своихъ правъ на престолъ—онъ интересовался только виномъ и гаремомъ. Но зато его младшій братъ Гуссейнъ, призванный шіитами стоять во главѣ ихъ, мужественно боролся за права алидовъ, сторонники при опасности малодушно покинули его, и онъ былъ звѣрски замученъ съ своимъ семействомъ въ Кербелѣ. Тогда тѣ, по винѣ которыхъ онъ погибъ, провозгласили его мученикомъ и святымъ. Его страданія стали предметомъ мистеріи у шіитовъ. Каждый годъ 10 мохаррема—(и въ суннитскомъ календарѣ этотъ день отмѣчается, какъ Ашура—убіеніе Гуссейна) совершается торжество съ театральными представленіями трагической участи Гуссейна. Сочувствіе къ процессіямъ, изображающимъ событіе, выражается въ плачѣ, крикахъ, ударахъ въ собственную грудь, даже въ нанесеніи себѣ ранъ. Гробница Гуссейна въ Кербелѣ служитъ для шіитовъ пунктомъ благочестивыхъ паломничествъ и предметомъ благоговѣйнаго почитанія. Праздноютъ шіиты и день смерти Омара, но это уже не празднованіе мученику, а торжество вслѣдствіе избавленія отъ мучителя. Такъ какъ шіиты образовались изъ персовъ—арійской расы, то и въ новую свою семитическую религію они внесли нѣкоторые арійскіе элементы, именно кромѣ мусульманскаго новаго года они празднуютъ еще новый годъ (наурузъ) въ самомъ началѣ весны согласно традиціямъ натуралистической религіи (хотя мы должны оговориться: по нашему мнѣнію еще до ислама въ персидскую религію проникло очень *много* семитическихъ элементовъ отъ вавилонянъ и евреевъ, такъ что исламъ проповѣдывался уже далеко не на чисто арійской почвѣ).

Характерною особенностію шіитизма является ученіе о скрытомъ имамѣ. Когда погибъ Гуссейнъ, алидовъ оставалось еще много и размножались они очень усердно, Оставался Магометъ, сынъ Алія не отъ Фатимы, а отъ другой

жены. Магометъ не выражалъ никакихъ претензій на занятіе халифата. Но во имя его поднялся нѣкто Мухтаръ, онъ первый внесъ терминъ махди (направленный), назвавъ этимъ именемъ Магомета, а себя скромно назвалъ намѣстникомъ Махди. Онъ съ успѣхомъ воевалъ за дѣло Магомета, но потомъ погибъ, потомъ умеръ и Магометъ. И вотъ тогда у его приверженцевъ впервые начало развиваться ученіе, что на самомъ дѣлѣ Магометъ не умеръ, что онъ только скрылся, онъ вернется, онъ теперь скрытый имамъ. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, имя скрытаго имама усвояли другимъ лицамъ. Многіе ученые думаютъ, что эта теорія скрытаго имама возникла на арійской, спеціально на иранской почвѣ. Указываютъ на миѳы и легенды о герояхъ, которые спятъ и скрываются въ теченіе тысячелѣтія (Артуръ, Гаральдъ, Фридрихъ Барбарусса), чтобы потомъ явиться и выступить на борьбу за благо своего народа. Подобныя сказанія можно найдти и у русскихъ. Появленіе самозванцевъ на Руси обусловилось склонностію вѣрить въ то, что желаемыя лица не умерли, а живы. За всѣмъ тѣмъ это легенды не арійскія, а общечеловѣческія. Когда умеръ Магометъ, Омаръ, этотъ чистѣйшій семитъ, арабъ изъ арабовъ, обратившись къ собравшейся около мечети толпѣ правовѣрныхъ, сказалъ: „только лицемѣрамъ могло придти въ голову, что пророкъ Божій скончался. Это—завѣдомая ложь. Пророкъ, какъ нѣкогда Моисей, удалился отъ своего народа на сорокъ дней, но истеченіи которыхъ онъ вернется и накажетъ смертію распускающихъ теперь слухъ о его смерти“. Эта рѣчь ясно показываетъ, что теорія скрытаго имама могла возникнуть и на арабскомъ полуостровѣ и на чисто арабской почвѣ. Что могло быть въ западной Азіи, то имѣло мѣсто и въ восточной. Въ Китаѣ о Лаотци рано сложились сказанія, что онъ не умеръ, а уѣхалъ куда-то на западъ на таинственномъ быкѣ. Таоисты въ Китаѣ даже вообще склонны были развивать теоріи, что таоистскіе жрецы не могутъ умирать, а лишь исчезаютъ таинственно. Психологическая основа такихъ легендъ и вѣрованій понятна. Смерть есть человѣческій врагъ и Богъ, будучи благъ, даруетъ когда-либо людямъ побѣду надъ этимъ врагомъ. Это—въ будущемъ; но въ настоящемъ Богъ не допуститъ, чтобы его наилучшій служитель и избранникъ сдѣлался жертвою этого врага,

смерть не приблизится къ избраннику Божію. Однако этотъ избранникъ исчезъ. Значитъ, Богъ для блага людей счелъ нужнымъ скрыть на время своего избранника отъ ихъ взоровъ. Но потомъ, когда наступитъ время для торжества правды, весьма естественно, что Богъ дѣло утвержденія правды поручитъ этому своему вѣрному избраннику и изъ скрытаго онъ станетъ явнымъ. Такое вѣрованіе весьма понятно. Вѣрованіе въ будущаго избавителя общечеловѣчно (Майтрейя буддистовъ, Соссіошъ—персовъ), представленіе, что этотъ будущій избавитель окажется однимъ изъ дѣятелей прошедшаго очень естественно. Но естественно также, что въ глазахъ однихъ такимъ спасителемъ въ будущемъ долженъ стать такой-то дѣятель прошедшаго, въ глазахъ другихъ—другой. Отсюда и подъ скрытымъ имамомъ—разъ стало развиваться вѣрованіе въ него—одни стали разумѣть одно, а другіе—другое лицо. Еще раньше, чѣмъ явились термины „махдій"—и „скрытый имамъ", нѣкто Абдалахъ-ибнъ-Саба, вѣроятно еврей принявшій исламъ, утверждалъ что Алій не умеръ, что молнія—его мечъ, громъ—его голосъ и что настанетъ время, когда онъ явится самъ и наполнитъ землю правдою, какъ теперь она полна неправды.

Для наиболѣе послѣдовательныхъ шіитовъ скрытый имамъ, если имъ не былъ самъ Алій, могъ произойти только отъ потомковъ Алія и Фатимы. У погибшаго ихъ сына Гуссейна остался сынъ Али, онъ въ глазахъ шіитовъ былъ единственнымъ законнымъ претендентомъ на халифатъ. Когда онъ выросъ, онъ погибъ по естественному порядку, потому что халифамъ приходилось считаться съ его притязаніями на власть. Одни за другимъ погибали и умирали послѣдовательные потомки Алія, которыхъ легетимизмъ шіитовъ именовалъ имамами и послѣ смерти причислялъ къ лику святыхъ. Такихъ имамовъ—алидовъ (имамъ—заде)—двѣнадцать. Вотъ—ихъ имена: Али, Гасанъ, Гуссейнъ, Али, Магометъ, Джафаръ, Муза, Али-аръ—Ридхъ, Магометъ, Али Наки, Гасанъ Аскари, Магометъ. Кромѣ трехъ первыхъ Али-аръ Ридхъ игралъ нѣкоторую политическую роль. Онъ жилъ въ то время, когда мусульманскимъ міромъ правилъ Аль-Мамунъ (813—833), сынъ Гаруна-аль-Рашида (династія Аббассидовъ—потомковъ Аббасса, дяди Магомета), слава о доблестяхъ этихъ халифовъ далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, во

всякомъ случаѣ ихъ жестокость ужасна съ нашей точки зрѣнія. Желая расположить къ себѣ шіитовъ, Аль Мамунъ приблизилъ къ себѣ Али-аръ-Ридха, объявилъ его своимъ преемникомъ, обручилъ съ своею дочерью, чеканилъ монеты съ его именемъ, перемѣнилъ черное знамя аббассидовъ на зеленое алидовъ, а затѣмъ Али-аръ-Ридхъ внезапно умеръ съ несомнѣнными признаками полнаго несваренія желудка. Шіиты должны были быть удовлетворены, такъ какъ халифъ обнаружилъ свое расположеніе къ алидамъ, и сунниты должны были быть покойны, такъ какъ изъ этого расположенія ничего не вышло. Прочіе имамы—алиды не играли никакой политической роли, они просто были благочестивыми мусульманами. Послѣдній изъ нихъ, двѣнадцатый—Магометъ на 12 году исчезъ. По всей вѣроятности онъ пошелъ путемъ Али-аръ-Ридха, но таинственное исчезновеніе его создавало самую благодарную почву для развитія ученія, что онъ и есть скрытый имамъ. Могилы трехъ изъ этихъ имамовъ служили мѣстомъ паломничества шіитовъ: могила Али I въ Неджерѣ (предположительная), уже упомянутая могила Гуссейна въ Кербелѣ и могила Али-аръ-Ридха въ Мешхедѣ.

Шіитизмъ утвердился въ Персіи и при династіи сефевидовъ (1499—1722) сталъ государственною религіею. Какъ религія государственная, шіитизмъ узко догматиченъ, суровъ и неодобрительно относится къ проявленіямъ свободной мысли, тамошнее шіитское духовенство характеризуется нетерпимостію. Но отъ первыхъ дней и донынѣ изъ шіитизма выходило много сектъ. Одною изъ важнѣйшихъ между ними, которая впослѣдствіи сама раздробилась на много толковъ, является секта измаилитовъ. Возникла она слѣдующимъ образомъ. У шестого имама Джафара были сыновья Измаилъ и Муза. По праву старшинства Измаилъ долженъ былъ стать его наслѣдникомъ въ имамствѣ, но за пьянство Джафаръ лишилъ Измаила его правъ и своимъ преемникомъ назначилъ Музу. Здѣсь возникъ вопросъ: можетъ ли кто-нибудь измѣнять законы наслѣдованія и судить поведеніе того, кому суждено быть имамомъ. Рѣшенія раздѣлились и по смерти Джафара часть приверженцевъ сгруппировалась около Измаила. Когда Измаилъ умеръ, его потомки, боясь преслѣдованій аббассидскихъ халифовъ, удалились на вос-

токъ, но община не распалась. Напротивъ, здѣсь она изъ общины въ сущности просто политической превратилась въ религіозно-политическую секту. Небольшой и, повидимому, осужденной на исчезновеніе общиной воспользовался Абдаллахъ-ибнъ-Маймунъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. По происхожденію онъ былъ персъ, отецъ его лѣчилъ глазныя болѣзни (отсюда его прозваніе каддахъ—окулистъ) и занимался алхиміей. Повидимому отецъ вдохнулъ въ Абдаллаха любовь къ религіозно-философскимъ изысканіямъ, къ таинственности и мистицизму, съ которыми у Абдаллаха соединялись стремленія къ власти, господству и вообще широкіе и честолюбивые практическіе замыслы. О немъ говорятъ, что онъ держался ученія гностика Вардесана. Объ ученіи Вардесана извѣстно очень мало. По всей вѣроятности оно сходно съ ученіемъ его учителя Валентина. Это—пантеистическая система, выводящая все изъ нѣкоей трансцендентной глубины (*Βύθος*), моментами эманаціи изъ этой глубины являются и Христосъ и Духъ Святой. Міръ есть совокупность психическихъ основъ. Матерія есть только результатъ (продуктъ) ихъ душевныхъ измѣненій. Христосъ воплощался докетически для того, чтобы сдѣлать людей гностиками. Въ системѣ Валентина много и поэтическихъ и философскихъ элементовъ. Въ его представленіи міровой эманаціи мы постоянно встрѣчаемъ персонификацію понятій (*δύναμις, σιγή, τὸ ἀκατάληπτον, τὸ κατάληπτον, ἀλήθεια, ζωή, ὅρος* и т. д.). Такая персонификація обыкновенно свойственна религіямъ (наиболѣе она выражена въ религіи римской) и она обыкновенно представляетъ собою выраженіе философскихъ идей въ поэтическихъ образахъ. Дополнить языческо-іудейско-христіанскую теософію Валентина и Вардесана ученіемъ мусульманской религіи для Абдаллаха было уже нетруднымъ. Гностики любили дѣлать мистическіе выводы изъ числовыхъ комбинацій. Абдаллахъ по отношенію къ исламу, который онъ внѣшнимъ образомъ принялъ, съ этого и началъ. Число 7 считалось священнымъ у многихъ. Исторія міра, по Абдаллаху, должна заключать въ себѣ 7 періодовъ, въ каждый изъ которыхъ посылался пророкъ. Шесть періодовъ прошли. Пророками въ нихъ являлись Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей, Іисусъ, Магометъ. Теперь идетъ седьмой періодъ. Но каждый періодъ долженъ распадаться тоже на 7 періодовъ меньшихъ, каждый съ

своимъ представителемъ. Въ седьмой періодъ рядъ такихъ представителей открывается Али, седьмымъ оказывается Измаилъ (см. выше перечень имамовъ, на мѣсто Музы долженъ быть поставленъ Измаилъ). Седьмой періодъ, такимъ образомъ, кончается. Пророковъ послѣ Магомета уже не будетъ. Поэтому теперь должно ждать махди, скрытаго имама, которымъ долженъ быть или Измаилъ, если онъ не умеръ. или другой алидъ. Теперь этотъ махди скрывается, но Абдаллахъ объявилъ, что онъ есть посредникъ между махди и вѣрными. Такъ какъ на самомъ дѣлѣ Абдаллахъ не былъ представителемъ никакого махди, то получается впечатлѣніе, что онъ былъ сознательнымъ и грубымъ обманщикомъ. Такъ на него смотрятъ многіе. Не думая давать оцѣнку его нравственной личности, мы склонны утверждать, что онъ вѣрилъ въ свое ученіе, вѣрилъ въ то, что онъ обладаетъ истиною. На свое ученіе о мадхи онъ могъ смотрѣть, какъ на аллегорію. Скрытый имамъ (*βάθος, σιγή*) открылъ душѣ его истину и потому онъ могъ стать посредникомъ между нимъ и людьми. Его основной принципъ: религія должна быть эксотерическою и эсотерическою—для народа и мудрецовъ. Исламъ—эксотерическая форма религіи, нужно пройдти 9 ступеней совершенствованія, чтобы подняться отъ ислама до совершеннѣйшей эсотерической религіи. Абдаллахъ привлекъ къ себѣ послѣдователей, которые стали его учениками въ области религіи, и исполнителями его политическихъ предначертаній въ дѣйствительной жизни. Онъ возложилъ на этихъ послѣдователей задачу привлекать новыхъ послѣдователей, они должны были стать миссіонерами (даыи) и вести по ступенямъ совершенствованія желающихъ, при чемъ и сами даыи далеко не доводились до высшихъ ступеней и тѣмъ болѣе требовалась осторожность въ возведеніи по этимъ ступенямъ новыхъ лицъ, присоединявшихся къ Абдаллаху. Первая ступень къ этой духовной лѣстицѣ Абдаллаха была въ сущности не ученіемъ, а методомъ. Для привлеченія къ сектѣ даы долженъ былъ возбуждать любопытство и интересъ въ своихъ слушателяхъ. Достигалось это задаваніемъ разныхъ вопросовъ, которые даы оставлялъ безъ разрѣшенія. Такъ, даы спрашивалъ: зачѣмъ Богъ создалъ міръ въ 6 дней, когда онъ могъ создать его въ одинъ часъ? Гдѣ находится душа? Какую форму она имѣетъ? Откуда она

происходитъ? Не разрѣшая вопросовъ, дабы давалъ понять, что онъ знаетъ ихъ рѣшеніе. Заинтересованные обращались къ нему съ просьбами о наставленіи, онъ бралъ съ нихъ клятву, что они будутъ хранить въ тайнѣ все сообщаемое имъ, они становились адептами Абдаллаха и тогда начиналось возведеніе ихъ по ступенямъ. На второй ступени уже набрасывалась легкая тѣнь на ортодоксальное мусульманское ученіе. Говорили, что истину возвѣщали только имамы, но въ чемъ эта истина, не говорили. На третьей ступени раскрывалось ученіе о 7 имамахъ (въ противоположность общераспространенному почитанію 12). На четвертой ступени раскрывалось ученіе о 7 пророкахъ, при чемъ при каждомъ пророкѣ, оказывается, былъ помощникъ: при Адамѣ—Сифъ, при Ноѣ—Симъ, при Іисусѣ—ап. Петръ, при Магометѣ—Али и при послѣднемъ пророкѣ (имамѣ Измаилѣ) Абдаллахъ. На пятой ступени неофитамъ возвѣщали уже, что коранъ и традиціи неважны (всѣ религіи—лишь символы истины) и къ этому еще неофитамъ изъ персовъ сообщали, что подчиненіе персовъ арабамъ въ религіозномъ и политическомъ отношеніи есть ненормальность. На шестой ступени отрицалось значеніе шаріата и культа и какъ высшее познаніе рекомендовалось философское. Таковы первыя шесть ступеней, до послѣднихъ трехъ поднимались очень немногіе. Возможно, что тамъ отъ философскаго раціонализма переходили къ религіозному мистицизму. Такое ученіе измаилитовъ представляетъ собою сходство съ европейскимъ масонствомъ и, какъ и послѣднее, заключало въ себѣ много привлекательнаго для многихъ. Это эластичное ученіе не требовало даже отъ своихъ послѣдователей религіознаго единства. Признавая религіи лишь символами истины, Абдаллахъ тѣмъ самымъ представлялъ каждому право держаться своихъ символовъ, т. е. какой ему угодно религіи. Секта измаилитянъ въ сущности очень мало связаная съ своимъ именемъ—быстро разросталась и при сынѣ и преемникѣ Абдаллаха—Ахмедѣ пріобрѣла большое политическое значеніе.

При Ахмедѣ отъ измаилитовъ отдѣлилась вѣтвь карматовъ. Даый Хасейнъ обратилъ въ измаилитство одного погонщика Хамдана кармата (курматъ — некрасивый), принадлежавшаго къ племени набатсеевъ (нѣчто въ родѣ презираемыхъ индійскихъ сектъ). Отмѣна требованій культа и ша-

ріата, провозглашеніе коммунизма (даже по отношенію къ женамъ), обѣщаніе появленія въ скоромъ времени избавителя, вотъ, что принесъ Хамданъ своимъ землякамъ. Избавитель накажетъ всѣхъ тѣхъ, кто угнеталъ вѣрующихъ въ него. Но пока онъ не явился, ничто не препятствуетъ вѣрующимъ и самимъ расправляться съ своими врагами. Это послѣднее и стало жизненной программой карматовъ. Самъ Хамданъ, узнавъ, что на самомъ дѣлѣ измаилиты вовсе не имѣютъ въ виду возвести на престолъ Алида, отступился отъ секты. Но секта энергично продолжала свою дѣятельность. Она поддерживала Абдаллаха и при ея дѣятельномъ участіи фатимиды, т. е. будто бы потомки Алія и Фатимы, а на самомъ дѣлѣ, должно полагать, потомки Абдаллаха утвердили свою власть въ Африкѣ. Всюду карматы совершали хищническіе набѣги. Они преслѣдовали паломниковъ, совершавшихъ хаджъ и, наконецъ, закончили то дѣло, которое хотѣлъ еще совершить халифъ омаядъ Езидъ. Его полководецъ осадилъ Мекку, громадными камнями свалилъ колонны каабы, поджегъ святилище и черный камень—десница Аллаха на землѣ — отъ жара развалился на четыре части. Но дѣло осады на этомъ остановилось за смертію Езида. Это было еще въ первый вѣкъ геджры (въ 683 г.). Въ 930 г. карматы взяли Мекку, произвели страшную рѣзню и захватили съ собою „черный камень“. Только позднѣе они возвратили его за большой выкупъ. Но потомъ они отступили отъ фатимидовъ и съ этихъ поръ, когда они захотѣли стать совсѣмъ самостоятельными, ихъ значеніе и сила быстро стали падать.

Роль карматовъ съ конца XI вѣка и въ теченіе еще почти цѣлыхъ двухъ столѣтій стали играть ассасины (отсюда французское слово assassin — убійца). Основателемъ этой секты былъ нѣкто Гассанъ Ибнъ-Сабба, онъ получилъ обученіе у измаилитовъ и усвоилъ ихъ доктрину, онъ соединялъ въ себѣ двѣ черты, которыя въ идеалѣ представляются несовмѣстимыми: религіозность и жестокость. Онъ свято чтилъ коранъ и казнилъ своего сына за то, что тотъ нарушалъ заповѣди корана. Онъ выработалъ особенную систему привлеченія адептовъ. Онъ завлекалъ сильныхъ юношей, за обѣдомъ имъ незамѣтно давали гашишъ (наркотическій сокъ изъ особаго сорта конопли, отсюда и названіе гаши-

шины, переиначенное европейцами въ ассасины). Засыпавшихъ отъ гашиша юношей уносили въ садъ, гдѣ было все, что услаждаетъ и ласкаетъ человѣка, тѣнистыя аллеи, сладкопоющія птицы, журчащіе фонтаны, рабыни, подобныя гуріямъ. Когда юноша просыпался, эти рабыни предлагали прекрасное вино и юноша предавался въ саду всѣмъ наслажденіямъ магометова рая. Когда онъ засыпалъ снова утомленный наслажденіями его переносили на то мѣсто, гдѣ онъ заснулъ впервые и потомъ проснувшемуся старались внушить, что онъ видѣлъ дѣйствительный загробный рай и что если онъ вѣрно будетъ служить дѣлу секты, то этотъ рай и будетъ его вѣчнымъ загробнымъ удѣломъ. Порціи гашиша, которыя должно быть нерѣдко давались этимъ молодымъ людямъ по нѣкоторымъ выработаннымъ рецептамъ поддерживали въ нихъ и грезы о раѣ и мужество и презрѣніе къ смерти. Они были необыкновенно смѣлы и совершали нужныя для дѣла секты убійства съ изумительнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ. Гассанъ основалъ цѣлое государство ассасиновъ, такъ какъ его резиденція находилась на горѣ, то онъ усвоилъ себѣ имя старца горы. Это государство ассасиновъ просуществовало почти до послѣдней четверти XIII столѣтія. Владыки его одинъ за другимъ погибали насильственною смертію. Очень много выдающихся крестоносцевъ погибло отъ руки ассасиновъ. Ассасины, какъ религіозная секта, остались и послѣ того, какъ они перестали существовать, какъ государство. Жалкіе останки ихъ (всего нѣсколько сотъ семействъ) въ ливанскихъ горахъ существуютъ и доселѣ.

Тамъ же на Ливанѣ живутъ представители другой секты, вышедшей изъ измаилитской — друзы. Секта эта возникла въ Египтѣ въ концѣ X в. въ правленіе фатимида Хакима. Хакимъ былъ чрезвычайно неустойчивъ въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Это, однако, не помѣшало нѣкоему Дарази начать проповѣдь о томъ, что Хакимъ есть воплощенный Богъ. Дарази былъ измаилитскій даый. Хакиму проповѣдь его очень понравилась, но такъ какъ народу въ Египтѣ она не нравилась и грозила волненіемъ, то Хакимъ порекомендовалъ Дарази убраться и далъ ему денегъ. Дарази отправился въ Сирію и тамъ сталъ проповѣдывать о божественности Хакима. Пока Дарази развивалъ въ Сиріи

свою богословскую теорію, нѣкто Гамза въ Египтѣ сталъ осуществлять ее на практикѣ. Онъ приблизился къ Хакиму, создалъ для него институтъ тайной полиціи, благодаря которой Хакимъ оказался обладающимъ всевѣдѣніемъ. Это конечно было прекраснымъ доказательствомъ его божественности. Ставши богомъ, Хакимъ уже не пожелалъ исполнять уставы написанные для людей. Онъ сталъ на ту измаилитскую точку зрѣнія, что религія есть только символъ, исполненіе требованій культа, есть только символическое выраженіе своихъ религіозныхъ убѣжденій, постъ есть символъ строгаго молчанія. Въ 1020 г. Хакимъ исчезъ, какъ немало безслѣдно исчезло лицъ въ исторіи ислама. Но вѣроученіе уже было выработано и пріобрѣло много послѣдователей. Богъ единоличенъ (друзы—унитаріи), онъ многократно воплощался въ людяхъ — въ Адамѣ, Али, наконецъ, Хакимѣ. Каждый разъ, когда Богъ воплощался, въ человѣчествѣ появлялось совершеннѣйшее твореніе Божіе — всеобщій разумъ. Въ послѣдній разъ при Хакимѣ этимъ всеобщимъ разумомъ былъ Гамза. Въ концѣ временъ Хакимъ снова явится вмѣстѣ съ Гамзою и послѣдній съ мечемъ Хакима распредѣлитъ награды и наказанія между друзами. Такъ какъ въ жизни Хакима не все можно оправдать съ человѣческой точки зрѣнія, то эта жизнь толкуется иносказательно; на самомъ дѣлѣ, по теоріи друзовъ, все, что сдѣлалъ Хакимъ, хорошо, мудро и чудесно. Друзы дѣлятся на аккаловъ—посвященныхъ (имѣется нѣсколько ступеней посвященія, доступъ къ нимъ открытъ каждому) и джаховъ—непосвященныхъ. Общія требованія ко всѣмъ друзамъ, опредѣленныя Гамзой, таковы: 1) правдивость, 2) забота объ общественномъ благѣ, 3) отреченіе отъ прежней вѣры, 4) отрѣшеніе отъ дьявола или отъ всякихъ соблазновъ, 5) признаніе Божественнаго единства, 6) довольство всѣмъ, что посылаетъ Богъ, 7) безусловное подчиненіе велѣніямъ Божіимъ. Друзы поселились на Ливанѣ въ концѣ XI столѣтія и существуютъ тамъ и понынѣ. Число ихъ во всякомъ случаѣ нужно считать десятками тысячъ. Какъ община, они представляютъ много привлекательныхъ чертъ: они воздержны, трудолюбивы, гостепріимны, женщина у нихъ пользуется большимъ уваженіемъ, многоженство—хотя и дозволенное закономъ—представляетъ рѣдкое явленіе. Ря-

домъ съ этимъ у нихъ существуютъ и варварскія черты: нравственныя требованія (напр., правдивость) считаются обязательными только по отношенію къ своей общинѣ, кровавая месть у нихъ обязательна. Ихъ подозрительныя отношенія къ иновѣрцамъ объясняются, можетъ быть, условіями ихъ существованія. У нихъ было не мало столкновеній, особенно съ половины XIX столѣтія, съ маронитами (нѣкогда монофелитская секта, теперь община подчиненная папѣ, но съ нѣкоторыми особенностями въ быту и обрядахъ, у нихъ, между прочимъ, бѣлое женатое духовенство). Вмѣшательство европейскихъ державъ въ эти раздоры подлило масла въ огонь. Однимъ изъ ужасныхъ проявленій этого раздора было убіеніе болѣе 13 тысячъ христіанъ въ 1860 г. Теперь Ливанъ управляется автономнымъ генералъ-губернаторомъ (Сирія, въ составъ которой входитъ Ливанъ, принадлежитъ Турціи) и друзы занимаютъ въ ней особый административный округъ.

Секты, о которыхъ доселѣ у насъ шла рѣчь, имѣютъ преобладающій политическій, а не религіозный характеръ. Но въ исламѣ съ самыхъ первыхъ моментовъ его существованія начались движенія на чисто религіозной почвѣ, возникшія изъ стремленія понять и осмыслить вѣроученіе ислама. Во всякой религіи, лишь только она возникаетъ, образуется традиціонное направленіе, защищающее пониманіе религіи соотвѣтствующее взглядамъ эпохи, т. е. именемъ религіи, освящающее свои обычаи и свой установившійся строй, при чемъ на самомъ дѣлѣ въ религіи можетъ быть много положеній, порицающихъ и отрицающихъ эти обычаи и этотъ строй. Суннитское направленіе въ коранѣ скоро стало освященіемъ традиціонныхъ арабскихъ устоевъ жизни, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, которые коранъ постепенно уничтожалъ (убійство дѣвочекъ, употребленіе вина, кровавая месть). Какъ реакція противъ такого пониманія вѣроученія возникали многія секты. Сектою, примыкающею къ предыдущимъ, но заключающею въ себѣ уже много и иныхъ элементовъ, возникшихъ изъ стремленія удовлетворить чисто религіозныя потребности, являются носавриды. Они—оппозиція антропоморфнаго пониманія корана, они—вмѣстѣ съ тѣмъ алиды и именно самъ Алій является для нихъ боготворимымъ имамомъ. Въ положительномъ ихъ ученіи много индійскихъ

элементовъ, какъ, наоборотъ, элементы ихъ ученія проникли въ индуизмъ. Божество для нихъ абсолютная потенція, сила, энергія. Эта сила, удовлетворяя свое стремленіе къ дѣятельности, создаетъ міръ. Это твореніе міра есть выходъ Бога изъ покоя въ движеніе. Но по исполненіи времени Богъ изъ движенія перейдетъ въ покой, и міръ исчезнетъ. Міръ управляется не Богомъ, онъ есть самораскрытіе Бога, а пирами. Пиры—святые ислама. Древнѣйшіе и важнѣйшіе пять пировъ: Магометъ, Алій, Фатима, его жена, ихъ дѣти—Гуссейнъ и Гассанъ. Въ честь пировъ зажигаются лампады, имъ посвящаются цвѣты. Носавриды разумъ считаютъ источникомъ добра, плотскія влеченія—источникомъ зла. Съ послѣдними должно бороться. Мораль носавридовъ довольно высока. У нихъ бываютъ собранія, подобныя вечерямъ любви первохристіанъ, у нихъ существуетъ духовное побратимство: мужчина выбираетъ себѣ духовнаго брата, женщина—сестру, и узы этого духовнаго братства считаются въ высшей степени священными. Ученіе носавридовъ о пирахъ получило развитіе въ Индіи и мусульмане, живущіе тамъ и многіе индуисты почитаютъ пировъ, при томъ въ каждой мѣстности и племени чтутся свои пиры.

Въ сектѣ носавридовъ, хотя и теологія оказывается въ нѣкоторой мѣрѣ разработанной, однако все еще вмѣстѣ съ религіозными выступаютъ и соціальные элементы и элементы политическіе. Чисто религіозными направленіями въ исламѣ явились мутазилитизмъ и суфизмъ. Первыхъ называютъ раціоналистами, а вторыхъ—мистиками ислама.

Еще до Магомета у арабовъ велись споры *о кадарѣ и джабрѣ*, по нашему—о свободѣ воли и детерминизмѣ. Коранъ, какъ мы говорили, въ сущности не рѣшаетъ этого спора, но косность попыталась извлечь изъ него рѣшеніе въ пользу джабра. Суевѣріе и невѣжество такъ понятый коранъ обожествило. Въ ряду мыслящихъ людей, которые выступили противъ этого, былъ Хасанъ, сынъ усыновленнаго Магометомъ Зейда. Воззрѣнія Хасана во всей ихъ полнотѣ неизвѣстны. Но нѣкоторые разсказы о немъ заставляютъ причислить его къ противникамъ ортодоксальнаго направленія. Такъ, по одному разсказу, когда ему сказали, что омаядскіе халифы, совершая звѣрства, говорятъ, что ихъ дѣйствія предопредѣлены Богомъ, Хасанъ сказалъ:

врутъ враги Божіи. У Хасана была школа. Въ эту школу въ ряды слушателей вошелъ нѣкто Василь - ибнъ - Ата. Надо полагать, что онъ скоро сталъ расходиться въ воззрѣніяхъ съ своимъ учителемъ и среди его учениковъ навербовалъ себѣ приверженцевъ. Однажды на лекціяхъ Хасана какой-то изъ слушателей обратился къ нему съ такимъ вопросомъ: имамъ религіи! Явились люди, говорящіе, что тотъ, кто совершилъ смертный грѣхъ, уже не принадлежитъ къ мусульманской общинѣ и занимаетъ тоже положеніе, какъ и невѣрующіе. И есть другіе люди говорящіе, что безнравственные поступки не вредятъ человѣку, если онъ вѣритъ. Вообще грѣхъ не вредитъ вѣрующему и добрыя дѣла не помогаютъ невѣрующему. Хасанъ задумался. Тогда поднялся Василь и сказалъ, что, по его мнѣнію, совершившій смертный грѣхъ не есть ни вѣрующій, ни невѣрующій, онъ занимаетъ средину между тѣмъ и другимъ. Затѣмъ Василь поднялся и удалился въ одинъ изъ угловъ школы, гдѣ началъ развивать свои воззрѣнія слушателямъ. Изъ этого разсказа слѣдуетъ, что за Василемъ послѣдовали слушатели. Хасанъ тогда сказалъ: Василь отдѣлился отъ насъ (мутазилиты— отдѣлившіеся). Такъ Хасанъ и нашелъ имя и указалъ моментъ возникновенія ученія несогласнаго съ его собственнымъ. Многіе отъ Хасана перешли къ Василю. Полагаютъ, что Василь намѣтилъ всѣ существенные пункты мутазилитскаго ученія. Важнѣйшій — хотя хронологически, можетъ быть, и не первый—теоретическій вопросъ, отдѣлившій мутазилитовъ отъ тогдашнихъ ортодоксальныхъ суннитовъ, былъ вопросъ о единствѣ Божіемъ. Сунниты обыкновенно насчитывали семь божественныхъ свойствъ: жизнь, знаніе, сила, воля, слухъ, зрѣніе, рѣчь. По суннитамъ Богъ живетъ вслѣдствіе того, что существуетъ у него аттрибутъ жизни, обладаетъ всевѣдѣніемъ, потому что владѣетъ аттрибутомъ знанія, говоритъ, потому что обладаетъ способностію рѣчи. Согласно этому воззрѣнію аттрибуты обособлялись отъ Бога и кромѣ того въ представленіе Божества вносился антропоморфизмъ. Противъ этого Василь выдвинулъ ученіе объ абсолютномъ единствѣ Божества. Но это ученіе разработали уже послѣдующіе мутазилиты. Повидимому, Василь много останавливался на вопросѣ о свободѣ воли, стоящемъ въ неразрывной связи съ вопросомъ о грѣхѣ и мздовоздая-

ніи, изъ-за котораго онъ разошелся съ своимъ учителемъ Хасаномъ. Воззрѣнія Василя по этому пункту сводились къ тому, что добро и зло, вѣра и невѣріе, послушаніе и непослушаніе зависятъ отъ самого человѣка. Тезисъ Василя о мусульманинѣ, совершившемъ смертный грѣхъ, что онъ не принадлежитъ ни къ правовѣрнымъ, ни къ невѣрнымъ, показываетъ, что у него уже вполнѣ назрѣлъ и по своему былъ обдуманъ вопросъ о взаимоотношеніи вѣры и добродѣтели въ дѣлѣ спасенія. Нужна ли только вѣра или только добродѣтель или то и другое вмѣстѣ? То, что сказалъ Василь Хасану, показываетъ, что во всякомъ случаѣ онъ полагалъ добродѣтель существеннымъ условіемъ спасенія. Полагая добродѣтель дѣломъ *кадара*, онъ тѣмъ самымъ дѣло спасенія ставилъ въ преимущественную зависимость отъ самого человѣка. На чемъ утверждалъ Василь свои догматическія заключенія? Онъ искалъ для нихъ опоры въ коранѣ и хадисѣ, но когда рѣчи корана и повѣствованія хадиса представлялись неясными, онъ аппеллировалъ къ здравому смыслу. При несогласованности различныхъ мѣстъ корана, рѣшающій голосъ по вопросу объ истинѣ оказывался принадлежащимъ здравому смыслу. При этомъ, видно, Василь и затѣмъ его преемники не стремились оправдать свои рѣшенія тѣмъ, что они согласны со всѣмъ кораномъ, что коранъ на самомъ дѣлѣ себѣ не противорѣчитъ, что его кажущіяся несогласія должно объяснять такъ то и такъ то, т. е. они не обращались къ тому методу, которымъ необходимо долженъ руководиться человѣкъ вѣрящій въ богодухновенность книги. Еслибы мутазилиты считали коранъ божественнымъ откровеніемъ, то они тогда должны бы были отрицать въ немъ существованіе противорѣчій, такъ какъ откровеніе само себѣ противорѣчить не можетъ, и не могли бы допускать никакой истины внѣ корана ему противорѣчащей. Мутазилиты рано допустили то и другое. Тогда долженъ былъ возникнуть вопросъ о значеніи корана. Вопросъ этотъ у суннитовъ и мутазилитовъ былъ поставленъ нѣсколько своеобразно, именно они стали спорить о томъ— сотворенъ коранъ или нѣтъ? При чемъ ортодоксалисты говорили о несозданности корана, между тѣмъ какъ мутазилиты настаивали на его сотворенности. Можетъ показаться страннымъ, почему ортодоксалисты взялись защищать та-

кой рискованный тезисъ. Мутазилиты, настаивая на непререкаемо утверждаемой Магометомъ истинѣ единства Божія, указывали, что признаніе корана несозданнымъ есть удвоеніе Божества. Только единое-несозданное, только единое-вѣчное; нельзя рядомъ съ существомъ Единаго поставлять проявленія Его существа или Его созданія. Въ этихъ разсужденіяхъ, повидимому, нѣтъ ничего, что бы противорѣчило духу или буквѣ корана. Но мутазилиты и ортодоксалисты думали не совсѣмъ то, что говорили, и понимали относительно другъ друга, что каждый думаетъ. Коранъ есть нѣчто сотворенное. Наблюденіе показываетъ, что сотворенное обыкновенно заключаетъ въ себѣ и дурное и хорошее. A priori значитъ, коранъ нельзя безусловно считать хорошимъ или истиннымъ, нужно анализировать его содержаніе. Вотъ мутазилитъ останавливается на III сурѣ. „Да погибнутъ обѣ руки Абу-Лахаба (дяди Магомета) и да погибнетъ онъ самъ. Богатство и дѣла его не послужатъ ему ни къ чему. Онъ будетъ сожигаемъ въ пылающемъ огнѣ такъ же, какъ жена его, носительница дерева (по преданію бросала колючки на путь Магомета)? Къ шеѣ у нея будетъ привязана веревка изъ пальмовыхъ волоконъ“. Не можетъ быть, чтобы авторомъ такихъ проклятій былъ Богъ. Эта сура—созданіе человѣческое и при томъ завѣдомо грѣшащая въ сферѣ нравственной чистоты. Отсюда выводъ, что коранъ не богодухновененъ. Но тогда исламъ теряетъ для себя незыблемую и непререкаемую основу. Споръ о сотворенности или несотворенности корана былъ въ сущности споромъ о богодухновенности или небогодухновенности его содержанія. Въ своемъ раціоналистическомъ стремленіи мутазилиты шли къ тому, чтобы традиціонныя основы религіи замѣнить руководствомъ разума и совѣсти. Ортодоксалисты видѣли, что это мутазилитское движеніе на мѣсто прочныхъ „столповъ“ ислама хочетъ поставить измѣнчивыя и капризныя требованія индивидуальнаго духа. Понятно, что они могли придти къ заключенію, что должно ратовать за догматъ о несотворенности корана. Въ исторіи нерѣдко бывали такіе случаи, что возникалъ споръ, казавшійся пустымъ, празднымъ, основаннымъ на недоразумѣніи, споръ объ і и постороннимъ наблюдателямъ представлялось непонятнымъ, почему спорящія партіи ратуютъ за свое і такъ горячо и рѣшительно. На-

блюдатели готовы высказать сентенцію, подобную той, которую высказалъ нѣкогда Левъ X о богословскихъ диспутахъ Лютера и Экка: „Это—праздный споръ праздныхъ монаховъ“, но на самомъ дѣлѣ подобные споры порою представляютъ борьбу двухъ міровоззрѣній за обладаніе и торжество. Торжество мутазилитизма было бы гибелью ислама, и гибель мутазилитизма если не обезпечивала, то во всякомъ случаѣ обусловливала существованіе религіи Магомета.

Между ортодоксалистами и мутазилитами началась борьба. О Василѣ, основателѣ секты мутазилитовъ, обыкновенно полагаютъ, что онъ не излагалъ письменно своихъ взглядовъ, но это довольно мудрено согласить съ принимаемымъ тѣми же авторами фактомъ, что Василь подавалъ апологію Абдуль-Малину-бен-Мервана и что будто бы эта апологія значительно смягчила отношенія омаядскихъ халифовъ къ мутазилитамъ [1]). Продолжателемъ дѣла Василя былъ Амръ-бенъ-Убайда. По всей вѣроятности первые мутазилиты, какъ обыкновенно первые основатели новыхъ религіозныхъ ученій, были стойкими нравственными личностями и ихъ нравственныя достоинства подкупали въ ихъ пользу халифовъ, которые по существу не должны бы были имъ сочувствовать. О халифѣ Мансурѣ разсказываютъ, что онъ любилъ призывать къ себѣ Амра и предлагалъ ему за тѣ совѣты, которые тотъ давалъ, денежныя и иныя награды. Но Амръ попросилъ себѣ въ награду лишь, чтобы халифъ не посылалъ за нимъ, а ждалъ, когда онъ придетъ самъ. Значитъ, мы тебя больше не увидимъ, сдѣлалъ выводъ халифъ. Въ первое время своего существованія мутазилиты подвергались преслѣдованіямъ. Даже сравнительно либеральный Гарунъ-али-Рашидъ порой заключалъ ихъ въ тюрьму. Но постепенно положеніе ихъ улучшалось. Мутазилиты были людьми мысли, культуры, прогресса. Халифы тоже задались мыслію насадить классическую культуру въ своихъ владѣніяхъ. Естественно имъ въ своихъ просвѣтительныхъ стремленіяхъ было искать опоры у мутазилитовъ. И вотъ при Альмамунѣ, преемникѣ Гарунъ-али-Рашида, мутазилитизмъ сталъ религіей покровительствуемою правительствомъ. Поучительно отмѣтить, что смѣна религіознаго міровоззрѣнія нисколько сначала не от-

[1]) См. Жузе-Мутазилиты, стр. 46—47 и 53.

разилась на нравахъ. Перемѣнились только роли: преслѣдовавшіе стали преслѣдуемыми и наоборотъ. Тюрьма, пытки, засѣченіе на смерть бичомъ, отсѣченіе головы при Аль-Мамунѣ и его преемникахъ были также средствами религіознаго вразумленія, какъ они были ими раньше. Богословъ Ибнъ-Хабаль былъ забичеванъ до смерти при халифѣ Мутасимѣ за то, что исповѣдывалъ божественность корана.

Провозглашеніе мутазилитскаго ученія государственнымъ нужно относить къ 827 г. нашей эры, когда халифъ Аль-Мамунъ издалъ указъ, которымъ преслѣдовался ранѣе считавшійся ортодоксальнымъ взглядъ на коранъ. Въ 833 г. этотъ указъ былъ дополненъ новымъ, весьма вразумительно указывавшимъ, что ожидаетъ тѣхъ и какъ будутъ трактоваться тѣ, которые держатся стараго взгляда. Содержаніе новаго указа слѣдующее. „Повелитель вѣрующихъ узналъ, что многочисленная масса народа изъ низшаго сословія и подонковъ общества, которая не въ состояніи самостоятельно думать, разсуждать и руководиться свѣтомъ науки и ея доказательствами, совершенно не имѣетъ яснаго представленія о Богѣ и заблуждается относительно истинной Его религіи. Она не въ состояніи достойно почитать Бога, имѣть о Немъ необходимое и вѣрное представленіе и различать Его отъ Его тварей. Вотъ почему она сравнила Бога съ Его твореніями и съ тѣмъ, что Онъ ниспослалъ изъ корана. Она единодушно рѣшила, что коранъ вѣченъ, не сотворенъ и не созданъ Богомъ; тогда какъ Богъ Всевышній прямо говоритъ: мы сдѣлаемъ его арабскимъ кораномъ“. Мѣсто, на которое ссылается здѣсь указъ, на самомъ дѣлѣ обыкновенно переводятъ такъ: мы послали его (коранъ) на арабскомъ языкѣ (сура 43, 2). Но указъ Аль-Мамуна принимаетъ слово въ другомъ значеніи. Указъ разсуждаетъ такъ: „Все, что сдѣлано Богомъ, сотворено Имъ, какъ объ этомъ сказалъ Самъ Богъ Всевышній: Онъ (Богъ) сотворилъ тьму и свѣтъ, а также: такъ разсказываемъ Мы тебѣ о нѣкоторыхъ событіяхъ, бывшихъ до тебя и даемъ тебѣ отъ Себя знаніе (сура 20, 99). Этимъ Богъ подтверждаетъ, что Онъ передаетъ Магомету разсказы, послѣ которыхъ коранъ былъ сотворенъ. Въ другомъ мѣстѣ Богъ говоритъ: писаніе... знаменія его мудро расположены и ясно изложены (11, 42, 44). Это показываетъ, что Самъ Богъ расположилъ и изложилъ свою книгу (ко-

ранъ), слѣдовательно Онъ ее сотворилъ и создалъ. Затѣмъ они (противники сотворенности корана) причисляютъ себя къ послѣдователямъ сунны и считаютъ однихъ себя людьми истины и представителями мусульманской общины, на другихъ же смотрятъ какъ на заблуждающихся еретиковъ. Они этимъ слишкомъ возгордились, ввели въ заблужденіе невѣжественную толпу и переманили на свою сторону людей ложнаго благонравія и притворнаго благочестія. Они отклонились отъ истины къ лжи и отступили отъ Бога. На этомъ основаніи повелитель вѣрующихъ справедливо находитъ, что упомянутые люди—самая худшая часть мусульманскаго общества, такъ какъ они не признаютъ единства божества; они ничто иное какъ сосуды глупости, знамя лжи и языкъ сатаны, говорящаго въ своихъ послѣдователяхъ и нападающаго на своихъ враговъ, преданныхъ божественной религіи. Въ правотѣ вѣроученія подобныхъ людей нельзя усомниться: ихъ свидѣтельскія показанія не должны быть принимаемы во вниманіе и никто изъ слабыхъ и невѣжественныхъ въ дѣлахъ вѣры не долженъ быть руководимъ ими, чтобы не сдѣлаться слѣпыми во всѣхъ другихъ дѣлахъ. Клянусь жизнію повелителя вѣрующихъ, что самый лживый изъ людей тотъ, кто говоритъ и выдумываетъ ложь о Богѣ и Его откровеніи и не имѣетъ о Немъ правильнаго представленія. Итакъ, позови къ себѣ всѣхъ кади, находящихся въ Багдадѣ, прочитай имъ нашъ указъ, узнай, что они говорятъ (о коранѣ), разузнай, какъ они учатъ о его сотворенности и созданности и сообщи имъ, что я поступаю въ данномъ случаѣ самостоятельно и что я не буду довѣрять тѣмъ, чья вѣра сомнительна. Если они признаютъ (сотворенность корана), прикажи имъ изложить на бумагѣ и при свидѣтеляхъ свои мнѣнія о коранѣ; тѣхъ же, которые откажутся признать догматъ о сотворенности корана, лиши права свидѣтельства и напиши намъ обо всемъ, что касается судей ввѣренной тебѣ области“ [1]).

Изъ указа Мамуна собственно не вытекаетъ ни одного либеральнаго вывода. Коранъ разсматривается въ немъ какъ слово Божіе, каждое изреченіе корана признается неоспоримою истиной. Указъ преслѣдуетъ лишь теорію несотворен-

[1]) Ibid. стр. 192—194.

ности корана. Но съ этой теоріей связывалась практика почитанія, доходившая до обожанія. Призывъ къ меньшему почитанію, слышащійся въ указѣ въ пониманіи народа долженъ былъ становиться призывомъ къ непочитанію. Кумиръ, спущенный съ педьестала на одну ступень, въ глазахъ народа перестаетъ быть кумиромъ. Вотъ почему для той толпы, которая приняла указъ Мамуна, какъ истину, коранъ немедленно долженъ былъ стать предметомъ, который можно трактовать совершенно свободно и къ каковому позволительно и фривольное отношеніе. Къ свободной оцѣнкѣ корана и сознательно и безсознательно стремились мутазилиты. У Магомета трудно найдти идею прогресса въ исторіи откровенія. Можно толковать нѣкоторыя мѣста корана въ этомъ смыслѣ, но чтеніе корана въ общемъ не подсказываетъ этой идеи и ее обыкновенно не выводили послѣдователи ислама. Для мутазилитовъ эта идея должна была представляться привлекательной. Но эта идея сама по себѣ имѣетъ мистическій смыслъ, если принять, что нужно ждать новыхъ и новыхъ откровеній свыше. У мутазилитовъ ей была сообщена раціоналистическая постановка: не свыше къ человѣку приходятъ новыя истины, а путемъ изученія и самодѣятельности человѣкъ узнаетъ новыя истины. Разумъ и наука, какъ это говоритъ уже указъ Мамуна, вѣрные ключи къ истинному Богопознанію.

Однако указъ предполагалъ, что истина—въ коранѣ; слѣдовательно, разумъ и наука должны прежде всего обратиться къ изслѣдованію этой книги. Мутазилиты такъ и поступали. Они создали *калямъ*. Слово *калямъ* сближаютъ съ греческимъ *λόγος*, оно значитъ слово, рѣчь, разговоръ, отъ *λόγος* происходитъ *λογία* и въ частности *Θεολόγια*. У мусульманъ кромѣ *Θεὸς* не къ чему было приставить *λογία* и поэтому ихъ *калямъ* сталъ обозначать богословіе. Г. Жузе въ своемъ изслѣдованіи о мутазилитахъ, нѣкоторыми свѣдѣніями изъ какового изслѣдованія пользуемся и мы, предполагаетъ, что калямъ возникъ подъ вліяніемъ и по образу христіанской догматики и въ своей судьбѣ прошелъ двѣ фазы, въ первой изъ нихъ онъ является съ типомъ догматическаго, а во второй съ типомъ основного богословія. Не думая оспаривать въ цѣломъ этого предположенія и этихъ сравненій, позволительно однако замѣтить, что и для принятія ихъ суще-

ствуютъ затрудненія. Если бы христіанская догматика повліяла на возникновеніе каляма, она сказалась бы не въ формѣ его только, но и на содержаніи, произошло бы и усвоеніе чего-либо изъ христіанской догматики, явились полемическіе походы противъ нея. Пока не выяснено существованіе такого элемента въ калямѣ, трудно говорить о вліяніи на него христіанской догматики. Затѣмъ существенное различіе каляма съ одной стороны и догматическаго и основного богословія съ другой заключается въ слѣдующемъ. Въ христіанскомъ богословіи истина есть данное, ее нужно понять, обосновать, но она уже дана. А что не дано какъ истина, что нужно отыскивать и относительно чего можно спорить, то не важно. Въ калямѣ истина въ сущности есть искомое. Она не дана, не утверждена ни на какихъ соборахъ. Сначала калямъ искалъ ее въ коранѣ, но въ процессѣ своего развитія онъ все болѣе и болѣе эмансипировался отъ этой книги. При построеніи своей системы мутазилиты исходнымъ своимъ началомъ имѣютъ коранъ, но чѣмъ далѣе они шли, тѣмъ болѣе отходили отъ этого начала. Свое религіозное міровоззрѣніе они все болѣе и болѣе построяли раціоналистически. Могучимъ служебнымъ орудіемъ для этой цѣли явилась въ ихъ рукахъ греческая философія. Со временъ Аль-Мамуна греческихъ философовъ стали переводить на арабскій языкъ. Частію ихъ переводили съ сирскаго и частію это дѣлали христіане (по преимуществу несторіанскаго толка). Какъ выдѣляющагося переводчика и комментатора Аристотеля при Аль-Мамунѣ нужно назвать Кенди или Аль-Кенди. Аристотель наиболѣе понравился мусульманамъ, повидимому его философскія соображенія въ ихъ глазахъ представились наиболѣе ясными богословскими доводами, а его логика явилась для богослововъ ислама самымъ нужнымъ оружіемъ въ ихъ постоянныхъ богословскихъ спорахъ. Кенди много писалъ и по математикѣ и по медицинѣ и имъ былъ написанъ трактатъ о единствѣ Божіемъ повидимому въ мутазилитскомъ духѣ. Мутазилитовъ прозвали ашаб-аль-адль-валь-таухидъ — сторонники справедливости и единства. Подъ единствомъ разумѣлось единство Бога, подъ справедливостью тоже справедливость Божія, состоящая въ томъ, что человѣку дана возможность поступать какъ ему угодно (человѣкъ владѣетъ *кадаромъ*) и что человѣкъ полу-

чить отъ Бога возмездіе сообразно своимъ свободнымъ поступкамъ.

Эллинская философія, положительная наука, раціоналистическое богословіе начали процвѣтать при либеральныхъ халифахъ. Но богословіе, не принимающее высшаго авторитета, существуетъ лишь, пока разрушаетъ. Его попытки строить и утвердить свои догматы всегда кончаются крушеніемъ. Государственный успѣхъ мутазилитизма причинилъ много скорби суннитамъ, были многіе случаи и неискренняго и искренняго принятія началъ мутазилитизма, но по существу суннизмъ продолжалъ оставаться сильнымъ. Были и мученики и исповѣдники суннизма. Когда религія торжествуетъ, важнѣйшіе посты въ ряду ея служителей часто замѣщаются сравнительно малодостойными лицами; когда религія подвергается преслѣдованію, верховными руководителями гонимыхъ являются наиболѣе сильные и мощные духомъ. Когда гнали мутазилитовъ, нравственныя достоинства ихъ вождей привлекали симпатіи халифовъ. Когда стали преслѣдовать суннитовъ, халифамъ пришлось познакомиться съ высокими достоинствами послѣднихъ. Существуетъ слѣдующій разсказъ о халифѣ Ватикѣ, горячемъ приверженцѣ мутазилитовъ, жестоко преслѣдовавшемъ противниковъ мутазилитизма: Одинъ старикъ изъ Мазизаха долго томился въ темницѣ за свою приверженность къ суннѣ. Этотъ старикъ, разсказываетъ Мухтади, сынъ Ватика, былъ приведенъ на судъ къ послѣднему. Представши предъ халифомъ, старикъ сказалъ: миръ тебѣ, но халифъ ничего не отвѣчалъ на привѣтствіе. „Тогда старикъ сказалъ: князь правовѣрныхъ, почему ты не придерживаешься добраго обычая, соблюдавшагося самимъ пророкомъ? Вѣдь въ коранѣ сказано: когда привѣтствуютъ васъ какимъ-либо привѣтствіемъ, то привѣтствуйте ихъ лучшимъ онаго привѣтствіемъ, или отвѣчайте такимъ же (сур. 44, 88). Тогда халифъ отвѣтилъ ему привѣтствіемъ и приказалъ затѣмъ своему главному кади Ибнъ-абу-Дауду, извѣстному мутазилиту приступить къ допросу приведеннаго. Но старикъ опять обратился къ халифу, говоря: князь правовѣрныхъ, когда я молился въ тюрьмѣ, то мнѣ нельзя было совершить омовенія водой, а приходилось замѣнять воду пескомъ—прикажи поэтому, чтобы сняли мои оковы, принесли воды и позволили мнѣ

прежде совершить молитву. Ватикъ позволилъ ему. Когда старикъ окончилъ свою молитву, поднялся и обратившись сказалъ главному кади: позволь мнѣ теперь узнать, догматъ вѣры, который ты защищаешь, былъ ли высказанъ самимъ пророкомъ?—Нѣтъ, отвѣчалъ Абу-Даудъ.—Такъ проповѣдывали ли его по крайней мѣрѣ Абу-бекръ, Омаръ, Османъ или Али?—Нѣтъ, опять отвѣтилъ кади.—Теперь, если такого ученія не высказывали ни пророкъ, ни Абу-бекръ, ни Омаръ, ни Османъ и ни Али, то какъ же теперь ты распространяешь его? Конечно ты можешь сказать, что они хотя знали о немъ, но сочли за лучшее умолчать. Но если они молчали, то и мы должны также поступать; но если ты скажешь, что они молчали только потому, что не знали этого ученія, то на это я возражу тебѣ: какъ же ты, несчастный, можешь знать такія вещи, какихъ не зналъ пророкъ Божій, ни первые благочестивые халифы. Тутъ увидалъ я, продолжаетъ Мухтади, что мой отецъ вскочилъ съ мѣста и зажавъ ротъ отъ смѣха, побѣжалъ въ свой кабинетъ и тамъ произнесъ: старикъ правъ“ [1]).

Въ этомъ разсказѣ можно признать безспорно истиннымъ фактъ, что мыслящіе сунниты очень скоро поняли всю неразумность претензій мутазилитовъ, которые хотѣли, чтобы питали религіозную вѣру въ ихъ самоизмышленные догматы. Когда человѣкъ приглашаетъ вѣрить въ полученное имъ откровеніе, его претензія понятна, но когда человѣкъ требуетъ вѣры въ выводы своего разума относительно божественнаго, его претензія всегда будетъ несправедливой. Разуму такого учителя вѣры каждый имѣетъ право противопоставить свой собственный разумъ. Мутазилиты понимали это и оффиціально пытались прикрываться кораномъ. Но незаконность ихъ притязаній на солидарность съ этой книгой подмѣтить было легко. Это была одна сторона дѣла. Мутазилиты не имѣли для своей доктрины опоры религіознаго характера. Но безупречны ли были ихъ соображенія отъ разума въ пользу своей доктрины? Мутазилиты полагали, что они выяснили себѣ Божество и Его отношенія къ человѣчеству такъ, что разумъ и совѣсть послѣдняго не должны были волноваться болѣе никакими сомнѣніями. Но такъ ли

[1]) Ibid. стр. 69—70.

это? Въ X столѣтіи у знаменитаго мутазилитскаго ученаго Алъ-Джуббаи былъ ученикъ Абулъ-Хасанъ-аль-Ашари. Онъ былъ ревностнымъ мутазилитомъ и проявлялъ большую талантливость. Джуббаи могъ расчитывать на него, какъ на успѣшнаго продолжителя своего дѣла. Но надежды Джуббаи не оправдались. Преданіе разсказываетъ, что между учителемъ и ученикомъ однажды произошелъ такой разговоръ. Учитель, сказалъ Ашари, представимъ себѣ, что было три брата: одинъ былъ искренно вѣрующій и благочестивый человѣкъ, другой былъ невѣрующій, третій былъ малолѣтній ребенокъ. Представимъ себѣ, что они всѣ трое умерли. Какая участь ожидаетъ каждаго изъ нихъ?—Вѣрующій, отвѣтилъ Джуббаи, достигнетъ неизмѣримой высоты на небесахъ, невѣрующій попадетъ въ адъ, а ребенокъ хотя и будетъ спасенъ, но однако не будетъ превознесенъ наравнѣ со своимъ вѣрующимъ и благочестивымъ братомъ.—Представимъ себѣ, продолжалъ Ашари, что ребенокъ возгорѣлся желаніемъ подняться на туже высоту, на которой находится его братъ, будетъ ли ему это дозволено? — Нѣтъ; ему скажутъ: братъ твой достигъ своего мѣста благодаря постоянному послушанію волѣ божіей, которое онъ много разъ проявлялъ въ своей жизни; ты же не дѣлалъ этого.—А если ребенокъ отвѣтитъ: въ томъ не моя вина. Богъ далъ мнѣ мало жизни и тѣмъ лишилъ меня возможности выказывать ему мою готовность повиноваться его волѣ.—На это Господь возразитъ ему: я зналъ, что еслибы я даровалъ тебѣ болѣе продолжительную жизнь, ты сдѣлался бы ослушникомъ моей воли и заслужилъ бы мученія ада. Назначивъ тебѣ раннюю смерть, я сдѣлалъ тѣмъ тебѣ благо. — Хорошо, но представь себѣ, что невѣрующій, услышавъ это, скажетъ: Алла. Ты такъ же зналъ, что и меня ожидало. Почему же ты не сдѣлалъ такъ, какъ было бы для меня лучше, почему ты не далъ мнѣ умереть малолѣтнимъ? — Ты одержимъ нечистой силой, если позволяешь себѣ разсуждать такимъ образомъ, сказалъ Джуббаи [1]).

Джуббаи былъ вотчимомъ Ашари (былъ женатъ на его матери), но и эта родственная связь не удержала Ашари отъ разрыва съ мутазилитами. Однажды въ пятницу въ большой

[1]) Уманецъ—Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ, стр. 19.

Басарской мечети Ашари торжественно объявилъ, что онъ раскаивается въ томъ, что держался еретическихъ заблужденій, что онъ признаетъ теперь предсуществованіе корана, существованіе божественныхъ аттрибутовъ и предопредѣленіе человѣческихъ дѣйствій. Божественные аттрибуты мыслились реальностями по грубо антропоморфному типу у сифатитовъ (аттрибутъ по арабски — сифатъ), свобода воли отрицалась джабаритами. Ашари принялъ воззрѣнія тѣхъ и другихъ, но нѣсколько въ смягченномъ видѣ. Вѣрно, говорили ашариты, что божественные аттрибуты отличны отъ божественной сущности, но это правильно понимаютъ тѣ, которые признаютъ, что должно избѣгать всякаго сравненія Творца съ тварью и что не должно понимать буквально антропоморфизмъ корана. Вѣрно также, что всѣ человѣческія дѣйствія производятся Божественнымъ всемогуществомъ, что вѣчная и абсолютная божественная воля есть единственная причина всего того, что есть и что совершается такъ, что Богъ есть единственный виновникъ всего добра и всего зла. Его воля не можетъ быть отдѣляема отъ Его предвѣдѣнія. Однако человѣкъ имѣетъ нѣчто, что ашариты называли *касбъ*—пріобрѣтенное, т. е. онъ нѣкоторымъ образомъ участвуетъ въ произведеніи созданныхъ вещей и черезъ это становится заслуживающимъ награды или наказанія. Реальное содержаніе этого касба трудно опредѣлимо, но во всякомъ случаѣ онъ представляется нѣкоторымъ прибѣжищемъ для спасенія отъ тѣхъ безотрадныхъ моральныхъ и религіозныхъ выводовъ, къ которымъ приводитъ детерминизмъ.

Раскаяніе въ еретическихъ заблужденіяхъ овладѣло Ашари тогда, когда халифы давно уже вступили на путь правовѣрія. Теорія Ашари дала халифамъ новое оружіе въ борьбѣ съ мутазилитскою ересью; доселѣ они опирались на толпу, сочувствовавшую суннизму и на свою силу, а теперь къ нимъ присоединился еще разумъ. Мутазилитизмъ былъ подавленъ и сталъ постепенно исчезать, т. е. онъ пришелъ къ своему естественному концу, онъ порвалъ связь съ кораномъ и пересталъ быть религіей. Но не могла удержаться и мутазилитская философія. Она должна была преобразоваться подъ вліяніемъ тѣхъ философскихъ рессурсовъ, которыми тогда располагали арабы. А это были—Аристотель въ неоплатоническомъ освѣщеніи и сочиненія неоплатониковъ. Мо-

жетъ быть какъ синтезъ арабскаго мутазилитизма съ этими доктринами нужно разсматривать позднѣйшія ученія Ибнъ-Сины (Авицены, 980—1037) и Ибнъ-Рошда (Аверроеса, около 1126—1198). Первый изъ нихъ ближе къ мутазилитамъ, второй идетъ отъ нихъ гораздо далѣе. У перваго еще можно найти теорію индивидуальности души и ея посмертнаго существованія и связанныя съ этимъ религіозныя представленія. Для Ибнъ-Рошда понятіе вѣчной индивидуальности души есть химера. Уже у Ибнъ-Сины принимается по существу неоплатоническая теорія истеченія всего изъ единаго, прежде всего разумныхъ сферъ, а у Ибнъ-Рошда это единое и его интеллектъ и есть единая вѣчная реальность, блаженный удѣлъ человѣка соединиться и, такъ сказать, исчезнуть въ этомъ высшемъ интеллектѣ. Любопытно однако, что Ибнъ-Рошдъ старался сохранить репутацію добраго мусульманина, онъ обращался къ корану, какъ откровенію, обыкновенно только толковалъ его произвольно, но порою его философія неожиданно сближалась съ повидимому противорѣчивою буквою корана. Это—въ вопросѣ о кадарѣ и джабрѣ. Въ коранѣ, разсуждалъ Ибнъ-Рошдъ, находятся мѣста ясно говорящія, что все предопредѣлено, и другія, приписывающія человѣку самодѣятельность въ его дѣлахъ. Точно также философія съ одной стороны, повидимому, противится тому, чтобы мы разсматривали человѣка какъ абсолютнаго виновника его дѣяній, ибо тогда эти дѣянія были бы твореніемъ независимымъ отъ первой причины или Бога, а этого философія не можетъ допустить, но съ другой стороны, если мы примемъ, что человѣка все то, что онъ дѣлаетъ, заставляютъ производить нѣкоторые неизмѣнные законы, что онъ водится рокомъ, которому не можетъ ничего противопоставить, мы получимъ, что всѣ труды человѣка, всѣ его усилія производить добро въ сущности представляютъ собою ничто. Но истина заключается въ справедливой серединѣ между двумя крайними мнѣніями. Наши дѣйствія зависятъ отчасти отъ нашей свободной воли и отъ нѣкоторыхъ причинъ внѣ насъ. Мы свободны желать дѣйствовать такъ или иначе, но наша воля всегда опредѣляется нѣкоторою внѣшнею причиною. Если, напр., мы видимъ что-нибудь, что намъ нравится, насъ влечетъ къ этому вопреки насъ самихъ; наоборотъ, мы по необходимости бѣжимъ отъ того, что

намъ не нравится. Такимъ образомъ наша воля всегда ограничена внѣшними причинами. Эти причины являются слѣдствіемъ неизмѣннаго порядка явленій, обусловленнаго общими законами природы. Одинъ Богъ знаетъ напередъ необходимую послѣдовательность, которая для насъ является тайной. Отношеніе нашей воли къ внѣшнимъ причинамъ опредѣляется законами естественными, которые въ религіозномъ ученіи называются кадха-валь-кадръ (опредѣленіемъ и предопредѣленіемъ).

Ибнъ-Рошдъ, извѣстный въ философіи подъ именемъ Аверроеса, считается обыкновенно наиболѣе выдающимся мыслителемъ изъ арабовъ. Нетрудно понять происхожденіе этого взгляда, хотя и трудно съ нимъ согласиться. Въ судьбахъ мусульманской доктрины фигура Ибнъ-Рошда не выдвигается ни положительнымъ, ни отрицательнымъ вліяніемъ. Но въ исторіи христіанской мысли судьба его стала иною. Латинскіе переводы сочиненій Ибнъ-Рошда сдѣлали имя его для христіанскихъ ученыхъ наиболѣе извѣстнымъ изъ арабскихъ мыслителей. Предметъ сочиненій Ибнъ-Рошда долженъ былъ глубоко заинтересовать ихъ. Ибнъ-Рошдъ комментировалъ Аристотеля, но Аристотель считался у средневѣковыхъ схоластиковъ авторитетнѣйшимъ руководителемъ въ дѣлѣ исканія истины. Сорбонна одно время серьезно ставила вопросъ о канонизаціи Аристотеля, т. е. о причисленіи этого языческаго философа къ лику христіанскихъ святыхъ. И вдругъ Ибнъ-Рошдъ изъ сочиненій этого кандидата во святые сталъ дѣлать нечестивые выводы и еще болѣе подсказывать ихъ. Въ своемъ трактатѣ De anima Ибнъ-Рошдъ устанавливалъ такія положенія относительно единства духа и интеллекта, что христіанскій богословъ сдѣлалъ такую глоссу: „отсюда можно вывести, что проклятая душа Іуды и святая душа Петра — одно и тоже, а это ересь“. Съ подобными еретическими выводами или положеніями схоластическіе ученые и считали нужнымъ полемизировать и своею полемикою они создали славу Ибнъ-Рошда. Однако и эта слава, повидимому, была только школьною. Ибнъ-Рошдъ не вліялъ на вѣрованія христіанскихъ массъ, какъ онъ мало оказалъ вліянія и на воззрѣнія мусульманъ [1]).

[1]) Капитальное сочиненіе о Ибнъ-Рошдѣ и его вліяніи принадлежитъ Ренану—Averroes et l' Averroisme. Теперь однако оно значительно уста-

У Ибнъ-Рошда въ сущности ясно и рѣзко развиваются пантеистическія воззрѣнія, но пантеизмъ если теоретически и раціоналистиченъ, то практически всегда мистиченъ. Самого Ибнъ-Рошда трудно упрекать въ мистицизмѣ, нельзя назвать мистикомъ и Ибнъ-Сину. Однако въ ихъ теоріяхъ, исшедшихъ изъ мутазилитическаго раціонализма, можно уже увидѣть поворотъ къ міросозерцанію рѣзко расходящемуся съ исходнымъ. Это иное міросозерцаніе существовало въ ихъ время, создало практику жизни и имѣло пережить мутазилитизмъ и дожить до нашихъ дней, это—міросозерцаніе суфіевъ—міросозерцаніе мистическое. Уже во дни Ибнъ-Сины, какъ представляетъ преданіе, между выдающимися мистиками и раціоналистами начало происходить нѣчто въ родѣ сближенія. Ибнъ-Сина и мистикъ Абу-Саидъ, говорятъ, разстались между собою послѣ продолжительнаго разговора съ такими отзывами другъ о другѣ. Первый сказалъ о второмъ: то, что я знаю, онъ видитъ; второй сказалъ о первомъ: то, что я вижу, онъ знаетъ.

Коранъ по существу деистиченъ, онъ стремится какъ можно рѣзче провести границу, отдѣляющую человѣка отъ Бога. Коранъ освящаетъ семью, бракъ, повидимому враждебенъ монашеству, аскетизму, но есть въ немъ мѣста, которыя направляютъ на путь аскетизма, а условія жизни и окружающей природы много содѣйствовали тому, чтобы вступали и шли на этотъ путь и чтобы на немъ доходили до крайняго мистицизма. Такъ, теоретически коранъ отдѣляетъ человѣка отъ Бога и привязываетъ человѣка къ семьѣ, а практически онъ многихъ заставилъ порвать съ семьею и искать интимнѣйшаго соединенія съ Богомъ. Для развитія мистицизма, конечно, нужно прежде всего психологическое расположеніе къ нему. На той территоріи, гдѣ исламъ возникъ и распространялся, такое расположеніе существовало. Сирійскія и египетскія пустыни знали много великихъ подвижниковъ. Ессеизмъ и ѳерапевтизмъ существовали въ этихъ и близкихъ къ этимъ областямъ также издавна. Охотно, повидимому, эта территорія воспринимала мистическія воззрѣ-

---

рѣло. Нѣсколько любопытныхъ соображеній см. въ статьѣ P. Alphandery—Ja-t-il eu un averroisme populaire au XIII-e et XIV siècle (въ Rev. de l' Histoire des Relig. 1902).

нія, шедшія съ востока и запада. Съ востока шло вліяніе браманизма и буддизма, съ запада—вліяніе неоплатонической философіи. Отшельничество, подвижничество издавна было извѣстно арабамъ и вообще всѣмъ послѣдователямъ ислама. Одинъ изъ факторовъ, который всегда направлялъ людей на путь отшельничества, это—неустойчивость, сомнительность и превратность человѣческаго благополучія. Чѣмъ менѣе человѣку гарантировано благополучіе въ мірѣ, тѣмъ больше и чаще онъ уходитъ изъ міра. Такая негарантированность благополучія въ мірѣ ислама, понятно, существовала въ высокой степени. За земное счастье ручаться нельзя, нужно заботиться о счастьѣ загробномъ. Но здѣсь коранъ ужаснѣйшими описаніями ада вразумляетъ правовѣрнаго, что земныя страданія—ничто въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которыя постигнутъ того, кто не будетъ вѣрнымъ служителемъ Аллаха. Какъ и земное счастіе—ничто въ сравненіи съ тѣми благами, которыя ждутъ вѣрнаго за гробомъ. Для того, чтобы избѣжать грядущихъ золъ и насладиться обѣщанными благами, лучше всего порвать съ мірскою жизнію и всецѣло употребить свою земную жизнь на приготовленіе къ жизни небесной. Отсюда—аскетизмъ, отшельничество.

Аскетизмъ называется по-арабски зохдъ и аскетъ по-арабски захидъ, но этотъ терминъ для обозначенія аскетовъ мистиковъ вытѣсненъ именемъ суфизмъ и суфій. Это слово пытались сближать съ греческимъ *σοφός*—мудрый и съ арабскимъ сафи, означающимъ чистоту, но теперь вообще принимается, что это наименованіе происходитъ отъ суфъ—шерсть и что суфій значитъ шерстяной, сермяжникъ, одѣтый въ сермяжную одежду, въ рубище, по толкованію суфіевъ, облеченный въ милоть подобную пророческой. Такимъ образомъ суфіи получили свое имя не отъ сущности своего ученія, а отъ внѣшняго знака, говорящаго о принадлежности къ этому ученію или еще болѣе свидѣтельствующаго объ извѣстномъ образѣ жизни. Сами суфиты склонны возводить свое ученіе къ Аллаху, отъ котораго его восприняли Джебраилъ (архангелъ Гавріилъ), Магометъ, Алій и Абу-Бекръ; даются и другія аналогичныя генеалогіи. Едва ли возможно теперь возстановить, какъ въ первоначальной мусульманской общинѣ зародились и стали осуществляться идеи под-

вижничества. Самъ Магометъ несомнѣнно не благоволилъ къ нему. Въ коранѣ въ уста Аллаха, между прочимъ, влагается слѣдующее: „мы послали по ихъ слѣдамъ (Ноя, Авраама) другихъ апостоловъ, какъ Іисуса сына Маріи, которому дали Евангеліе; мы положили въ сердца слѣдовавшихъ за ними учениковъ печаль и состраданіе, *жизнь монашескую они выдумали сами*. Мы только предписали желаніе угодить Богу; но они не наблюдали, какъ это слѣдовало“ (сура 57, 27) Едвали у непосредственныхъ друзей Магомета существовали аскетическія тенденціи. Но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него они развивались подъ авторитетомъ его имени. Магомету предписали изреченіе: „если бы вы знали то, что знаю я, вы разучились бы смѣяться и много бы плакали“. Въ нѣсколько варіированномъ видѣ эти слова повторилъ тотъ, кто считается основателемъ исламскаго монашества —Хасанъ Басрійскій (642—728). Онъ говорилъ: „кто читаетъ коранъ и вѣритъ въ него, тотъ всегда будетъ полонъ страха въ этомъ мірѣ и часто будетъ плакать“. Хасанъ организовалъ монашество въ исламѣ, хотя первый мусульманскій монастырь былъ выстроенъ лѣтъ 20 спустя послѣ смерти Хасана. Около этого времени для обозначенія мусульманскихъ подвижниковъ и сталъ употребляться терминъ суфій. Онъ имѣлъ строго правовѣрный смыслъ, такъ какъ обозначалъ подвижника, подвиги котораго состояли въ осуществленіи требованій ислама. Впослѣдствіи терминъ суфій сталъ вмѣстѣ обозначать и мистика. Аскетизмъ имѣетъ своимъ необходимымъ слѣдствіемъ мистицизмъ. Г. Крымскій въ своихъ работахъ о суфизмѣ склоненъ введеніе въ него мистическаго элемента приписывать вліянію сирійскихъ христіанъ и мусульманскихъ женщинъ. Первою женщиною—мистикомъ суфіи называютъ Рабію (современницу Хасана, умерла около 753 г.). Вмѣстѣ съ другими женщинами она посвятила жизнь духовнымъ подвигамъ, но ея основнымъ чувствомъ къ Богу была любовь, а не страхъ толкавшій другихъ на путь подвижничества. Ей приписывается много стиховъ, воспѣваемая любовь въ которыхъ обращается къ Божеству. Мистическія теоріи, конечно, могли и должны были содѣйствовать скорѣйшему превращенію аскетизма въ мистицизмъ, но переходъ перваго во второй есть вообще и физіологическая и психологическая необходимость. Можно

всѣ виды мистицизма признать, какъ это дѣлаютъ раціоналисты, патологическими, можно выдѣлять—и это долженъ принять каждый вѣрующій человѣкъ—изъ нихъ одинъ, какъ нормальный, признавая за остальными патологическій характеръ различной степени. Вѣдь, вѣрующій признаетъ возможность и желательность Богообщенія, общенія съ высшимъ міромъ, отсюда дѣйствительность богоявленій и явленія существъ высшаго міра, сказывающихся какъ въ особыхъ состояніяхъ духа вѣрующаго, такъ и во внѣшнихъ событіяхъ. Результатомъ аскетическихъ упражненій всегда является парализація внѣшней чувствительности (анестезія), но какъ бы въ возмѣщеніе этой потери растетъ чувствительность внутренняя. Духъ улавливаетъ воздѣйствія и вліянія неуловимыя въ обычномъ состояніи. Духъ подъ вліяніемъ аскетическихъ подвиговъ, вообще говоря, можетъ настраиваться различно, но несомнѣнно, что главнымъ образомъ аскетическіе подвиги вызывали въ нервной системѣ состоянія аналогичныя тѣмъ, которыя возбуждаются въ нихъ наркотическими веществами. Отсюда—обычный результатъ величайшихъ аскетическихъ подвиговъ въ браманизмѣ и другихъ религіяхъ—достиженіе болѣе или менѣе блаженнаго состоянія духа съ меньшею или большею утратою сознанія личности. Блаженство субъекта возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ въ немъ ослабѣваетъ сознаніе различія его отъ объекта. Конечно, такое состояніе духа не можетъ быть постояннымъ. Аскетическіе подвиги даютъ ему подготовку, а въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ вызывается спеціальными упражненіями, при чемъ разрѣшается двумя исходами: или ослабѣваніе сознанія различія завершится совсѣмъ потерей сознанія—обморокомъ или сознаніе различія станетъ усиливаться и постепенно сознаніе станетъ нормальнымъ. Обычно это возвращеніе къ нормальному состоянію соединяется съ болѣзненнымъ чувствомъ. Блаженно радостное, экстатическое состояніе вызываемое аскетическими подвигами, подавляя сознаніе личности, вноситъ въ сознаніе представленіе о сліяніи съ внѣшнимъ объектомъ. Этотъ объектъ есть универсъ или Божество, аскетъ становится однимъ съ универсомъ или Божествомъ. Такимъ образомъ онъ эмпирическимъ путемъ доходитъ до пантеистическихъ представленій, что и выразилъ Ибнъ-Сина въ своемъ отзывѣ объ Абу-Саидѣ: „то, что я знаю,

онъ видитъ". Аскетизмъ обыкновенно является мостомъ, приводящимъ отъ всякой формы религіи къ пантеистическому мистицизму. Исключеніе представляетъ лишь правильно христіанскій аскетизмъ, направленный не на подавленіе личности, а на возвышеніе личности, на высвобожденіе ея отъ низменныхъ влеченій какъ тѣлеснаго, такъ и духовнаго характера. Аскетизмъ мусульманъ, понятно, не могъ регулироваться святыми наставленіями Евангелія, поэтому онъ велъ туда же, куда издревле велъ аскетизмъ своихъ адептовъ. Мусульманскій аскетизмъ безъ всякихъ постороннихъ вліяній создалъ бы теорію мистическаго пантеизма, и то обстоятельство, что такія теоріи уже въ готовомъ видѣ предлагались правовѣрнымъ, лишь облегчило ихъ задачу.

О Хасанѣ Босрійскомъ говорятъ, что основнымъ его религіознымъ чувствомъ былъ страхъ предъ Богомъ. Можетъ быть, побужденіемъ для его религіозной практики послужило такое или подобное изреченіе корана: „знайте, что жизнь на этомъ свѣтѣ игра и пустяки; это—нарядъ, это—предметъ тщеславія между вами. Возрастаніе имущества и большое количество дѣтей подобно дождю; растенія, которыя онъ оживляетъ, нравятся невѣрнымъ; но они скоро вянутъ, и ты увидишь, что они желтѣютъ и почки сохнутъ. И подъ конецъ всего на томъ свѣтѣ страшное мученіе" (сура 57, 19, ср. 47, 38). Изреченіе подсказываетъ страхъ, но все равно аскетъ и черезъ страхъ можетъ подняться до блаженства любви. Въ коранѣ можно найти мало мѣстъ пессимистически говорящихъ подобно приведенному о суетности міра, но такія мѣста всетаки есть и фактъ суетности бытія они утверждаютъ ясно. Если ихъ принять за исходныя начала, то легко и другія изреченія корана и его метафоры истолковывать въ мистическомъ смыслѣ. Если міръ есть суета, призракъ, то Богъ есть единая, истинная реальность. Выраженія корана о его вездѣприсутствіи и всевѣдѣніи и должно понимать, что Онъ собственно и есть всесуществующій и всезнающій (см., наприм., суру 58, 8), а міръ есть призракъ бытія и знаніе человѣка есть призракъ знанія. Богъ ближе къ человѣку, чѣмъ гортанная жила, значитъ, Онъ пребываетъ въ человѣкѣ или, вѣрнѣе, человѣкъ получаетъ бытіе, пребывая въ Богѣ. Всѣ, кто находится на землѣ, проходимы, и вѣченъ только ликъ Твоего Бога всеславнаго, всемило-

серднаго. Если Богъ въ сущности есть единый существующій, то Онъ есть единый и дѣйствующій. „Не ты убилъ ихъ, говоритъ Богъ пророку по случаю побѣды надъ язычниками при Бедрѣ, но Богъ убилъ ихъ, и не ты убилъ того, кого ты убилъ, но Богъ его убилъ“. „Если съ тобою случится какое добро, то оно идетъ тебѣ отъ Бога. Зло идетъ отъ тебя“ (4, 81). Здѣсь, повидимому, остается еще элементъ самодѣятельности, хотя и довольно плачевной. Но вотъ въ другомъ мѣстѣ говорится: „Онъ (Богъ) кого хочетъ заблуждаетъ и кого хочетъ направляетъ“ (16, 95). Мы говорили, что общій контекстъ корана побуждаетъ толковать это и подобныя выраженія въ смыслѣ божественнаго попущенія зла, но особенность мистическаго мышленія между прочимъ заключается въ томъ, что оно понимаетъ буквально то, чего буквально нельзя понимать, и отрицаетъ букву тамъ, гдѣ ее всѣ признаютъ.

Если въ коранѣ при желаніи можно находить мистическій смыслъ, то его еще легче извлекать изъ преданія. Преданіе обыкновенно преобразуется въ желательномъ для передающихъ его смыслѣ. И въ уста Магомета оно вложило такія рѣчи. „Богъ раздѣлилъ любовь на сто частей, девяносто девять частей ея Онъ оставилъ Себѣ, а одну частицу отдалъ людямъ; какою бы любовію они ни любили другъ друга, они любятъ только благодаря этой частицѣ любви, данной имъ Богомъ“. „Когда Я возлюблю раба моего, сказалъ Господь, Я становлюсь его ухомъ, его глазомъ, его устами, такъ что онъ Мной слышитъ, видитъ, глаголетъ“. „Господь возсѣдаетъ въ сердцахъ вѣрныхъ Ему, какъ на тронѣ“. „Небо и земля, сказалъ Господь, не понимаютъ Меня, сердце увѣровавшаго въ Меня понимаетъ Меня“.

Эти изреченія преданія разъясняются сочиненіями суфіевъ. „Тайна души, говорилъ Сахоль-Ибнъ-Абдаллахъ, открылась въ первый разъ, когда фараонъ назвалъ себя богомъ“. „О, мой учитель, говорилъ одинъ суфій своему наставнику, ты довершилъ мое ученіе, научивъ меня, что ты—богъ и что все есть богъ“. „Я—выше всѣхъ вещей, я есть истина, я—богъ“, вотъ послѣдняя граница суфійскаго познанія. Любопытенъ разсказъ о суфіѣ Мансурѣ Ходжѣ, достигшемъ такой границы. Его заявленіе, что онъ богъ, было признано богохульствомъ и его было постановлено сжечь.

Когда его привели къ костру, „палачи не могли исполнить своего долга: тщетно они пытались схватить его; его тѣло ускользало отъ ихъ рукъ и казалось сидящимъ на воздухѣ въ спокойномъ положеніи, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ костра. Между тѣмъ какъ это происходило на землѣ, душа его искала райскихъ областей. Здѣсь подошелъ къ нему Магометъ, который призналъ, что онъ достоинъ степени вусулахъ (т. е. единенія съ Богомъ) и что его слова, что онъ богъ, истинны; только Магометъ упрашивалъ Ходжу ради практической (чувственной) религіи, которая необходима для того, чтобы держать людей въ надлежащихъ границахъ, позволить себѣ сжечь. Душа этого человѣка, убѣдившись въ справедливости того, что сказалъ пророкъ, возвратилась на землю, чтобы оживить свое тѣло, которое претерпѣло смерть, къ какой онъ былъ приговоренъ [1]). Когда человѣкъ есть богъ, то въ немъ и производитъ все богъ. Когда халифъ Алій былъ пораженъ убійцей, онъ, по Мевлеви, обратился къ послѣднему съ такими словами: „я владыка страны, но своего тѣла я не касался. Не ты поразилъ меня, ты—только орудіе провидѣнія; а кто осмѣлится отмщать провидѣнію? Поэтому не печалься о томъ, что ты сдѣлалъ, завтра я твой защитникъ“ [2]). Если человѣкъ позналъ, что онъ есть богъ, то ему должно стать присуще и свойство божественнаго блаженства и какой бы жребій ни постигъ его, онъ все будетъ блаженъ. Одинъ суфій сказалъ: „еслибы Богъ представилъ мнѣ выборъ между небомъ и адомъ, то я избралъ бы адъ, потому что къ небу стремится моя душа, адъ же существуетъ только по волѣ Божіей“. Другой суфій возразилъ на это съ упрекомъ: „какое дѣло слугѣ Бога выбирать. Мы должны идти туда, куда Онъ насъ пошлетъ, и быть тѣмъ, чѣмъ Ему угодно, чтобы мы были“. Люди обладаютъ въ различной степени познаніемъ истины, конечный моментъ каковаго познанія есть признаніе себя тождественнымъ съ божествомъ. Слѣдующій разсказъ представляетъ, какъ люди различныхъ степеней знанія относятся къ внѣшнимъ событіямъ. Желающему выяснить себѣ это различіе, учитель суфизма сказалъ: пойди и ударь по щекѣ каждаго

---

[1]) Поздневъ-Дервиши стр. 121.
[2]) Ibid. стр. 97.

изъ трехъ лицъ, сидящихъ предъ тобою. Предлагавшій вопросъ подошелъ къ первому изъ трехъ указанныхъ имъ лицъ, который былъ послѣдователемъ ислама, и ударилъ его. Въ ту же минуту онъ получилъ обратный ударъ, такъ какъ по словамъ корана: жизнь за жизнь, глазъ за глазъ, носъ за носъ, зубъ за зубъ и рана за рану. Затѣмъ вопрошатель подошелъ къ человѣку, вступившему на путь сближенія съ Богомъ, и ударилъ его. Этотъ человѣкъ вспыхнулъ какъ бы во гнѣвѣ и сжалъ кулакъ, но мгновенно пересилилъ себя, и не только не отвѣтилъ ударомъ, но даже не произнесъ ни слова. Теперь наступила очередь человѣка достигшаго истины, и когда ему нанесенъ былъ ударъ, то онъ даже не обратилъ на него вниманія, такъ всецѣло онъ былъ погруженъ въ блаженное созерцаніе [1]). Внѣшнія призрачныя состоянія и ихъ перемѣны не могутъ вліять на блаженство человѣка признавшаго себя богомъ.

Какъ же понимать это тожество съ Богомъ человѣка и какъ примирить то, что Богъ есть все, съ тѣмъ, что въ этомъ всемъ не мало злого? Суфиты даютъ отвѣты на эти вопросы. Богъ былъ, когда ничего не было кромѣ Него. Богъ есть бытіе. Богъ пожелалъ проявить Себя вовнѣ бытія—въ небытіи, такъ сказать отразить свои совершенства въ зеркалѣ небытія. Проявить свои совершенства значитъ и проявить свою благость, но проявить что бы то ни было можно лишь черезъ противоположное, добро черезъ зло; божественная благость можетъ быть проявлена и познана лишь черезъ зло міра. Но такъ какъ самый міръ есть только отраженіе Божіе въ зеркалѣ небытія, то очевидно, что зло въ сущности есть миражъ, иллюзія. Богъ, это—солнце, міръ это—отраженіе солнца въ водѣ. Только на самомъ дѣлѣ отраженіе Божества дается не водою, а небытіемъ [2]). На самомъ дѣлѣ лучъ вполнѣ отражается тѣмъ, что непроницаемо, но вполнѣ непроницаемо лишь небытіе. Во все сущее можно проникнуть, небытіе непроникновенно и потому является самымъ удобнымъ зеркаломъ. Мы—отраженіе солнца, наша

---

[1]) Брауна—Вѣрованія суффитовъ (у Тимирязева op. cit. стр. 329).

[2]) Поучительно сопоставить эти теоріи мусульманскихъ мистиковъ съ разсужденіями мистическихъ философовъ христіанства, наприм., съ взглядами Якова Бэма (1575—1624, Aurora oder die Morgenröte im Aufgang, Mysterium magnum über das erste Buch Moses).

реальность—въ немъ; производящая въ немъ измѣненія полнота бытія заставляетъ въ зеркалѣ одни отраженія смѣняться другими. Человѣкъ есть глазъ Бога отраженнаго въ зеркалѣ небытія. Человѣкъ—глазъ этого отраженія, а Богъ—свѣтъ глаза; съ помощію этого глаза Богъ видитъ себя. Въ этомъ чудесномъ и таинственномъ созданіи воплощается вся вселенная, человѣкъ составляетъ такъ же, какъ она, соединеніе дѣйствительнаго и недѣйствительнаго, добраго и недобраго, свѣта и мрака. Если онъ смотритъ внизъ и отворачивается отъ Бога, то онъ видитъ предъ собою только мрачную тѣнь своего я, источника всѣхъ его страданій и грѣховъ. Но если онъ научится смотрѣть наверхъ, то онъ увидитъ предъ собою свѣтъ и только свѣтъ, добро и только добро, Бога и только Бога. Подобное состояніе—верховное блаженство, конечна цѣль, соединеніе съ Богомъ. Капля расплывается въ океанѣ, любящій поклонникъ соединяется съ предметомъ своей любви. Онъ не переставъ существовать, а слился съ бытіемъ, котораго онъ прежде былъ отраженіемъ [1]). Пути, которые ведутъ къ этому блаженному концу, къ соединенію съ Богомъ, такъ же многочисленны, какъ дыханіе людей. Эти пути суть различныя религіи.

Основные элементы суфитской теоріи и практики можно резюмировать такимъ образомъ. Одинъ только Богъ существуетъ дѣйствительно, Онъ есть все и все находится въ Немъ. Богъ есть единство. Вселенная существуетъ постольку, поскольку она есть Богъ, поскольку она отлична отъ Бога—разнообразна, пестра, противорѣчива,—постольку она не имѣетъ дѣйствительнаго существованія. Высшее счастіе существа заключается въ томъ, чтобы отрѣшиться отъ неистиннаго, мнимаго существованія и начать существовать во истину. Индивидуальность существу сообщаетъ матерія. Нужно высвободиться изъ-подъ ея власти. Въ суфизмѣ, видно, сознали истину, что смерть просто сама по себѣ не освобождаетъ духъ отъ власти матеріи. У суфитовъ допускается и метапсихозисъ, какъ онъ принимается браманистами, буддистами и неоплатониками, душа привязанная своими желаніями къ тѣлу не освобождается отъ нихъ при помощи ножа или яда. Нужно, чтобы она путемъ аскетическихъ

[1]) Брауна, op. cit. стр. 335.

упражненій перестала въ этой жизни быть въ зависимости отъ тѣла. Цѣль дѣятельности души—созерцать Божество (моракабе соотвѣтствуетъ буддійскому дхайна), расплыться въ немъ, какъ капля расплывается въ океанѣ (фена отвѣчаетъ браманистическому погруженію въ Браму) и такимъ образомъ всецѣло возсоединиться съ Нимъ (итжихадъ, тавхидъ). Для достиженія этого идеальнаго конца суфизмъ начертываетъ путь, число стадій его (маназиль) не всегда опредѣляется одинаково, но обыкновенно ихъ насчитываютъ четыре. Первая—Шаріатъ собственно—законъ ислама, но суфіи расширяютъ понятіе шаріата. Онъ обозначаетъ у нихъ законъ, требованіе всякой религіи. Какова бы ни была религія, человѣкъ исполняющій ея требованія идетъ къ Богу. Однако для мусульманина, конечно, трудно примириться съ мыслію, что всѣ религіи равно ведутъ къ Богу все равно, какъ всѣ дороги ведутъ въ Римъ. У нихъ есть классификація религій, общій характеръ которой опредѣляется кораномъ, идолопоклонство считается низшею формою религіи, іудейство и христіанство—сравнительно высшими, это—религіи людей писанія: высшею и совершеннѣйшею религіею является исламъ. На первой стадіи духовнаго развитія человѣкъ долженъ стремиться, какъ можно строже и точнѣе исполнять шаріатъ ислама. Тотъ, кто осуществилъ требованія шаріата, вступаетъ на высшую ступень, называющуюся путь—тарикатъ. Поднятіе на эту ступень обусловливается тѣмъ, что праведнику законъ не лежитъ. Его воля раньше стремится сдѣлать то, что нужно, чѣмъ дается предписаніе закона или чѣмъ оно ему приходитъ на память. Видя неимущаго, онъ спѣшитъ къ нему съ своею милостынею раньше, чѣмъ подумаетъ о предписаніяхъ шаріата относительно милостыни. Онъ совершаетъ омовенія, потому что для него естественно дѣлать чистымъ жилище своей чистой души. На этой ступени суфій обыкновенно становится мюридомъ (послушникомъ) какого-нибудь старца-дервиша или начальника ордена—шейха (моршида, пира). Онъ подчиняетъ свою волю волѣ своего руководителя. Чувственное богослуженіе въ этомъ фазисѣ должно смѣняться духовнымъ. Суфій долженъ постоянно размышлять о Божествѣ, возгрѣвать въ себѣ любовь къ Нему. Мысль и чувство искусственно сконцентрировываются на идеѣ Единаго Высшаго Бытія—

идеѣ довольно безсодержательной, потому что въ единствѣ нѣтъ различій, аттрибутовъ, многообразія. Попытки сконцентрировать свое познаніе и свою любовь на абсолютномъ трудно отличимомъ отъ нуля, если онѣ успѣшны, разрѣшаются экстатическимъ припадкомъ (халь). Состояніе блаженства въ немъ аналогично съ опьяненіемъ, почему пѣсни суфійскихъ поэтовъ воспѣвающихъ вино и восторги любви и толкуютъ мистически, какъ прикровенно говорящихъ о восторгахъ познанія и получаемыхъ въ стадіи усовершенія суфія, носящей имя ма' рифатъ (познаніе). Суфій познаетъ здѣсь, что лишь существуетъ Богъ, что Онъ есть единство, что міръ призраченъ, что всѣ религіи равны (всѣ онѣ— лучи Солнца), нѣтъ разницы между добромъ и зломъ, нравственнымъ и безнравственнымъ. Суфій познаетъ отсутствіе различій, потому что узнаетъ, что существуетъ лишь безразличное единство. Онъ становится познавшимъ (арифъ). Познавши истину на ступени ма' рифатъ, суфій однако остается нетожественнымъ съ истиной. Немногіе достигаютъ этой послѣдней ступени хакикатъ (истины), въ которой чувствуютъ свое совершенное тожество съ Божествомъ.

Коранъ учитъ о существованіи непереходимой бездны между Богомъ и человѣкомъ, а суфизмъ стремится уничтожить всякое различіе между тварью и Творцомъ. Коранъ такимъ образомъ уничтожается суфизмомъ, и однако въ исторіи ислама суфиты обыкновенно являлись защитниками правовѣрія и многіе изъ нихъ почитаются святыми ислама. Это понятно, по внѣшности они являлись подвижниками, а подвижничество всегда подкупаетъ къ себѣ. Рекомендуя мірянамъ шаріатъ, они тѣмъ самымъ въ глазахъ общества являлись защитниками правовѣрія. Только когда они сами уже слишкомъ явно эмансипировались не только отъ требованія шаріата, но вообще отъ признанія надъ собою какихъ бы то ни было законовъ и провозглашали: я—истина, я—Богъ, ихъ преслѣдовали и даже казнили (сожженіемъ, голодною смертію) и то, какъ видно изъ существующихъ преданій, съ сохраненіемъ къ нимъ должнаго уваженія. Но суфизмъ далъ не только святыхъ ислама, онъ далъ еще ученыхъ защитниковъ ислама. Самымъ замѣчательнымъ въ ряду ихъ является причисленный къ числу мусульманскихъ святыхъ Гацаль или Альгацаль (1038—1111 г.г.). Его

настоящее имя было Абу-Гамедъ-Ибнъ-Магометъ, его отецъ занимался продажею нитокъ (гацаль), отсюда его прозвище Гацаль. Онъ названъ доказательствомъ ислама. Изъ его сочиненій особенно замѣчательны Макасидъ-аль-фаласифа (тенденціи философовъ), Техафодъ-аль-фаласифа (опроверженіе философовъ) и ихья-улюмъ-адділу (богословское). Своему суфитскому богословію Гацаль предпосылаетъ гносеологическія пролегомены, которыя Люисъ совершенно законно въ своей исторіи философіи сопоставляетъ съ Discours sur la méthode Декарта. Должно стремиться къ истинѣ. Истина есть знаніе, въ которомъ нельзя усомниться. Такъ, положеніе десять больше трехъ есть истина, и еслибы кто сказалъ: нѣтъ, три больше десяти и въ доказательство этого я превращу свою палку въ змѣя и дѣйствительно совершилъ такое превращеніе, то и тогда онъ не поколебалъ бы убѣжденія въ его заблужденіи и въ истинности ранѣе поставленаго положенія. Чувства не могутъ доставить намъ несомнѣннаго знанія. Неправильность, ошибочность, сомнительность ихъ показаній выясняетъ намъ разумъ. Но если разумъ показываетъ заблужденія чувствъ, то не существуетъ ли еще высшаго судьи, который можетъ показать заблужденія сужденій разума? Во время сна мы грезы принимаемъ за дѣйствительность, но не существуетъ ли высшаго состоянія, къ которому наше бодрствованіе относится такъ же, какъ сонъ относится къ бодрствованію. Въ этомъ состояніи должна открыться истина. Понятно, что такого состоянія духа нельзя достигнуть путемъ логическихъ соображеній и доказательствъ. Это состояніе есть экстазъ. Истина открывается человѣку, благодаря лучу свѣта, посылаемому Богомъ въ его душу. На практику суфизма, направленную для достиженія экстатическаго состоянія, Гацаля направило личное несчастіе: онъ внезапно онѣмѣлъ предъ восторженной аудиторіей. Онъ увидѣлъ въ этомъ божественный перстъ, указывающій ему, что онъ увлекается тщеславіемъ. Онъ сталъ дѣйствительнымъ суфитомъ. Чего онъ достигъ путемъ суфитскихъ упражненій, это осталось его тайной. Испыталъ ли онъ экстазъ, онъ молчитъ объ этомъ. Но онъ далъ теорію четырехъ ступеней познанія, изъ которой, по крайней мѣрѣ, вытекаетъ, что для него экстазъ и обладаніе истиной понятія равнозначущія. Младенческая ступень по-

знанія есть ощущеніе, отроческая—пониманіе, зрѣлость—разумъ (сюда входитъ постиженіе абсолютнаго: такимъ образомъ въ этой тріадѣ ступеней заключается, какъ отмѣчаетъ Люисъ, Sinnlichkeit, Verstand und Vernuft Канта). Но есть четвертая ступень, когда у человѣка открываются духовныя очи, которыми онъ постигаетъ предметы, скрытые отъ остальнаго человѣчества, постигаетъ будущее, постигаетъ ускользающее отъ разума, какъ разумъ постигаетъ то, что ускользаетъ отъ пониманія, какъ пониманіе постигаетъ то, что ускользаетъ отъ ощущенія. Это—состояніе есть пророчество. Кто не знаетъ экстаза, тотъ знаетъ пророчество только по имени.

Въ глазахъ правовѣрныхъ Гацаль стяжалъ себѣ великое уваженіе своимъ трактатомъ „опроверженіе философовъ". Философы обыкновенно трактуются какъ еретики, и поэтому уже самое заглавіе сочиненія Гацаля какъ бы носитъ на себѣ печать правовѣрія. Трактатъ этотъ заключенъ въ девятомъ томѣ сочиненій Ибнъ-Рошда (Аверроеса), но Ибнъ-Рошдъ скептически относится къ правовѣрію Гацаля. А Монсей нарбонскій, дававшій комментаріи на Гацаля, сообщилъ, что будто бы Гацаль написалъ небольшую книжку, въ которой показалъ, какъ нужно опровергнуть его опроверженіе или его возраженія философамъ и что съ этою книжкою онъ знакомилъ только немногихъ близкихъ и избранныхъ учениковъ. Какъ бы то ни было, Гацаль перешелъ въ исторіи философской мысли съ именемъ скептика, а въ исторіи ислама съ именемъ правовѣрнаго святого.

Если философы давали теоретическія опоры суфизму, то поэты возбуждали настроенія соотвѣтствующія суфійскимъ теоріямъ. Мусульманская поэзія преимущественно мистическая. Исключеній можно указать немного. Такимъ, повидимому, является величайшій поэтъ персовъ Фирдоуси (ій—райскій 935—1020) въ его Шахъ-наме не слышится мистическихъ элементовъ. Являлись въ мусульманскомъ обществѣ и совершенные религіозные скептики и даже просто невѣрующіе. Вотъ произведеніе невѣрующей музы поэта Абу-л-Аля (ум. въ 1057 г.). „Съ удивленіемъ смотрю я на людей, приходящихъ за тысячи верстъ, бросать булыжники и цѣловать камень. Странныя вѣрованія. Приверженцы ихъ—не слѣпцы ли по истинѣ? Вы говорите мнѣ, что послѣ долгаго пребы-

ванія въ могилѣ я оживу. Что я буду жить въ большомъ саду, гдѣ буду наслаждаться и яствами, виномъ и прекрасными черноокими дѣвами. Но бѣдный другъ мой, скажи мнѣ, что вы (мусульмане) сдѣлали съ вашимъ разсудкомъ, что онъ допустилъ васъ вѣрить всѣмъ этимъ бреднямъ? Люди дѣлятся на два сорта: имѣющихъ разумъ, но не имѣющихъ вѣры и вѣрящихъ, но безразсудныхъ [1]).

Такія пессимистическоатеистическія пѣсни однако рѣдко слышались въ мусульманскомъ мірѣ. Слухъ мусульманъ услаждался, главнымъ образомъ, произведеніями мистическихъ поэтовъ. Величайшимъ мистическимъ поэтомъ является „соловей созерцательной жизни“ — Джелаллединъ Руми (малоазійскій, 1207—1263 г.г.). Его прозвище показываетъ, что онъ свои исканія Божества не ограничилъ своими стихотвореніями, онъ былъ подвижникомъ суфизма и основалъ одинъ изъ дервишескихъ орденовъ (Мевлеви-вращающихся). Онъ далъ много гимновъ, лирическихъ произведеній, двухстрофныхъ поэмъ, произведенія его впослѣдствіи интерполировались, стихотворенія его сравниваютъ съ русскими духовными стихами. Вотъ—отрывки изъ его поэмы Месневи-шерифъ. „Когда кто находится внѣ кягбэ (—кааба, на языкѣ суфитовъ—любовь), то нужно ему къ ней обращать свои взоры. Когда кто находится въ кягбэ, все равно куда бы его взоры ни обращались“. Далѣе, въ той же поэмѣ передается такой разсказъ. Однажды Моисей встрѣтился съ пастухомъ, который съ пламеннымъ жаромъ, обращаясь къ Богу, восклицалъ: о мой Господи, о мой Владыка. Гдѣ—Ты, чтобы я могъ сдѣлаться Твоимъ рабомъ, чтобы я чинилъ Твою обувь, чтобы я разчесывалъ Твои волосы, чтобы я мылъ Твои одежды, чтобы я могъ служить Тебѣ молокомъ моихъ стадъ—Тебѣ, Котораго я почитаю? Гдѣ—Ты, чтобы я могъ цѣловать Твою прекрасную руку, чтобы я отиралъ Твои прекрасныя ноги, чтобы я выметалъ Твое жилище прежде, чѣмъ Ты удаляешься на покой? Такъ говорилъ простой пастухъ. Моисей, воспламененный ревностію къ религіи, которую онъ посланъ былъ возвѣстить, упрекалъ этого человѣка за богохульство, говоря ему, что Богъ

---

[1]) Уманца—Очеркъ развитія религіозно-философ. мысли въ исламѣ, стр. 85.

не имѣетъ тѣла, что Онъ не нуждается ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ, ни въ жилищѣ, и окончилъ тѣмъ, что назвалъ его невѣрнымъ. Пастухъ, разумъ котораго не могъ возвыситься до пониманія бытія, которое не имѣло бы тѣла, подобнаго его собственному, подверженнаго однимъ и тѣмъ же недостаткамъ, былъ пораженъ упреками Божія посланника, впалъ въ отчаяніе и отказался отъ всякаго богопочитанія. Богъ обратился къ Моисею и сказалъ: ты отогналъ моего служителя отъ Меня, Я послалъ тебя привлекать ко Мнѣ другихъ, а не удалять ихъ. Всякое бытіе получило образъ существованія и различныя средства для его выраженія. То, что ты находишь богохульнымъ, достохвально въ другомъ. То, что ты называешь ядомъ, есть медъ въ его глазахъ. Чистота, нечистота, лѣность и проворство—всѣ эти различія ниже Меня. Индійскій языкъ хорошъ только для индійца, зендскій—для зенда. Ихъ выраженія не могутъ унизить Меня. Напротивъ, они очищаются искренностію чествованія, которое они воздаютъ Мнѣ. Слова—ничто для Меня. Я смотрю на сердце, и если оно смиренно, то чего я долженъ остерегаться, когда языкъ говоритъ противное? Въ сердцѣ заключается сущность любви, а слова только пустыя измѣненія. Мой служитель имѣетъ сердце Моей любви и не заботится ни о мысли, ни о выраженіи. Компасъ нуженъ для направленія молитвъ тѣмъ, кто находится внѣ кягбэ, между тѣмъ какъ кто въ ней, тотъ не знаетъ его употребленія“ [1]). Месневи представляетъ собою полное и глубокое выраженіе суфизма (месневи—двойной, поэма заключаетъ въ себѣ около 40,000 двухстишій). Для развитія идей суфизма Джелаллединъ пользовался и странствующими повѣстями и разсказами. Такъ у него приводится буддійская сказка о томъ, какое представленіе составили себѣ о слонѣ тѣ, кто ощупывалъ его, не пользуясь свѣтомъ (столбъ, канатъ, полость одежды и т. д.), мораль каковой сказки та, что всякія представленія о Божествѣ имѣютъ относительную долю истины и ни одно не отвѣчаетъ ей вполнѣ.

Старшимъ современникомъ Руми пережившимъ его былъ Саади (1184—1291 г. приблизительно). Его главное произведеніе, содержащее въ себѣ суфійскую философію — бустанъ

[1]) Поздневъ-Дервиши, стр. 86.

(плодовой садъ). Саади по сравненію съ Руми стоитъ на низшей ступени созерцанія. Его аскетическія требованія умѣренны, его совѣты практичны. Не всѣ произведенія этого поэта находятся между собою въ гармоніи, имѣются у него трактаты слишкомъ жесткіе и эгоистическіе, имѣются произведенія чисто порнографическаго характера. Саади какъ будто застрялъ въ грязи и тянется къ небу.

Еще къ числу выдающихся поэтовъ суфизма долженъ быть причисленъ Гафизъ (Хазифъ — хранитель, т. е. хранящій завѣты корана, 1300 — 1389 гг.). Его имя было Шемсъ-Эддинъ-Магометъ, его прозвали шекерлебъ—сахарныя уста, Лиссанъ-Эльганбъ—языкъ таинственныхъ чудесъ. Онъ писалъ главнымъ образомъ эротическія произведенія (газели), но блаженство отъ любви и вина суфіи всегда сравнивали съ блаженствомъ отъ единенія съ Богомъ, затѣмъ у суфійскихъ поэтовъ, повидимому, существовало воззрѣніе, что земная любовь есть мостъ, по которому нужно идти ищущимъ Божественной любви. Есть у Гафиза произведенія, въ которыхъ онъ какъ бы слагаетъ на Бога отвѣтственность за то зло, которое открывается въ мірѣ. „Моя душа, говоритъ онъ, ввергнута въ корчму десницей Всемогущаго. Въ такомъ случаѣ скажи мнѣ, учитель, гдѣ мое преступленіе“? Есть у Гафиза стихи, исповѣдующіе вѣру въ метампсихозисъ. „Я былъ камнемъ, умеръ и сталъ растеніемъ, я умеръ какъ растеніе и сдѣлался животнымъ, я умеръ какъ животное и превратился въ человѣка. Чего мнѣ бояться? Смерть меня никогда не умаляла. Когда я умру человѣкомъ, то я стану ангеломъ, а съ ангельскими крыльями я полечу еще выше и стану тѣмъ, о чемъ не можетъ мыслить и воображеніе. Такъ пусть я превращусь въ ничто. Какой-то голосъ шепчетъ мнѣ: всѣ мы вернемся къ Нему“.

Суфизмъ, опредѣляя характеръ жизни, заимствуя самое названіе свое отъ житейской одежды, тѣмъ не менѣе прежде всего представляетъ собою теорію. И когда говорятъ о суфизмѣ, то прежде всего разумѣютъ теософію, мистическую философію, мистическую поэзію. Тѣ, кто осуществляетъ суфизмъ въ жизни, съ чьимъ именемъ связывается представленіе о практикѣ суфизма, носятъ имя дервишей. Названіе это уже упоминалось. Дервиши—персидское слово и по наиболѣе вѣроятному толкованію обозначаетъ порогъ двери,

далѣе—человѣкъ просящій у порога, нищій. Тоже самое понятіе соединяется съ арабскимъ словомъ факиръ. По своеобразной игрѣ случая арійцы стали употреблять семитическое слово (факиры въ Индіи), а семиты—арійское (дервиши у арабовъ) для обозначенія одного и того же типа религіозныхъ подвижниковъ. Дервишъ — религіозный подвижникъ. Многіе изъ дервишей довольно правильно могутъ быть названы мусульманскими монахами, но это названіе не подходитъ ко всѣмъ: есть дервиши женатые. Не входитъ непремѣнно въ понятіе дервиша и отреченіе отъ имущества: есть дервиши занимающіеся торговлею. Дервишъ—по теоріи суфитъ (хотя онъ можетъ быть совершенно невѣжественнымъ) и на практикѣ мусульманинъ поднявшійся надъ требованіями шаріата, затѣмъ дервишъ—необособленное лицо, онъ—членъ какой-либо дервишеской корпораціи, дервишескаго ордена. Дервишество возникло изъ суфизма, но потомъ, когда суфизмъ уже пересталъ давать выдающихся мыслителей и поэтовъ, дервишество продолжало развиваться и преуспѣвать.

Въ настоящее время насчитывается до 70 дервишескихъ орденовъ. Они называются по именамъ дѣйствительныхъ или признанныхъ преданіемъ основателей ордена. У орденовъ имѣются цѣпи или родословныя святыхъ Божіихъ (сильсиляэ аулія уллатъ). Цѣпь эта должна показывать, кѣмъ былъ наставленъ основатель ордена, кѣмъ былъ наставленъ его наставникъ и такъ вплоть до Алія, Абу-Бекра и Магомета. Далѣе, отъ основателя ордена цѣпь нисходитъ къ его преемникамъ, къ главамъ частныхъ дервишескихъ обществъ. Здѣсь безусловно господствуетъ теорія преемства духовныхъ дарованій. Нельзя стать дервишемъ безъ дервиша. Самообразованіе дервишей не допускается.

Устройство дервишескихъ орденовъ въ общемъ таково. Во главѣ ордена стоитъ шейхъ. На этотъ постъ выдвигаютъ часто наслѣдственность, порой — дарованія. Шейхъ не подчиненъ никому кромѣ Бога, но, разумѣется, условія земнаго существованія заставляютъ шейховъ и правительство тѣхъ странъ, гдѣ они живутъ, вступать въ компромиссы, дѣлать уступки и оказывать взаимное содѣйствіе въ цѣляхъ—каждый—своей пользы. Шейхи управляютъ филіальными отдѣленіями своего ордена въ разныхъ странахъ при помощи халифа (поль-

зующійся по довѣрію сверхъестественною властію шейха). Отдѣльными общинами управляютъ мокаддемъ—предстоятели, намѣстники, а всѣ управляемые ими представляютъ собою дервишей (въ сѣверной Африкѣ они носятъ имя кхуанъ—братьевъ). Путь, которымъ достигаютъ званія и положенія дервиша, обычно такой. Желающій поступить въ общину какого-либо ордена, дѣлаетъ заявленіе общинѣ и подвергается искусу. Ему поручаются физическія работы, нерѣдко унизительныя, въ своей душевной жизни онъ долженъ всецѣло подчиниться своему водителю, разсказывать ему о своихъ снахъ, о своихъ мысляхъ, стараться настроиваться согласно его указаніямъ, по предписаніямъ руководителя онъ совершаетъ усиленныя религіозныя упражненія. Искусъ продолжается 2—3 года (часто 1001 день). Онъ заканчивается посвященіемъ испытуемаго въ званіе мюрида. Посвященіе обыкновенно соединяется съ жертвой. Испытуемый приноситъ для нея овцу или барана. Мюридъ значитъ возжелавшій (истины), а руководитель мюрида называется мюршидъ—указывающій путь (истины). Каждый орденъ дервишей имѣетъ свою особенную одежду, свои знаки. Происхожденіе одеждъ, знаковъ представляется сверхъестественнымъ. Ихъ толкуютъ какъ символы. Довольно важную роль у нихъ играетъ поясъ. Онъ обыкновенно дѣлается изъ шерсти той овцы, которую дервишъ приноситъ въ жертву предъ своимъ посвященіемъ въ мюриды. Цвѣтъ шерсти долженъ быть цвѣтомъ ордена. Въ этотъ поясъ вкладывается камень (довольства). Онъ символизируетъ тѣ камни, какіе дервиши обыкновенно кладутъ въ свои пояса для смягченія или укрощенія чувства голода. Самый поясъ символизируетъ связываніе страстей. Глава ордена бекташи, вынимая и вкладая семикратно камень изъ пояса и въ поясъ, говоритъ: связываю жадность и разрѣшаю щедрость, связываю гнѣвъ и разрѣшаю страхъ Божій. Связываю страсть и разрѣшаю любовь къ Богу. Связываю голодъ и разрѣшаю духовное довольство. Связываю дьявольское искушеніе и разрѣшаю Божественность.

Конечною цѣлью, достиженія которой жаждетъ мюридъ, является блаженное соединеніе съ Богомъ—халь. Къ этой цѣли его направляютъ духовное вліяніе воли мюршида, зикръ (религіозныя упражненія) и порою гашишъ (наркотическій

экстрактъ въ разныхъ видахъ изъ особой разновидности конопли—cannabis sativa L. var indica dam). Мюршидъ прежде всего руководитъ мюрида своими наставленіями, онъ наставляетъ его въ послушаніи требованіямъ ордена, въ подчиненіи своей воли ему, онъ сообщаетъ ему свѣдѣнія по мистической техникѣ. По дервишской теоріи сердце есть сущность человѣка или — вѣрнѣе — сущность цѣлой книги Бога и всѣхъ Его тайнъ. Сердце оказывается какъ бы богомъ въ человѣкѣ. Нужно найдти къ нему дорогу, прислушиваться къ его голосу, умѣть съ нимъ бесѣдовать. Постомъ мюридъ долженъ ослаблять свое тѣло, молитвой укрощать безпокойныя стремленія своего духа. Ослабивъ тѣмъ и другимъ свои силы, мюридъ легче можетъ подчинить свою волю волѣ мюршида. Однако для этого требуется прежде всего, чтобы мюридъ вѣрилъ въ мюршида, а затѣмъ, конечно, для того чтобы получались желательные результаты, нужно, чтобы и мюршидъ обладалъ особыми психическими свойствами—силою внушенія. Техника внушенія была подробно разработана у дервишей гораздо ранѣе, чѣмъ внушеніе стало предметомъ научныхъ изслѣдованій. Здѣсь—и фиксація взглядовъ, и дѣйствіе на разстояніе и даже дѣйствіе на отсутствующихъ. А затѣмъ рядомъ съ внушеніемъ становится и самовнушеніе.

Зикръ есть совмѣстное религіозное упражненіе, сущность котораго состоитъ въ призываніи имени Божія. Зикръ совершается различно и въ нѣкоторой степени характеризуетъ собою орденъ. Характерны особенно по типу своего зикра два ордена—мевлеви и руфаи. Мевлеви основанъ Джелаль-лединомъ Руми. Руми имѣлъ обыкновеніе вертѣться, когда хотѣлъ привести себя въ экстатическое состояніе, отсюда и его орденъ есть орденъ вертящихся. Руфаи, основатель другого ордена, для той же цѣли имѣлъ обыкновеніе неистово выкрикивать имена Божіи совершая при этомъ своеобразныя движенія. Его орденъ есть орденъ ревущихъ. Зикръ у Мевлеви приблизительно совершается такъ. Собравшіеся дервиши сидятъ сначала въ молчаніи: руки сложены, глаза закрыты, голова наклонена. Послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ такомъ созерцательномъ положеніи шейхъ начинаетъ молитвы. Сначала читается фатиха (1-ая сура). Послѣ чтенія и пѣнія разныхъ молитвословій, въ которыхъ,

между прочимъ, много прошеній, предстоятель начинаетъ обрядъ верченія. Часто при верченіи принимаютъ такую позу: лѣвая рука опускается къ полу, правая поднимается къ небу, голова склоняется на правое плечо, глаза закрываются. Орденъ Мевлеви распространенъ въ Турціи. Дервиши этого ордена живутъ и у насъ въ Бахчисараѣ. Здѣсь верченіе совершается по четвергамъ и воскресеньямъ. Собираются они часовъ въ 9 вечера и послѣ двухчасовой молитвы начинается верченіе, продолжающееся тоже часа два. Они бросаются во всѣ стороны, наклонившись тѣломъ впередъ, странно мотаютъ головой, потъ льется съ нихъ градомъ. Теряя сознаніе, они хватаются другъ за друга, выкрикивая и приплясывая. Порою утомленные дервиши выходятъ для отдыха. А нѣкоторые въ своемъ изступленіи доходятъ до того, что падаютъ безъ чувствъ на земь, изъ рта у нихъ бьетъ пѣна, этою пѣною другіе обмазываютъ себѣ лобъ. Въ зикръ Руфаи тоже входятъ и чтеніе молитвъ и пѣніе, и танцы съ вращеніемъ, но пѣніе, начинающееся въ грустно-уныломъ и однообразномъ тонѣ переходитъ у нихъ въ неистовый ревъ, а танцы разрѣшаются состояніемъ своеобразнаго бѣшенства. У нихъ во время зикра накаляютъ до красна сабли и другія металлическія орудія и, дойдя до стадіи бѣшенства, дервиши хватаютъ эти орудія, лижутъ, кладутъ въ ротъ и держатъ тамъ до тѣхъ поръ, пока раскаленное желѣзо не остынетъ, кусаютъ ихъ. Холоднымъ оружіемъ дервиши наносятъ себѣ пораженія въ бока, руки и ноги.

Дервиши живутъ или обыкновенною мірскою жизнію, занимаясь ремеслами, торговлей (какъ, наприм., у насъ въ Бахчисараѣ) и только собираются къ мечетямъ для религіозныхъ упражненій. Или живутъ въ общинахъ подобныхъ нашимъ монастырямъ (теккіе или ханка). Средствами содержанія являются для нихъ приношенія мірянъ, благодарственная плата за удовлетвореніе ихъ религіозныхъ нуждъ и потребностей. Или дервиши живутъ въ одиночку, обыкновенно на священныхъ мѣстахъ или около могилы какого-либо святого, средствами содержанія и здѣсь для нихъ являются приношенія вѣрныхъ. Есть дервиши странствующіе (орденъ календери, между прочимъ въ Туркестанѣ), спеціально нищенствующіе дервиши принадлежатъ къ ордену бехташи. Понятно,

что вліяніе дервишей на массы должно быть могущественнымъ. Если мюридъ долженъ вѣрить въ сверхъестественныя свойства мюршида, то тѣмъ болѣе въ сверхъестественныя свойства всѣхъ дервишей должны вѣрить люди толпы. Да и какъ не вѣрить въ человѣка, который, наприм., глотаетъ горящую паклю или въ тѣло котораго воткнуты громадныя иголки? На зикръ дервишей приносятъ больныхъ, въ надеждѣ, что за подвиги дервишей эти больные будутъ исцѣлены. У дервишей просятъ молитвъ, не уклоняются они отъ произнесенія заклинаній, истолкованія сновъ и разныхъ примѣтъ, предсказываютъ будущее, продаютъ амулеты.

Вліяніе, которое пріобрѣли себѣ въ различныхъ мѣстахъ дервишескіе ордена, естественно подвергли ихъ искушенію воспользоваться этимъ вліяніемъ. Начавъ съ того, что надо уйти отъ міра, нѣкоторые ордена кончили тѣмъ, что стали стремиться управлять міромъ. Они пріобрѣли политическое вліяніе. Султану Махмуду II пришлось много посчитаться съ орденомъ Бекташи. Въ настоящее время въ Африкѣ дервиши стараются противодѣйствовать европейскому вліянію, стараются удержать тотъ государственный и соціальный строй, который выработался въ исламѣ. Дѣйствующимъ въ этомъ родѣ называютъ орденъ Снусси (основанъ въ 1835 г., въ сѣверной Африкѣ). Магометъ-Ахметъ, провозгласившій себя махдіемъ въ 1881 г., породилъ цѣлое религіознополитическое движеніе, которое и доселѣ продолжается въ Суданѣ.

Въ 1897 г. Депономъ и Копполани издано обширное изслѣдованіе о мусульманскихъ религіозныхъ братствахъ, снабженное, затѣмъ отдѣльно изданною, большою и обстоятельною картою, показывающею распространеніе этихъ братствъ въ современномъ мірѣ (Deponl et Coppolani-Le confréries religieuses musulmans. Alger in q-to XXXVIII+576). Дервиши пока представляютъ значительную силу. Эта сила порою можетъ становиться очень темною и съ ней приходится и еще много придется считаться. Но этой силѣ не остановить европейскаго движенія, которое направляется и въ Африку и въ Азію. Характерно, что въ Америку ни дервиши и ни вообще исламъ никогда не проникали. Теперь монашескимъ и вообще религіознымъ орденамъ ислама придется постепенно уступать и тѣ позиціи, которыя они занимали издавна. По су-

ществу мистицизмъ стоитъ въ антагонизмѣ съ принципами ислама, совершенно враждебна ему и раціоналистическая культура. Однако, фактъ его существованія показываетъ, что онъ имѣетъ себѣ опору въ сердцѣ человѣка. Умъ можетъ различно истолковывать мистическія требованія сердца, но не думаемъ, чтобы оказался правъ тотъ, кто бы рѣшилъ, что эти требованія суть всецѣло патологическія и что ихъ должно заглушать совсѣмъ.

7.

Въ первое столѣтіе своего существованія исламъ наиболѣе быстро и успѣшно распространялся къ западу отъ пункта своего первоначальнаго возникновенія. Весь сѣверъ Африки отъ Аравійскаго залива до Атлантическаго океана воспринялъ проповѣдь корана. Знамя ислама поднялось къ сѣверу. Мусульманское владычество утвердилось въ Испаніи, перешло Пиринеи. Но здѣсь ровно черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Магомета завоевательное движеніе ислама было остановлено мечемъ Карла Мартелла. Далѣе оно не двинулось. Исламъ здѣсь проповѣдывался мечемъ, и мечемъ была остановлена его проповѣдь. Совершалось поступательное движеніе ислама и на востокъ отъ Медины и Мекки, и тамъ мечъ игралъ большую роль. Но вмѣстѣ съ тѣмъ идеи ислама профильтровывались тамъ въ туземныя вѣрованія и мирнымъ образомъ. И воинственное и мирное движеніе ислама на востокъ совершалось однако гораздо медленнѣе, чѣмъ на западъ. Если мусульманамъ потребовалось менѣе столѣтія для того, чтобы пройдти огромный путь отъ Мекки до Гибралтара, то имъ нужно было около четырехъ столѣтій для того, чтобы дойти отъ Мекки до Лагора и основать свое владычество въ области Пенджаба, сѣверозападномъ углу Индіи.

Исламъ началъ распространяться здѣсь и вмѣстѣ съ тѣмъ вступилъ въ борьбу съ туземными вѣрованіями съ XI столѣтія. Уже ранѣе исламъ въ восточной области занимаемой имъ территоріи подвергся вліянію индійскихъ религій, это сказалось на суфитскихъ вѣрованіяхъ, теперь онъ самъ долженъ былъ повліять на вѣрованія индусовъ. Какъ результатъ вліянія ислама на индуизмъ къ началу новаго времени и въ новое время явились секты, о которыхъ безполезно

спорить, должны ли онѣ быть названы сектами ислама, браманизма или буддизма. Онѣ вообще представляютъ собою образецъ религіознаго синкретизма. Сектами, какой бы то ни было религіи, конечно, должны быть называемы ученія, развившіяся на ея почвѣ и представляющія собою большее или меньшее отступленіе отъ ея принциповъ, но сектами религіи не могутъ быть называемы ученія, возникшія въ лонѣ другой религіи подъ вліяніемъ первой и представляющія собою по отношенію къ первой не отступленіе, а приближеніе. Вотъ почему исламъ не долженъ быть называемъ христіанскою сектою, хотя его и называли такъ и сближали съ аріанствомъ, не долженъ называться, потому что онъ представляетъ собою не отдѣленіе отъ христіанства, а, напротивъ, приближеніе языческихъ арабовъ къ христіанству. Но мы говоримъ это не потому, что мы знаемъ его происхожденіе а потому что его письменные источники и прежде всего самый коранъ съ его рѣзкою полемикою съ идолопоклонствомъ, указываютъ, изъ чего онъ возникъ. Во многихъ иныхъ случаяхъ происхожденіе религіозныхъ ученій намъ неизвѣстно. Неизвѣстно это и по отношенію къ тѣмъ индійскимъ сектамъ, о которыхъ мы только что упомянули—вышли онѣ изъ ислама или, напротивъ, пошли отъ индуизма по направленію къ исламу? Не рѣшая этого вопроса, мы отмѣчаемъ ихъ какъ религіозныя движенія ислама въ новое время, потому что въ нихъ находимъ идеи ислама только значительно преломленныя и дополненныя вѣрованіями иного характера.

Такова секта *кабиръ-панхти*. Она возникла, по всему вѣроятію, около того года, когда палъ Константинополь и, слѣдовательно, по традиціонному счету начинаетъ свое существованіе съ начала новыхъ вѣковъ. Ея основателемъ былъ Кабиръ [1]), по представленію мусульманъ, мусульманскій святой, по мнѣнію индусовъ — мусульманинъ, бросившій исламъ и перешедшій въ индуизмъ. Возможно, однако, что

---

[1]) На русскомъ языкѣ свѣдѣнія о Кабирѣ можно найдти у *Барта* (Религіи Индіи, перев. подъ редакц. кн. Трубецкаго, стр. 272—278). Свѣдѣнія здѣсь буквально заимствованы изъ избранныхъ сочиненій Вильсона. Тоже самое представляетъ статья *Булича* въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона (26 полутомъ, стр. 789).

онъ и никогда и не былъ оффиціальнымъ мусульманиномъ. Теперь изслѣдователи сближаютъ его съ Рамануджемъ, основателемъ секты Рамананди (характеризующейся культомъ Рамы, воплощеніемъ Вишну). Основаніемъ этого является то, что въ исповѣдной формулѣ (мантрѣ), черезъ произнесеніе которой вступаютъ въ общество Кабиръ—панхти (индуизмъ по пути Кабира) упоминается имя Рамы и затѣмъ въ вѣрованіяхъ общества встрѣчается много представленій индуизма. Но Кабиръ признаетъ единаго Бога, отрицаетъ идолопоклонство, храмъ, по его воззрѣніямъ, долженъ быть только мѣстомъ молитвы, отрицаетъ дѣленіе на касты. Его принципъ: всѣ любящіе Бога и дѣлающіе добро суть братья, все равно мусульмане они или индусы, показываетъ, что онъ, повидимому, стремился создать исламо-индусскую унію. Чтобы никому не было обидно, онъ одинаково порицалъ высокомѣріе и лицемѣріе брамановъ и нетерпимость корана и фанатизмъ муллъ. Онъ проповѣдывалъ отреченіе и созерцательную жизнь, болѣе всего онъ требовалъ нравственной чистоты, но онъ сурово преслѣдовалъ фарисейское подчеркиваніе особенностей своихъ воззрѣній и обычаевъ, рекомендовалъ не стремиться выдѣляться изъ другихъ, а, наоборотъ, приспособляться къ другимъ и уступать другимъ. Ставши во главѣ основанной имъ общины, Кабиръ создалъ институтъ *гуру*—духовныхъ руководителей въ вопросахъ вѣры и нравственности, довѣріе и послушаніе по отношенію къ которымъ со стороны послѣдователей однако должно быть сознательнымъ и свободнымъ. Послѣдователи Кабира распались на двѣнадцать подсектъ или развѣтленій, которыя однако поддерживаютъ между собою общеніе, но различаются въ нѣкоторыхъ пунктахъ ученія, устройствѣ и обрядахъ (такъ шиванайрани не признаютъ гуру). Число кабиръ-панхти въ настоящее время еще, повидимому, довольно значительно.

По своему происхожденію тѣсно связана съ кабиръ-панхти секта сикховъ [1]). Слово сикхи значитъ ученики на языкѣ хинди—томъ самомъ языкѣ, на которомъ записаны изрече-

[1]) О вѣрованіяхъ сикховъ см. *Пинкота*—Религія сикховъ (въ книгѣ „Религіозныя вѣрованія“.... перев. Тимирязева, 336—346 стр.), *Барта*—Религіи Индіи (277—288 стр.), *Булича*—сикхи (Брокгауза 58 полутомъ). Послѣднія двѣ статьи представляютъ переводъ съ одного и того же оригинала. У Булича указана иностранная литература.

нія и ученіе Кабира и его преемниковъ. Основателемъ секты сикховъ считается Нанакъ, преданіе представляетъ его ученикомъ какого-то мусульманина и затѣмъ еще ученикомъ Кабира. Нанакъ родился близъ Лагора въ 1469 г. Исламъ и индуизмъ боролись и амальгамировались тамъ въ ту пору. Безъ сомнѣнія Кабиръ былъ не первымъ и не единственнымъ, кому пришла въ голову мысль о томъ, чтобы обобщить вѣрованія мусульманъ и индусовъ. Тѣмъ болѣе Нанакъ не былъ оригинальнымъ, когда провозгласилъ: „нѣтъ ни индуса, ни мусульманина". Преданіе представляетъ, что это изреченіе вышло изъ его устъ послѣ того, какъ онъ, производя омовеніе въ рѣкѣ, впалъ въ безсознательное состояніе, увидѣлъ себя у вратъ рая, гдѣ ему былъ поданъ кубокъ жизни, отпивъ изъ котораго, онъ услышалъ голосъ Божій, назначавшій его божественнымъ посланникомъ. „Нанакъ! Я съ тобою; Я сдѣлалъ тебя счастливымъ и всѣ, которые послѣдуютъ за тобою, будутъ сдѣланы Мною счастливыми. Иди, повторяй Мое имя и побуждай другихъ дѣлать то же. Оставайся незапятнаннымъ отъ прикосновенія къ міру. Продолжай вѣрить въ Мое имя, раздавать милостыню, совершать омовенія и помнить Меня. Я передалъ тебѣ Мое имя и ты совершишь порученное тебѣ дѣло". Эти божественныя слова соединенныя съ тѣми, которыя произнесъ Нанакъ непосредственно по выслушаніи ихъ, составляютъ основныя положенія его воззрѣній. Есть единый Богъ, въ имя Котораго нужно вѣрить и вѣра въ Котораго объединяетъ людей. Заповѣди объ имени, милостынѣ и омовеніяхъ представляютъ отзвукъ скорѣе ислама, чѣмъ индуизма. Нанаку приписываютъ изреченіе: я есмь то, т. е. я есмь не я, я есмь богъ. Это—тезисъ пантеистическаго браманизма, развитаго ведантой, но вмѣстѣ съ тѣмъ это и формула суфизма. Принесъ ли ее Нанакъ обратно въ Пенджабъ отъ суфіевъ, или онъ воспринялъ ее непосредственно въ Индіи, она не была уже новостію для мистиковъ ислама. Идолопоклонство отвергалось Нанакомъ, какъ и Кабиромъ и исламомъ. Преслѣдовалось имъ дѣтоубійство, запрещавшееся исламомъ и распространенное въ Индіи. Число 1 у Нанака имѣло мистическое значеніе. Оно указывало, что существуетъ лишь одно или единое, все есть одно, всякая мысль и дѣйствіе, исходящія изъ отрицанія этой истины, приводятъ къ заблужде-

нію и страданію. Нужно не допускать такихъ дѣйствій и устранять такія мысли. Тогда очищенный духъ вернется къ Единому. При представленіи этого движенія души по направленію къ Единому Нанаку естественно было воспользоваться вѣрованіемъ въ миграцію души по тѣламъ, вѣрованіемъ въ метампсихозисъ, допускавшемся въ суфизмѣ и имѣвшемъ всеобщее распространеніе въ Индіи.

Нанакъ былъ бѣднымъ человѣкомъ, онъ былъ семьяниномъ, имѣлъ двоихъ дѣтей, потомки которыхъ существуютъ доселѣ. Онъ добывалъ себѣ пропитаніе, находясь въ услуженіи у одного господина. Когда его посѣтило откровеніе, ему было около 35 лѣтъ, его господинъ былъ одинъ изъ первыхъ увлеченныхъ его проповѣдію, за нимъ скоро послѣдовало много другихъ. Онъ сталъ странствовать по Индіи, посѣтилъ Кашемиръ, по увѣренію его послѣдователей мусульманскаго направленія совершилъ хаджъ въ Мекку. Онъ изрекалъ свои сентенціи въ стихотворной формѣ, часто подъ аккомпаниментъ музыки своего ученика Марданы. Онъ былъ захваченъ въ плѣнъ войсками Бабера, вторгшагося въ Пенджабъ, но, повидимому, онъ понравился и Беберу и былъ отпущенъ имъ, когда тотъ сталъ владыкой Пенджаба. Послѣ начала своей проповѣди Нанакъ прожилъ, повидимому, приблизительно столько же, сколько прожилъ и до начала ея. Интересно сказаніе о его смерти. Онъ хотѣлъ объединить мусульманъ и индусовъ. Послѣдователи изъ среды тѣхъ и другихъ были около него въ его предсмертныя минуты. По индусскому обычаю слѣдуетъ умирать на берегу потока. Нанакъ пришелъ на берегъ рѣки Рави, сѣлъ подъ тѣнью дерева, около него стояли его послѣдователи, ожидая его послѣднихъ наставленій. У нихъ возникли распри относительно его погребенія. „Мы предадимъ его землѣ“, говорили мусульмане — „а мы его сожжемъ“, возражали индусы. И вотъ легенда представляетъ, что лишь только Нанакъ умеръ, тѣло его исчезло. Распря прекратилась, потому что исчезъ предметъ распри.

Кабиръ создалъ институтъ *гуру*. Нанакъ съузилъ и возвысилъ это понятіе. Нанакъ провозгласилъ себя гуру, разумѣя подъ этимъ человѣка богодухновеннаго и одареннаго благодатью (bhakti). Понятно, что такому человѣку вѣрные обязаны безусловнымъ послушаніемъ. Свое достоинство гуру

Нанакъ передалъ избранному имъ преемнику. Тотъ въ свою очередь избралъ себѣ преемника. Такъ дѣло шло до пятаго гуру Арджуна, который внесъ нѣкоторыя измѣненія и преобразованія въ общину. Онъ первый далъ общинѣ письменное руководство—своего рода библію—ади грантхъ (главную книгу), содержащую въ себѣ произведенія и наставленія—гуру сикховъ, начиная съ Нанака и кончая Арджуномъ и изреченія Кабира и другихъ родственныхъ по духу мыслителей. Арджунъ объявилъ свою власть гуру наслѣдственной. Самая эта власть стала не только духовною, но и политическою. Община сикховъ скоро пріобрѣла военнотеократическій характеръ. Нанакъ допускалъ еще существованіе кастъ, но очевидно это существованіе не мирилось съ положеніемъ сихковъ о братствѣ мусульманъ и индусовъ. И теорія и практика кастъ была уничтожена. Но если среди сикховъ можно было установить принципъ равенства и братства, то по отношенію къ не-сикхамъ оказывалось невыгоднымъ руководиться принципомъ братолюбія. Сикхамъ нужно было бороться за собственное существованіе, а вѣра въ истинность своихъ воззрѣній подсказывала мысль и объ обязанности борьбы за ихъ распространеніе. Сикхи приняли теорію мусульманскаго *газавата* (священной войны). Эти положенія достигли своего окончательнаго развитія при десятомъ гуру Говиндѣ синхгѣ (simha-левъ). Онъ далъ сикхамъ новую дополнительную книгу—грантхъ десятаго Царства. Всю общину сикховъ онъ назвалъ хальса (khalsa—удѣлъ, т. е. Божій). Священная война была провозглашена священною обязанностію членовъ этого удѣла. Каждый членъ удѣла всегда долженъ былъ носить при себѣ оружіе (по крайней мѣрѣ что-нибудь стальное). Бога стали называть Сарба лоханти—весь изъ желѣза. И въ этой религіи, въ которой во имя мусульманскихъ принциповъ преслѣдовались всякія священныя изображенія, мечъ сталъ предметомъ священнаго культа. Къ нему воины возносили молитвы. Говиндъ не назначилъ себѣ преемника, онъ сказалъ, что отселѣ для сикховъ гуру будетъ не человѣкъ, а грантхъ, и книга грантхъ какъ и мечъ, съ тѣхъ поръ пріобрѣла у нихъ фетишистическое значеніе.

Говиндъ изгонялъ элементы индуизма изъ культа сикховъ (остался лишь культъ коровы). Его политическій преем-

никъ Банда (религіознаго преемника у него не было) совершилъ обратное движеніе по направленію къ индуизму. Онъ запретилъ употребленіе всѣхъ видовъ мяса (раньше запрещалось только коровье). Банда вообще былъ свирѣпъ и строгъ. Онъ запретилъ употребленіе табаку, вина, регламентировалъ одежду. Онъ погибъ ужасною мученическою смертію въ борьбѣ съ противниками сикховъ. Послѣ него управленіе общиной взяла на себя корпорація акали (вѣрныхъ предвѣчнаго), учрежденная еще Говиндомъ. Братство сикховъ между собою и обособленіе ихъ отъ другихъ имѣло своимъ послѣдствіемъ, что они образовали нѣчто въ родѣ воинственнаго племени. Но ихъ воинственность уже не стоитъ въ связи съ газаватомъ. Религіозность ослабѣла у сикховъ. Заповѣди о воздержаніи и неупотребленіи наркотическихъ веществъ забылись. Элементы индуизма стали проникать къ нимъ шире и глубже, хотя идолопоклонства у нихъ нѣтъ, существуетъ лишь почитаніе священныхъ мѣстъ. Въ своихъ храмахъ они совершаютъ молитвы, читаютъ отрывки и поютъ гимны изъ грантхъ. Ихъ молитвенныя собранія заканчиваются раздачею вѣрнымъ карахъ просада—жертвеннаго печенья. Общество сикховъ распалось на многія корпораціи, нѣкоторыя изъ каковыхъ совершенно аналогичны дервишескимъ. Въ настоящее время сикховъ въ Пенджабѣ считается 1.200.000. Но кромѣ того они живутъ и въ Индостанѣ и въ Деканѣ. Повидимому, религіи сикховъ предстоитъ участь раствориться въ индуизмѣ. Но въ самые послѣдніе годы возникла среди нѣкоторыхъ сикховъ тенденція возстановить ученіе Нанака въ чистомъ видѣ и съ этою цѣлію предпринято систематическое изученіе и анализъ грантх'овъ и другихъ древнихъ священныхъ книгъ.

Чтобы покончить съ ученіями индомусульманскаго характера, нужно упомянуть еще объ общинѣ Брама Сомай, возникшей въ началѣ XIX столѣтія. Ея названіе указываетъ на браманизмъ, но оно не характеризуетъ ее вполнѣ. Эта община хочетъ установить религію—и эта не единственная попытка въ Индіи—на началахъ исторической критики религій и синкретизма. Въ основу свою оно положило веды, коранъ и Библію; такимъ образомъ коранъ играетъ здѣсь роль одного изъ религіозныхъ началъ. Но такъ какъ корни

этой религіозной системы всецѣло индійскаго происхожденія, то поэтому о ней удобнѣе будетъ говорить въ трактатѣ о религіяхъ Индіи.

Исторія религій, постоянно представляя намъ зрѣлище того, какъ религіозныя общины уходятъ отъ своихъ духовныхъ началъ, забываютъ ихъ и подмѣниваютъ новыми, вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно представляетъ и попытки отдѣльныхъ лицъ или ассоціацій возвращаться къ этимъ духовнымъ началамъ, очищать имѣющееся у нихъ духовное наслѣдіе отъ наросшей на него исторической шелухи, реформировать и реорганизировать религіозное общество въ духѣ и завѣтахъ его основателя. Мы только что упомянули о возникшемъ теперь стремленіи нѣкоторыхъ сикховъ вернуться къ завѣтамъ Нанака. Но гораздо раньше этой незначительной попытки въ исламѣ возникло крупное движеніе, имѣвшее своею цѣлію возстановить исламъ въ томъ видѣ, какой ему далъ Магометъ и согласно духу и буквѣ корана. Это движеніе, начавшееся во второй половинѣ XVIII вѣка и ослабѣвающее лишь въ настоящее время, было произведено ваггабитами.

Послѣ Магомета въ исламѣ получилъ широкое распространеніе культъ святыхъ. Объектомъ этого культа прежде всего сталъ самъ Магометъ. Гробницы святыхъ стали украшаться, на нихъ устраивали часовни, возжигали лампады, приносили моленія святымъ, давались обѣты и клятвы. Это почитаніе умершихъ правовѣрныхъ мусульманъ стояло въ прямомъ противорѣчіи съ принципомъ правовѣрія, призывающемъ почитать лишь одного Аллаха. Рядомъ съ культомъ несогласнымъ съ кораномъ у мусульманъ устанавливалась и жизнь несогласная съ требованіями корана. Развратъ, пьянство, употребленіе табаку, все это встрѣчалось у правовѣрныхъ такъ же, какъ и у неправовѣрныхъ. Распространились суевѣрія. Иногда довольно наивныя. Такъ, напр. выработался обычай оставлять на бритой головѣ маковку небритой на томъ основаніи, что въ день страшнаго суда Магометъ будетъ переносить своихъ послѣдователей въ рай, держа ихъ за маковку. Отчасти и подобныя суевѣрія, а главнымъ образомъ искаженіе вѣры и нарушеніе требованій морали должны были смущать тѣхъ, кто свято чтилъ коранъ и стремился къ сознательному и правильному осу-

ществленію его требованій. Естественно должны были возникать мысли о реформѣ вѣры и жизни.

Осуществить такія мысли рѣшилъ Магометъ-ибн-абд-эль Ваггаби [1]). Онъ родился въ Неджедѣ около 1720 г., говорятъ, учился въ Мединѣ. Занявшись торговлею, онъ посѣтилъ многіе города, гдѣ наблюдалъ, обсуждалъ и слушалъ сужденія другихъ объ извращеніи и упадкѣ ислама. Наконецъ, онъ выступилъ съ проповѣдію противъ извращенія ислама и развращенности мусульманъ. Онъ отвергалъ культъ святыхъ, требовалъ уничтоженія всякаго рода реликвій и украшеній священныхъ мѣстъ. Онъ явился ригористическимъ пуританиномъ ислама. Онъ попытался начать свою проповѣдь въ области Геджаса, въ Меккѣ и Мединѣ. Его энтузіазмъ привлекъ къ нему многихъ приверженцевъ, но партія противная реформѣ была несравненно сильнѣе его. Въ городѣ Эюнѣ между приверженцами Ваггаби и противниками произошелъ бой, и Ваггаби долженъ былъ удалиться оттуда. Онъ отправился въ Неджедъ, здѣсь въ городѣ Дерайи его радушно принялъ шейхъ Саудъ, впослѣдствіи ставшій его зятемъ. Саудъ увлекся проповѣдію Ваггаби и назвалъ себя послѣдователемъ и мечемъ новаго ученія. По мысли Ваггаби мусульмане особенно крѣпко стали забывать два требованія ислама: любовь къ вѣрнымъ и ненависть къ невѣрнымъ—милостыню и священную войну. То и другое нужно было возстановить. Самъ Ваггаби не выступалъ въ образѣ воинственнаго вождя и мирно умеръ въ Дерайи у Сауда въ 1787 г., но Саудъ и его потомки стремились утвердить ваггабизмъ огнемъ и мечемъ.

Строгій ортодоксализмъ въ ученіи и строгая воздержность въ жизни представляютъ у ваггабитовъ обязанности по отношенію къ самимъ себѣ. Эти обязанности не заключаютъ сами въ себѣ много привлекательнаго, но разъ къ нимъ была присоединена обязанность преслѣдовать другихъ за неисполненіе этихъ обязанностей, ваггабизмъ долженъ былъ стать привлекательнымъ въ глазахъ многихъ живущихъ на

---

[1]) О ваггабизмѣ см. *Уманца*—Очеркъ религіозно-философской мысли въ исламѣ, см. 126—135 стр., въ словарѣ Брокгауза—Ваггабиты (9-ый полутомъ). Между этими двумя статьями есть противорѣчія въ именахъ лицъ, хронологіи событій и подробностяхъ.

арабскомъ полуостровѣ. Саудъ и затѣмъ его преемники, называемые ваггабитской династіей, скоро привлекли къ себѣ многихъ. Сначала къ нимъ примкнули бедуины Неджеда, затѣмъ ваггабитская пропаганда стала двигаться и далѣе на западъ по направленію къ Геджасу и на сѣверо-востокъ по направленію къ Багдаду. Меккскія и багдадскія власти, обратившіяся за поддержкой къ Турціи, рѣшили дѣйствовать противъ ваггабитовъ, но ихъ арміи не имѣли успѣха. Наоборотъ, воинственныя движенія ваггабитовъ принесли много скорбей и Персіи и Геджасу. На своемъ завоевательномъ пути ваггабиты уничтожали часовни и мазары (мавзолеи), украшавшія гробницы святыхъ, требовали, чтобы правовѣрные не употребляли четокъ и амулетовъ, вводили въ покаряемыхъ областяхъ строгій режимъ, насильно загоняли обывателей въ мечеть на молитвы, запирали лавки въ часы назначенные для богослуженія. Въ Кербелѣ они разрушили часовню надъ могилой Гуссейна, высоко и свято почитающагося персидскими шіитами. Они овладѣли Меккой, разрушили мавзолеи святыхъ, уничтожили золоченные купола, воздвигнутые на мѣстахъ рожденія Магомета и въ честь его жены, родственниковъ и потомковъ—Хадиджи, Абу-Талиба, Гуссейна и др. Они овладѣли Мединой и не пощадили даже могилы пророка, снявъ съ нея украшавшія ея драгоцѣнности. Къ сѣверу они поднимались до Дамаска. Около конца первой четверти XIX вѣка они проникли въ Индію. Здѣсь побѣдоносное движеніе ихъ было остановлено англійской арміей и теперь тамъ ихъ насчитываютъ всего около трехъ тысячъ человѣкъ, которые живутъ въ Палози на берегахъ Инда. Въ Аравіи съ могуществомъ ваггабитовъ упорно боролись турки; въ концѣ концовъ ваггабизмъ, какъ политическая сила, долженъ былъ заключиться въ границы Неджеда. Но понятно, что пока существуетъ вѣра въ коранъ и Магомета, ваггабизмъ не можетъ считаться сокрушеннымъ. Онъ есть правовѣріе ислама. Пока существуетъ исламъ, должно существовать у него и правовѣрное зерно. Ваггабиты не то же, что христіанскіе реформаторы или протестанты. Послѣдніе, провозгласивъ своею задачею реформацію христіанства въ его первоначальномъ чистомъ видѣ, этотъ первоначальный чистый видъ стали рисовать совершенно по своему вкусу и произволу. Въ концѣ концовъ у

нихъ не оказалось ничего общеобязательнаго и они стали приходить къ раціонализму. Тюбингенская школа, Гарнакъ и другіе повторили въ христіанствѣ мутазилитовъ ислама. Ваггабиты никогда не роняли изъ своихъ рукъ корана и никогда не переставали считать Магомета пророкомъ.

Ваггабизмъ возникъ въ Аравіи на почвѣ суннизма; значительно позднѣе въ Персіи на почвѣ шіизма возникло движеніе, названное бабизмомъ, получившее широкое развитіе, имѣющее сложную исторію и далеко не сказавшее своего послѣдняго слова. Вотъ что говорилъ въ Парижѣ въ 1900 г. на конгрессѣ по исторіи религій одинъ изъ изслѣдователей бабизма Аракельянъ: „въ Персіи бабистовъ насчитываютъ въ настоящее время 3. 000, 000, среди мусульманъ (всего ихъ около 5. 000. 000) Кавказа, закаспійскихъ странъ, Бухары, Центральной и Малой Азіи ихъ считаютъ 2. 000. 000. Такъ какъ все населеніе Персіи считается въ 7 милліоновъ, то слѣдуетъ, что половина Персіи—хотя и тайно—содержитъ бабизмъ и для тѣхъ, кто посѣщалъ Персію, кто приходилъ въ живую связь съ персидскимъ населеніемъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что бабизмъ есть будущая религія Персіи“ [1]). Въ этихъ словахъ звучитъ пристрастіе къ бабизму и слишкомъ большое довѣріе къ своимъ религіознымъ и политическимъ антиципаціямъ. Но если и признать перспективы на будущее необоснованными, милліонныя цифры сомнительными, то всетаки ясно, что подобное заявленіе сдѣланное въ ученомъ собраніи могло быть вызвано только крупнымъ фактомъ. Бабизмъ несомнѣнно и есть крупное явленіе. Онъ не просуществовалъ еще столѣтія и въ сущности еще не вышелъ изъ періода гоненій, которыя часто переживаютъ зарождающіяся религіи, но онъ уже силенъ и оказываетъ несомнѣнное нравственное вліяніе на массы и ихъ соціальный строй.

Основателемъ бабизма былъ бабъ-Хаджи-сейидъ-Али-Магометъ (сейидами въ средней Азіи называютъ потомковъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ—Магомета черезъ его дочь Фатиму). Онъ родился въ Ширазѣ около 1819 г., былъ сыномъ небогатаго продавца, получилъ скромное образованіе

---

[1]) Arakelian—Babisme en Perse (Actes du premier congrès international d' Histoire des Religions. Deuxième partie. Fascieule I.)

на родинѣ, помогалъ отцу въ торговлѣ, а послѣ его смерти, будучи еще несовершенно-лѣтнимъ, оказался на попеченіи своего дяди по матери. По торговымъ дѣламъ онъ переселился изъ Шираза въ Буширъ (городъ на берегу Персидскаго залива). Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе необыкновенною для его молодости серьезностію, замѣчательной нравственностію, мягкими манерами, меланхолическимъ темпераментомъ. Онъ любилъ бесѣдовать съ учеными и слушать путешественниковъ. Уже здѣсь о немъ составили убѣжденіе, что онъ слѣдуетъ ученію тариката. Симпатіи всѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, онъ привлекалъ къ себѣ. Изъ Бушира Али-Магометъ перешелъ въ Кербеллу, здѣсь около могилы святѣйшаго имама Гуссейна въ ту пору Хаджи-сейидъ-хазма имѣлъ популярную школу, онъ излагалъ ученіе тариката и развивалъ теорію и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждалъ пламенное ожиданіе пришествія Махди. Али-Магометъ сталъ его ученикомъ. Своею религіозною ревностію, скромностію, благородствомъ онъ скоро выдѣлился изъ среды учениковъ учителя. Его привлекательный образъ останавливалъ на немъ вниманіе всѣхъ. Его хотѣли слышать всѣ. Но онъ, кажется, говорилъ мало, отрывочно и неясно. Въ подобныя рѣчи, если они исходятъ изъ устъ авторитета, обыкновенно каждый влагаетъ тотъ смыслъ, который хочетъ. Кербелла является шіитской Меккой. Туда стекаются богомольцы со всѣхъ сторонъ, а оттуда они всюду разносятъ вѣсти о томъ, что видѣли и слышали въ Кербеллѣ. Оттуда пилигримы стали разносить и славу Али-Магомета. Его называли меджзубъ (изступленный, юродивый въ религіозно-высокомъ смыслѣ); о немъ повѣствовали, что онъ совершаетъ чудеса, исцѣляетъ недуги. Неожиданно изъ Кербеллы Али-Магометъ вернулся въ родной Ширазъ. Здѣсь, продолжая свои религіозныя упражненія и занятія, онъ началъ выступать и въ роли учителя и прежде всего въ роли обличителя. Совершая самъ аскетическіе подвиги, онъ говорилъ порою, что теперь страсти, а не Аллахъ, управляютъ людьми. Нужно возстановить царство воли Аллаха. Кто можетъ возстановить это царство? Не юный ли аскетъ погруженный въ себя такъ, что порою не слышалъ и не замѣчалъ ничего, что происходило около? О немъ говорили тогда, что онъ—въ джезбѣ (благодатномъ состояніи, влекущемъ къ Богу), въ бесѣдѣ со скрытымъ имамомъ.

Кербельскій учитель Али-Магомета Сейидъ Казма умеръ. Ученикамъ плакавшимъ о немъ онъ сказалъ предъ смертію: „неужели вы не хотите, чтобы я ушелъ и чтобы истина открылась“. Это темное изреченіе указывало, повидимому, на скорое открытіе истины и тѣмъ открывало просторъ къ широкимъ предположеніямъ. Ученикъ Казмы Гуссейнъ, прибывши въ Ширазъ, разсказалъ Али-Магомету о смерти ихъ учителя, о его наставленіяхъ и послѣднихъ словахъ. Тогда неожиданно для собесѣдника Али-Магометъ заявилъ: я—бабъ. Бабъ значитъ ворота. Въ данномъ случаѣ это означало: я—ворота, я—дверь истины. Это выраженіе должно быть сопоставлено съ упоминавшимися раньше словами приписываемыми шіитскимъ преданіемъ Магомету: я городъ, Алій—врата этого города, т. е. я—истина, должна быть дверь, которая вела бы другихъ къ этой истинѣ. Откуда взять этотъ образъ? Посредственно или непосредственно, но пророки ислама въ этихъ выраженіяхъ присвоили себѣ то, что принадлежитъ Христу: „Я есмь дверь“ (Іоан. 10, 9). Господь опредѣлялъ Себя и какъ дверь и какъ пастыря, проходящаго черезъ эту дверь и какъ истину. По первоначальной мысли Али-Магомета онъ—дверь, черезъ которую открывается доступъ къ скрытому имаму, къ скрытой истинѣ, но потомъ онъ отожествилъ дверь съ тѣмъ, что скрывается за дверью. Сначала Гуссейнъ усумнился въ религіозномъ достоинствѣ своего бывшаго товарища, но скоро пришелъ къ убѣжденію, что онъ дѣйствительно бабъ и слава о новоявившемся бабѣ, которому было около 25 лѣтъ отъ роду, быстро разнеслась по Персіи [1]).

Около баба собралась значительная толпа приверженцевъ. Въ своихъ рѣчахъ Али-Магометъ бичевалъ предъ своими новообращенными послѣдователями несправедливость властей, безнравственность шіитскихъ духовныхъ, корыстность, вообще все дурное и говорилъ, что приближается новая эра счастья и справедливости. Въ послѣднемъ, понятно, заключалась могучая подкупающая сила проповѣди. Фантастиче-

[1]) О бабизмѣ см. *Мирзы-Казем-Бека*—Бабъ и бабиды, *Уманца*—очеркъ религіозно-философ. мысли въ исламѣ, *Брауна*—бабъ и бабиды (Религіозныя вѣрованія... перев. Тимирязева), *Батюшкова*—Бабиды (Вѣстн. Европ. 1897, № 7). Въ хронологіи и подробностяхъ событій у этихъ авторовъ есть противорѣчія.

скія ожиданія распространялись среди персовъ. Между тѣмъ бабъ неожиданно изъ Шираза отправился въ Мекку. Отсюда—прибавленіе хаджи къ его имени, какъ уже ранѣе ему было придано имя кербелляи, какъ паломнику въ Кербеллу.

Вѣсть о появленіи баба распространяла и волновала умы. Рѣчи о томъ, что наступитъ новый порядокъ вещей, соединялись съ осужденіемъ существующаго порядка. Духовенство и правительство увидѣли себя принужденными выступить на борьбу съ новой пропагандой. Нѣкоторые ученики баба были арестованы, подвергнуты наказанію палками, имъ было запрещено проповѣдывать. Когда самъ бабъ по возвращеніи изъ Мекки приплылъ въ Буширъ, онъ былъ схваченъ и отправленъ подъ арестомъ въ Ширазъ. Это было въ сентябрѣ 1845 г., а Али-Магометъ объявилъ себя бабомъ $\frac{30\text{ апрѣля}}{12\text{ мая}}$ 1844 г. (5 Джемъ-эль-Авеля 1260 г. геджры, день возникновенія бабизма). Въ теченіе одного года съ небольшимъ уже образовалась секта и выросло движеніе. Свѣдѣнія о пребываніи баба въ Ширазѣ въ деталяхъ неясны и противорѣчивы. Несомнѣнно, онъ былъ подвергнутъ допросу. Допросъ по обычаю имѣлъ характеръ диспута, и хотя для диспутантовъ непосредственный исходъ такихъ диспутовъ бываетъ предопредѣленъ полиціей, ихъ нравственное значеніе простирается гораздо далѣе и нерѣдко бываетъ діаметрально противоположно тѣмъ цѣлямъ, которыя намѣтили для нихъ устроители. Представимъ себѣ картину этого диспута. Юный аскетъ, ничего не имѣвшій и ни въ чемъ ненуждавшійся, исполненный нѣжности и доброты, строгій ревнитель религіозныхъ требованій, благочестивый паломникъ въ Кербеллу и Мекку, вдохновенный энтузіастъ съ глубокою вѣрою въ коранъ соединявшій не менѣе глубокую вѣру и въ свое дѣло, онъ долженъ былъ привлечь къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кто не былъ лично заинтересованъ въ его осужденіи. Онъ ничего не отвергалъ въ исламѣ, онъ даже арабскій языкъ корана признавалъ священнымъ, правда, онъ выдвигалъ свои сочиненія и придавалъ имъ значеніе откровенія. Но и для тѣхъ, кто въ это не вѣрилъ, сопоставленіе этой претензіи съ другими его качествами только давало право назвать его меджзуб'омъ въ смыслѣ поврежденнаго въ умѣ. Его судьямъ и оппонентамъ трудно было привлечь къ себѣ

симпатіи. Въ осужденіи баба, бичевавшаго своими рѣчами ихъ непригодность для того дѣла, которому они служили, были заинтересованы ихъ алчность, честолюбіе и властолюбіе. Юная аскетическая фигура баба и обрюзгшія, духовно омертвѣвшія физіономіи шіитскихъ муллъ представляли контрастъ слишкомъ невыгодный для послѣднихъ. Съ одной стороны вдохновенныя импровизаціи энтузіаста, съ другой— омертвѣвшая, потерявшая для слуха и сердца жизненное значеніе буква школы. Судьба такой буквы въ религіи вездѣ одинакова и вездѣ печальна. Диспутъ кончился присужденіемъ баба къ наказанію палками и заключенію, однако не въ темницу, а въ домъ главнаго начальника полиціи. Можно догадываться, что послѣдній не особенно стѣснялъ его и очень можетъ быть симпатизировалъ ему. Ученики баба свободно находили къ нему доступъ. Затѣмъ, повидимому, безъ всякихъ затрудненій бабъ оставилъ мѣсто своего заключенія и переселился или бѣжалъ въ Испагань, губернаторъ каковаго города интересовался имъ и покровительствовалъ ему. Это обстоятельство, какъ бы оно ни совершилось, во всякомъ случаѣ показываетъ, что власти не имѣли тогда строгихъ предписаній относительно баба. Однако, когда покровитель баба умеръ, новый властитель, вступившій въ Испагань, немедленно выслалъ баба въ тегеранъ къ тогдашнему шаху Магомету, но первый министръ настоялъ на томъ, что неудобно допустить баба въ столицу и его отправили въ крѣпость Маку; оттуда его снова вызывали въ Тавризъ, снова били палками и опять отправили въ Маку. Но самыя переселенія его изъ однихъ мѣстъ заключенія въ другія обращались на пользу бабизма. Онъ пріобрѣталъ себѣ новыхъ адептовъ въ тѣхъ, кто встрѣчалъ его на пути, и порой таковыми становились самые его конвойные. Въ тюрьмѣ бабъ писалъ свои наставленія, откровенія и толкованія не только на коранъ, но и на Библію. Въ тюрьмѣ, повидимому, онъ написалъ священныя книги бабизма— Бейянъ, Ахсанъ-улъ-Касассье, Китабе-хейякиль и нѣк. др. Изъ Маку бабъ переведенъ былъ въ Черикъ, гдѣ сношенія съ учениками ему сильно были затруднены.

Ученіе баба ревностно пропагандировалъ Мулла Гуссейнъ, предъ которымъ бабъ первымъ нѣкогда открылся въ своемъ высокомъ призваніи. Число приверженцевъ бабизма расло.

Между тѣмъ въ Персіи случилось событіе, которое должно было подѣйствовать ускоряющимъ образомъ на бабистическое движеніе. Въ 1848 г. умеръ Магометъ—шахъ. Смерть шаха въ Персіи обыкновенно влекла за собою анархію. Съ шахомъ обыкновенно падало цѣлое правительство и цѣлая система управленія и не сразу выяснялось, кто станетъ у кормила правленія и какъ будетъ имъ править. Аппетиты, ранѣе сдерживавшіеся, обыкновенно въ эту пору заявляли о себѣ открыто, всевозможные взгляды и мнѣнія высказывались громко. Бабиды захотѣли воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы поднять знамя возстанія. Во главѣ движенія кромѣ Гуссейна стояли мулла Магометъ-Али изъ Балафруша, сейидъ Яхія Дараби, посланный нѣкогда на диспутъ съ бабомъ и закончившій диспутъ признаніемъ своего противника истиннымъ бабомъ и, наконецъ, въ первый разъ въ религіозномъ движеніи ислама въ активной и открытой роли выступила женщина. Это была Куратъ-эль-айнъ (свѣтъ очей). Бабъ выставилъ своимъ тезисомъ, что должно жить не по буквѣ, а по духу закона. Будучи въ существѣ человѣкомъ грамотнымъ и мягкимъ, онъ сообщалъ такой духъ и закону. Онъ отличался нѣжностію и любовію къ дѣтямъ и онъ ратовалъ за попранныя права женщины. Бабу приписываютъ такое положеніе: любите дочерей своихъ, ибо онѣ предъ Богомъ гораздо болѣе возвеличены и любезны, чѣмъ сыновья. Тотъ, кто приметъ это исповѣданіе, не долженъ давать развода. Между вами и женами вашими не должно быть покрывала, даже если бы это покрывало было тоньше древеснаго листка, дабы женщины ничѣмъ не огорчались: это есть для васъ милость Божія. Куратъ-эль-айнъ была прекрасно образована съ точки зрѣнія тогдашней персидской культуры, она была и прекрасна и сама — обстоятельство, которое тоже нельзя игнорировать при сужденіяхъ о религіозныхъ движеніяхъ и соціальныхъ событіяхъ. Она была блестящимъ ораторомъ и недурнымъ поэтомъ. Бабиды поручили ей произнести публичную рѣчь о бабизмѣ. Она должна была говорить о новомъ откровеніи и наступающемъ царствѣ правды. Но уже самый фактъ появленія на городской площади красавицы безъ покрывала и на каѳедрѣ былъ новымъ откровеніемъ для обступившей каѳедру толпы Рѣчь Курратъ воспламенила многихъ.

Произошли возстанія бабидовъ, призывавшія принять новую вѣру и бороться противъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, поддерживавшихъ суевѣріе и деспотизмъ. На престолъ вступилъ Наср-эдинъ. Ему пришлось выдержать упорную борьбу съ бабидами, которая закончилась кровавымъ истребленіемъ бабидовъ въ Астане-шейх-Таберсе (Таберси—шіитскій святой, гробница котораго находится въ мѣстности между Эльбрусомъ и Каспійскимъ моремъ), Зенджанѣ, Ниризѣ. Бабъ, который не могъ принимать активнаго участія въ возстаніяхъ его приверженцевъ и не могъ руководить этими приверженцами, былъ осужденъ на казнь. Думали, что, убивъ вождя, остановятъ движеніе. Обвинительный вердиктъ былъ произнесенъ въ Тавризѣ. Вмѣстѣ съ бабомъ были осуждены его два любимые ученика Гуссейнъ изъ Іезида и Ака-Магометъ-Али изъ Тавриза. Гуссейнъ отрекся отъ бабизма, и ему была возвращена жизнь и свобода. Полагаютъ и можно навѣрное утверждать это, что Гуссейнъ поступилъ такъ по согласію съ бабомъ: нужно было передать бабидамъ послѣднія писанія и наставленія баба. Еслибы погибли всѣ сотоварищи по тюрьмѣ, погибло бы и послѣднее духовное завѣщаніе баба. Отреченіе Гуссейна должно было спасти его, и Гуссейнъ, получивъ свободу, немедленно отправился въ Тегеранъ къ бабидамъ, они приняли его какъ принесшаго благовѣстіе, и видно, что никто и никогда изъ бабидовъ не думалъ считать его дѣйствительнымъ отступникомъ. Баба и Магомета-Али постановили разстрѣлять. При совершеніи казни произошло обстоятельство, которое чуть было не стало чудомъ, но однако не стало имъ. Солдаты дали ружейный залпъ въ баба и Магомета, которые были привязаны за веревки. Когда разсѣялся дымъ отъ залпа, увидѣли, что трупъ Магомета виситъ, а баба нѣтъ. Бабъ исчезъ. Дѣло въ томъ, что пули перебили веревки, которыми былъ связанъ бабъ, и не тронули его. Когда баба увидали невредимымъ, многіе изъ бросавшихъ въ него ранѣе каменья готовы были признать его за пророка. Но на его несчастье исполнителями казни были христіане, они изслѣдовали дѣло, снова схватили баба, и приговоръ надъ нимъ приведенъ былъ въ исполненіе.

Но смерть баба не остановила движенія. Вѣдь движеніе привязывалось только къ личности баба, но не въ немъ

была его сила и его жизненный нервъ. Движеніе поднималось противъ строя жизни, противъ порядковъ, противъ закоснѣлыхъ и для многихъ тягостныхъ обычаевъ. Судьба такихъ движеній не зависитъ отъ судьбы одного лица. Поскольку теоріей для дѣла бабидовъ требовался бабъ, его легко можно было найдти и придумать. Самъ бабъ уже создалъ организацію изъ 19 членовъ заправлявшихъ дѣломъ бабизма, въ каковой организаціи на мѣсто выбывшихъ ставили новыхъ членовъ. Бабъ говорилъ о томъ, что будутъ новыя откровенія и новые пророки. А если такъ, то значитъ и на его мѣсто можно поставить новаго баба. Въ 1852 г. одинъ изъ глубокихъ почитателей баба Садихъ сдѣлалъ попытку убить Насрэддина, надѣясь, конечно, что послѣдующая революція повернетъ дѣло въ пользу бабизма. Но попытка не удалась. Шахъ былъ слегка раненъ, о чемъ узнали уже послѣ, такъ какъ, получивъ рану, онъ по свидѣтельству очевидцевъ, даже не поморщился. Садихъ былъ убитъ на мѣстѣ преступленія. А на бабидовъ было воздвигнуто ужасное гоненіе. Была пущена въ ходъ особая и своеобразная мѣра для подавленія бабизма. Арестованныхъ и осужденныхъ первый министръ раздавалъ сословіямъ, учрежденіямъ, заявляя, что по роду той смерти, которымъ они казнятъ преступника, правительство будетъ судить о ихъ вѣрноподданничествѣ. Понятно, какими мѣрами низость и лесть пожелали засвидѣтельствовать свою вѣрноподданность. Посредствомъ ужасныхъ пытокъ бабидовъ отправляли на тотъ свѣтъ. Было бы униженіемъ для животныхъ проявлявшуюся при этомъ жестокость называть звѣрскою. Бабиду Сулейману вырвали всѣ зубы и затѣмъ вбили ихъ ему въ темя. Бабидами заряжали пушки и стрѣляли изъ нихъ. Въ этотъ ужасный годъ погибъ Гуссейнъ, мнимо отрекшійся отъ бабизма. Была обезглавлена Курратъ, ея тѣло брошено въ колодезь; ея религіозные канты, мистико-философскія сочиненія были впослѣдствіи напечатаны и пользуются большимъ уваженіемъ у бабидовъ.

Преемникомъ баба долго считался мирза Іахая. Онъ былъ любимымъ ученикомъ баба и тотъ прозвалъ его Субхе-езель (утро вѣчности), но впослѣдствіи приматство его сталъ оспаривать старшій братъ Беха-улла, утверждавшій, что именно его бабъ хотѣлъ видѣть своимъ преемникомъ и его разу-

мѣлъ, говоря о появленіи менгуцхи-рухъ-хуллахъ (человѣкъ, которому откроетъ, т. е. истину, Богъ). Бабиды вслѣдствіе гоненія, не уменьшавшіеся въ Персіи, разсѣялись еще и по Турціи. Здѣсь и жили оба главы бабизма, заставившіе раздѣлиться бабидовъ на бехаидовъ и езелидовъ. Какая изъ партій восторжествовала, можно уже видѣть изъ того, что, наприм., изслѣдователь бабизма Аракельянъ называетъ теперешній бабизмъ бехаизмомъ. Число езелидовъ по своей статистикѣ онъ опредѣляетъ всего въ 10,000. Беха увлекъ за собою бабидовъ, онъ сталъ учить, что бабъ по отношенію къ нему былъ тоже, что Іоаннъ Креститель къ Іисусу. Въ своихъ посланіяхъ къ послѣдователямъ онъ называлъ себя истиною, которую ожидалъ родъ человѣческій, отцомъ, о которомъ предсказано, что онъ сойдетъ съ неба. Онъ умеръ въ 1892 г., назначивъ своимъ преемникомъ своего старшаго сына Аббаса-Эфенди, придавши ему имя Кусне-Аземъ (великая вѣтвь). Аббасъ и является теперь главою бабидовъ, своимъ вѣрнымъ онъ время отъ времени посылаетъ посланія—риссалейэ-сіассіэ (письма о политикѣ), въ которыхъ повидимому слѣдуетъ принципамъ своего отца. Бабизмъ растетъ теперь. Смерть Насрэддина въ 1896 г. отъ руки убійцы внушила было мысль, что онъ погибъ отъ бабида, но потомъ оказалось, что убійца былъ вовсе не бабидъ. Наслѣдовавшій Насрэддину Музаферэддинъ не сталъ преслѣдовать бабидовъ. На улучшенія участи бабидовъ еще раньше уже повліяли представленія русскаго правительства. Лѣтомъ 1903 года произошли однако снова въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Персіи кровавыя расправы съ бабидами, но затѣмъ до лѣта 1904 г. слухи и о такихъ печальныхъ явленіяхъ замолкли.

Ученіе бабизма не оставалось неизмѣннымъ и не принижалось по мѣрѣ того, какъ становилось исповѣданіемъ большаго и большаго числа лицъ. Напротивъ, оно возвышалось и облагораживалось. Бабъ по началу былъ правовѣрнымъ суфіемъ, правовѣрныхъ онъ противопоставлялъ неправовѣрнымъ, онъ всецѣло проникнутъ былъ духомъ арабскаго ислама. Арабскій языкъ онъ считалъ священнымъ. Свойства Божія въ коранѣ обозначаются словами, сумма цифръ соотвѣтствующихъ буквамъ которыхъ нерѣдко равна 19 (единъ=уахидъ 19, абсолютенъ—вуджудъ=19, хей—живой=18, но Онъ живой одинъ 18+1=19; произведеніе уахидъ на

вуджудъ 19×19=361 соотвѣтствуетъ суммѣ цифръ слова *все*-хуллу-шейшлъ). Девятнадцатичастное дѣленіе бабъ положилъ въ основу всего. Свою книгу „беянъ“ (откровеніе) онъ раздѣлилъ на 19 главъ. Годъ раздѣлилъ на 19 мѣсяцевъ по 19 дней въ каждомъ, къ этому прибавляется еще 5 дней предъ послѣднимъ мѣсяцемъ поста (въ которые особенно рекомендуются милостыня и добрыя дѣла). Во главѣ своей общины онъ поставилъ совѣтъ 19, названный имъ „согласіе“. Самъ онъ назывался исходной точкой, а остальные—буквами жизни. Воззрѣнія баба, какъ вообще суфіевъ, склонялись къ пантеизму. Все исходитъ отъ Бога, зло, это—случайное отклоненіе отъ правильнаго мірового порядка. Бабъ хотѣлъ измѣнить соціальный и государственный строй. Обязательныя подати онъ хотѣлъ замѣнить добровольными взносами. Мужчинъ и женщинъ онъ хотѣлъ уравнять въ правахъ. Но за исключеніемъ этого онъ сохранялъ традиціи ислама. Субхе-Езель повидимому не имѣлъ въ виду двигать реформу ислама далѣе. За то Беха двинулъ ее далеко.

Ихтихадъ и иттифакъ—солидарность и единство (человѣчества,) выдвинуты имъ, какъ руководящія начала для бабидовъ. Бабиды должны основать „царство сердецъ“. Всѣ люди—братья и у всѣхъ нихъ одно отечество—земля. Къ этому должно быть привели бабидовъ знакомство съ Новымъ Завѣтомъ и разселеніе внѣ Персіи, гдѣ порою они встрѣчали къ себѣ болѣе доброе отношеніе, чѣмъ на родинѣ. Теоретически бабиды—космополиты. Всѣ народы хороши предъ Богомъ; нѣтъ народовъ избранныхъ, каковыми считаютъ себя евреи и мусульмане, бѣлая, желтая, черная раса равны. Женщина должна быть уважаема и должна пользоваться правами. Брака не должно быть безъ согласія на него брачущихся. Одобряется единобрачіе и въ случаѣ безплодія жены дозволяется брать другую, но не отвергая первой. Наложничество (сига) запрещается. Мужъ можетъ оставлять домъ лишь съ согласія жены, послѣ произвольнаго девятимѣсячнаго отсутствія мужа жена можетъ выйдти за другого. Въ случаѣ прелюбодѣнія разрѣшается разводъ. Имущество умершаго раздѣляется на 2520 частей дѣтямъ мужского и женскаго пола поровну; 480 частей — вдовѣ; 420 частей—отцу умершаго, 360 частей—его матери; 300 частей его братьямъ; 240—сестрамъ; 180 частей—учителямъ

дѣтей. Если какихъ-либо наслѣдниковъ нѣтъ, то 1/3 ихъ части отдается дѣтямъ умершаго, а 2/3 отдаются въ домъ справедливости—беитъ-адлье. По этому распредѣленію, не смотря на всѣ его подробности, неясно, однако, какъ выдается наслѣдство, если жена не одна. Затѣмъ изъ этого распредѣленія слѣдуетъ, что если у имущества покойнаго будетъ единственный наслѣдникъ (сынъ или дочь), то и тогда къ нему перейдетъ менѣе половины наслѣдства. Обогатится беитъ-адлье. Это учрежденіе представляетъ собою организацію изъ выбранныхъ наиболѣе почтенныхъ 10—20 лицъ, вѣдующихъ судомъ, дѣлами общины и воспитаніемъ сиротъ и бѣдныхъ дѣтей, каковое воспитаніе составляетъ предметъ общественной заботы. Дозволяются браки между лицами различныхъ національностей. Рабство и торговля рабами сурово осуждается. Теорія братства народовъ привела къ признанію необходимости изученія новыхъ языковъ. Таже теорія заставила отвергнуть священную войну. Строго регламентируя семейное, общественное, вещное право, вопросъ о государственномъ строѣ бабизмъ рѣшаетъ такъ, что бабиды должны повиноваться законамъ той страны, въ которой живутъ. Особенно въ этомъ отношеніи поучительны разсужденія нынѣшняго главы бабизма Аббаса, въ своихъ письмахъ о политикѣ, какъ руководственныя начала, онъ цитируетъ слова Писанія: „отдавайте Кесарево кесарю и Божіе Богу“ (Лк. 20, 25) и „прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ“ (1 Тим. 2, 1—2). Понятно, что разъ вожди бабизма хорошо знакомы съ христіанскимъ Священнымъ Писаніемъ, то на ихъ нравоученіи долженъ былъ отразиться духъ этого Писанія. Бабизмъ, рекомендуя гуманныя и благородныя правила, запрещаетъ ложь, лесть, цѣлованіе руки у духовныхъ лицъ. Но въ рядъ такихъ постановленій врываются иныя совсѣмъ иного духа и характера: не одобряются безбрачіе и аскетизмъ, дозволяется *такіе*—лицемѣрное отреченіе отъ своей вѣры.

Культъ бабизма представляетъ въ общемъ несущественныя отступленія отъ традиціоннаго культа мусульманъ. По самымъ своимъ принципамъ бабизмъ не допускаетъ рѣзко

подчеркивать свое отличіе отъ другихъ. Такъ Беха, представляя бабидамъ полную свободу въ одеждѣ и вообще внѣшности, рекомендовалъ имъ не служить посмѣщищемъ для глупцовъ. Но для глупцовъ служитъ посмѣщищемъ всякій, кто по внѣшности не походитъ на нихъ; мораль отсюда понятна: нужно приспособляться къ глупцамъ. Какъ и у всѣхъ мусульманъ, у бабидовъ существуетъ обрѣзаніе. Вмѣсто пяти ежедневныхъ намазовъ у нихъ предлагается три. Ихъ кебла есть Акка, мѣсто изъ котораго Беха былъ лишенъ права выѣзда и которое поэтому онъ называлъ своей тюрьмой. Вотъ—главная бабидская молитва. „Я исповѣдую, Боже, что Ты открылъ мнѣ солнце истины; я свидѣтельствую, что нѣтъ никакой иной истины кромѣ той, которую Ты мнѣ открылъ. Я исповѣдую, что никто не можетъ ни восхвалить Тебя, ни представить. Боже, не отвергни человѣка, упованія котораго прилѣпляются къ Твоему лону". Общественная молитва совершается или въ бабидскихъ мечетяхъ—макрикъ-улъ-Ацкеръ—востокъ молитвъ или въ частныхъ домахъ. Собравшись на молитву, бабиды садятся и громко совершаютъ короткое моленіе, поютъ религіозные гимны по персидски, арабски, турецки, читаютъ произведенія баба или Бехи, точно также Библію и коранъ и пытаются ихъ истолковывать. Съ молитвою у нихъ соединяются чай, кофе и кальянъ. Важныя событія жизни тоже, понятно, освящаются молитвою. Такъ черезъ 6 или 7 дней послѣ рожденія новорожденному на ухо прочитываютъ короткую молитву и призываютъ на него благословеніе Божіе. Умершаго обмываютъ, совершаютъ молитвы, обертываютъ въ 6 кусковъ полотна или шелка и заключаютъ въ деревянный, каменный или стеклянный гробъ. Шелкъ и стекло считаются заслуживающими предпочтеніе. Паломничество по представленіямъ бабизма можетъ быть замѣняемо пожертвованіями въ бейтъ-адлье. Посту у бабидовъ посвящаютъ 19 дней девятнадцатаго мѣсяца. Какъ и рамазанъ, онъ состоитъ въ неупотребленіи пищи и питья лишь днемъ, ночью разрѣшается все. Указываютъ, что бабиды не допускаютъ этими ночами такихъ излишествъ, какъ мусульмане. Но это зависитъ отъ того, каковы мусульмане и бабиды, среди тѣхъ и другихъ могутъ быть и хорошіе и плохіе. Христіанскій элементъ существовалъ въ мусульманствѣ изначала, въ ба-

бизмъ онъ взошелъ въ большей степени, чѣмъ въ коранъ. Моисей, Іисусъ и Магометъ—три пророка, въ которыхъ прежде долженъ повѣрить бабидъ, чѣмъ повѣритъ онъ въ баба или беху. Пророки считаются какъ бы равными. Идеи постепеннаго прогресса и постепеннаго тѣснѣйшаго соединенія съ Богомъ въ бабизмѣ нѣтъ. Но Іисусу Христу усвояется имя Ибнъ-Уллахъ—Сынъ Божій. Имя берется изъ Писанія, но идея имени не выяснена. Эсхатологія бабизма исчерпывается двумя положеніями: существуетъ загробная жизнь и возмездіе за дѣла совершенныя въ земной жизни. Но какъ представлять себѣ посмертную участь человѣка, каковъ ожидающій его судъ, каковы наказанія и награды? На эти вопросы ученіе бабизма даетъ уклончивые отвѣты. Какъ дитя, находясь въ лонѣ матери, не можетъ себѣ представить и понять условій своего абсолютнаго и самостоятельнаго существованія, такъ и человѣкъ въ условіяхъ земной жизни не можетъ представить себѣ, какъ онъ будетъ существовать, порвавъ съ земнымъ прахомъ. Есть въ бабизмѣ (въ коранѣ баба) темные намеки на вѣру въ переселеніе душъ.

Несомнѣнно, бабизмъ характеризуется чертою гуманности. Эта черта привлекаетъ къ нему и подкупаетъ тѣхъ, которые съ нимъ знакомятся. Но обыкновенно въ томъ, что понравилось, не хотятъ видѣть чертъ, которыя не нравятся, и нѣкоторые изслѣдователи бабизма, выдвигая на видъ его гуманный и прогрессивный характеръ, старательно замалчиваютъ его другія стороны. Эти изслѣдователи, держась раціоналистическаго направленія, стараются и бабизмъ представить какъ ученіе раціоналистической гуманности, религіозный придатокъ въ которомъ не существененъ, не играетъ роли и можетъ быть отброшенъ совсѣмъ. Это представленіе совсѣмъ не отвѣчаетъ правдѣ. Бабизмъ есть религія, онъ вышелъ изъ суфизма, его представители были мистиками, онъ признаетъ откровеніе, пророковъ, благодать и молитвы. Бабизмъ учитъ о единствѣ Божіемъ, онъ порицаетъ разсужденія о божественныхъ аттрибутахъ. Бабидъ изъ Смоленска писалъ Мирзѣ-Казембеку:„ знай, что начало религіи есть познаніе Бога. Совершенное познаніе Его заключается въ таухидѣ (мірѣ духовномъ); совершенное же ученіе о таухидѣ заключается въ изолированіи Его отъ аттрибутовъ—по тому

свидѣтельству, что всякій аттрибутъ составляетъ идею внѣ описываемаго предмета. Итакъ, кто приписываетъ Богу какіе-либо аттрибуты (внѣ Его), тотъ ограничиваетъ Его, такъ какъ тотъ считаетъ Его, а кто считаетъ Его, тотъ говоритъ противъ Его предвѣчнаго единства. Но святъ Господь превыше всего того, что говорятъ грѣшники". Здѣсь проповѣдуется единство Божіе, какъ и въ ученіи мутазилитовъ, но его диктуютъ не раціоналистическія соображенія, а мистическая настроенность. О себѣ этотъ бабидъ писалъ слѣдующее: „Двадцать пять лѣтъ тому назадъ сей автоматъ (его физическое существо) также бродилъ въ степи заблужденія и неизвѣстности, происходившихъ отъ множества разногласій и несообразностей въ наружныхъ формахъ религій и исповѣданій. Не могъ бы я ухватиться за что - нибудь и выйдти изъ отчаяннаго положенія, если бы не милости путеводителя несчастныхъ заблудшихъ (Бога). По своей благости онъ надѣлилъ мою земную жизнь изъ чаши умерщвленія (страстей) и изгналъ изъ видимаго царства плоти вліяніе внѣшняго представленія и наконецъ по своей неописуемой милости призвалъ меня въ первобытный (духовный) міръ. Такъ онъ прервалъ мои отношенія съ міромъ привратныхъ (стоящихъ предъ вратами) и привелъ меня къ тому, кто пребываетъ за вратами внутри храма. Итакъ, если бы не благодать свыше, то я былъ бы первый изъ погибшихъ". Въ другомъ письмѣ (первомъ по отношенію къ приведенному) тотъ же авторъ такъ наставляетъ своего адресата. „Миръ жаждущимъ лицезрѣнія Господа, ищущимъ Его. Спросилъ нѣкто о знаніи; ему отвѣчали: знаніе есть нравственное сосредоточіе въ храмѣ мудрости, нужно учиться у обильнаго мудреца; питаться по его назначенію пилюлями премудрости. Черезъ это врачеваніе перейти изъ четырехъ грубыхъ стихій въ четыре свѣтлыя и такимъ образомъ постичь ничтожество видимыхъ формъ, изолировать себя отъ ихъ представленій и соединиться съ своимъ началомъ. Для ищущихъ знанія съ духовной точки видимое разногласіе Ветхаго и Новаго Завѣта и корана непремѣнно уничтожится; тогда они узнаютъ, что на духовныхъ небесахъ пророки и всѣ святые суть одного начала. Въ этомъ началѣ нѣтъ различія, и различіе видимое есть только проявленіе внѣшняго міра. Всеблагій сотворилъ человѣка, конечно, не для знанія

только внѣшняго міра, но и для достиженія сказаннаго средоточія — истиннаго знанія. Достигая это, ты освобождаешься отъ цѣпей чуждыхъ элементовъ (физическаго міра) и созерцаешь въ себѣ великій міръ (духовный); тогда ты не видишь себя въ частности. Видимое солнце одинаково освѣщаетъ 18 тысячъ міровъ (по мусульманской системѣ міра), но въ этомъ хаосѣ кто созерцаетъ занимаемую имъ степень, тотъ пойметъ, что и онъ и весь міръ преходящи. Если онъ кинетъ взоръ на самого себя (на свою внѣшнюю форму), то увидитъ, что онъ среди восемнадцати тысячъ формъ не другое что, какъ вѣчный прахъ. Тогда-то онъ припомнитъ слова: вотъ вамъ обѣщанный адъ. Съ твоей стороны усердное изслѣдованіе (истины), а со стороны истины (Бога)—влеченіе (благодатная помощь). Миръ вамъ всѣмъ и милосердіе Бога и Его щедроты".

Очень можетъ быть, что авторъ писемъ былъ не вполнѣ правовѣрнымъ бабидомъ, но содержаніе его писемъ вполнѣ гармонируетъ съ произведеніями вождей бабизма и отражаетъ въ себѣ ихъ духъ. Никакая религіозная община въ ея цѣломъ не можетъ, конечно, проникнуться такимъ мистическимъ настроеніемъ—оно удѣлъ немногихъ,—но разъ оно существуетъ и вмѣстѣ съ нимъ признаются и духовныя лица, и Священныя Писанія, и особое исповѣданіе вѣры, то ясно, что здѣсь имѣются на лицо всѣ специфическіе признаки религіи. Бабидъ при встрѣчѣ съ другимъ бабидомъ говоритъ: Аллаху-акберъ — Богъ великъ. Другой ему отвѣчаетъ: Аллаху-аазамъ—Богъ всемогущъ. Привѣтствуютъ они другъ друга еще и словами: мерхебенъ-бихъ—благосостояніе тебѣ. Но эти формы привѣтствія употребляются только между бабидами, не бабидовъ ими не привѣтствуютъ. Такимъ образомъ, признавая за всѣми людьми равное право на обладаніе истиной, бабиды смотрятъ на себя, какъ на обособленную общину, содержащую истину. Бабиды не то, что мутазилиты. Они не похожи на христіанскихъ раціоналистовъ въ Западной Европѣ, ни на раціоналистовъ буддійскихъ далекой Японіи. Замѣчаемое у нихъ стремленіе къ свѣту, къ прогрессу не соединяется съ отрицаніемъ молитвы. Да и стремленіе къ просвѣщенію у нихъ далеко еще не перешло въ дѣйствительное просвѣщеніе. У нихъ фигурируютъ мистическіе перстни, другіе талисманы, грубыя суевѣрія. Бу-

дучи явленіемъ религіознымъ, бабизмъ въ то же время представляетъ собою явленіе политическое. Недаромъ нѣкоторыя стороны гражданскаго права разработаны у него болѣе, чѣмъ собственно право религіозное. Замѣтно, бабиды непрочь произвести государственный переворотъ. Послѣдніе аресты бабидовъ въ Персіи падаютъ на іюнь текущаго 1904 г.; ихъ хотѣли связывать со слухами, кажется, оказавшимися ложными о заговорѣ на жизнь Музафферэддина и бѣгствѣ изъ Персіи одного его сына и брата Магомета-Ризы-Мирзы! Повидимому съ самого начала въ ряды бабидовъ кромѣ религіозныхъ мечтателей и идеалистовъ становились и просто честолюбцы. Это дѣлало бабизмъ менѣе чистымъ, но зато порою болѣе сильнымъ. Честолюбивые вожди для устроенія царства правды въ Персіи привлекали такія средства, какъ подкупъ, обманъ, хитрость. Идеалистически настроенные мистики не умѣютъ пользоваться такими средствами. Можно думать, что въ настоящее время община или секта бабидовъ или нѣчто гораздо большее, чѣмъ община и секта, заключаетъ въ себѣ много весьма разнородныхъ элементовъ. Они объединены между собою не тѣмъ, что утверждаютъ, а тѣмъ, что отрицаютъ. Ихъ объединяетъ недовольство существующими порядками. Музафферэддинъ обнаружилъ стремленіе къ преобразованію этихъ порядковъ и къ введенію европейскаго просвѣщенія въ Персію. Онъ самъ превосходно владѣетъ французскимъ языкомъ. По его иниціативѣ въ Таризѣ издается газета „Насыри“, проводящая идеи европейской культуры. Онъ устроилъ высшее военное училище по новому образцу, сталъ преобразовывать армію, но, повидимому, съ точки зрѣнія бабидовъ онъ всетаки недостаточно энергиченъ въ дѣлѣ введенія культурныхъ реформъ. Не дѣло того, кто пытается слѣдить за религіозною жизнію, предсказывать политическія событія, но порою можно предвидѣть религіозныя слѣдствія такихъ событій. Если какимъ бы то ни было путемъ въ Персіи явятся тѣ государственныя реформы, которыя желательны бабидамъ, то бабизмъ, потерявъ политическій смыслъ существованія, какъ религіозная община скоро распадется на нѣсколько рѣзко различающихся между собою сектъ.

8.

Въ ряду великихъ религій исламъ хронологически занимаетъ самое послѣднее мѣсто. За шесть сотъ лѣтъ до христіанской эры возникъ буддизмъ, приблизительно къ той же эпохѣ относятъ образованіе религій Конфуція, Лаотцы, Зароастра. Черезъ шесть вѣковъ послѣ возникновенія христіанства явился исламъ. Послѣ его возникновенія уже не являлось новыхъ міровыхъ религій. Религіозное развитіе человѣчества повидимому должно бы было идти параллельно нравственному. Совершающееся довольно послѣдовательно усовершеніе государственныхъ законовъ, соціальныхъ воззрѣній и прямо моральнаго кодекса повидимому заставляетъ предполагать, что исламъ морально долженъ стоять выше хронологически ему предшествовавшихъ религій. Но изслѣдователи, даже непризнающіе истинной никакой религіи, принуждены утверждать фактъ, что исламъ въ вопросѣ о религіознонравственныхъ понятіяхъ дѣлаетъ шагъ назадъ не только отъ христіанства, но и даже отъ буддизма. Были, правда, попытки поставить исламъ и выше этихъ и вообще предшествовавшихъ ему религій. Такъ взглянулъ въ Россіи на исламъ Вильямъ Фрей (Гнейстъ), исходя изъ теоріи непознаваемаго развитой Спенсеромъ. Міръ, разсуждаетъ Спенсеръ, необходимо требуетъ объясненія своего бытія. Должна существовать нѣкоторая вездѣприсущая всепроникающая сила, которая обусловливаетъ и сохраняетъ міровой строй. Чѣмъ менѣе культуренъ человѣкъ, тѣмъ ближе къ себѣ онъ предполагаетъ такую силу. Непосредственныя проявленія ея дикарь видитъ въ шелестѣ листьевъ, завываніи вѣтра, раскатахъ грома. По мѣрѣ развитія человѣка эта сила какъ бы отступаетъ отъ него. Сначала олицетвореніе этой силы отходитъ въ глубь лѣсовъ и рѣкъ, затѣмъ на солнце и звѣзды, затѣмъ въ особый сверхчувственный міръ, и образъ таинственной силы принимаетъ все болѣе и болѣе возвышенныя очертанія. Однако всѣ попытки приблизить къ человѣческому пониманію этотъ образъ неизмѣнно кончаются однимъ результатомъ: образъ разсѣевается и разрушается, даваемое ему опредѣленіе является contradictio in adjecto, таинственная сила оказывается неисповѣдимой и непознаваемой. Невѣдомый богъ оказывается единственнымъ Богомъ человѣчества.

Люди, хотя и не знаютъ и не могутъ постигнуть его, однако стремятся къ Нему и поскольку стремятся, постольку возвышаются надъ чувственнымъ и непосредственнымъ къ сверхчувственному и безусловному. Это разсужденіе къ религіозной исторіи человѣчества Фрей примѣнилъ такимъ образомъ. Въ древнѣйшую эпоху Богъ близко мыслился къ человѣку. Въ Ветхомъ Завѣтѣ обыкновенно представляется Іегова Самъ непосредственно бесѣдующимъ съ своимъ народомъ и отдающимъ ему распоряженія и приказанія даже въ самыхъ незначительныхъ вещахъ. Въ Завѣтѣ Новомъ Богъ уже отодвигается отъ человѣчества. Между Нимъ и людьми является посредникъ—Сынъ Божій Іисусъ Христосъ. Ему еще приписываются божескія, но усвояются уже и человѣческія качества. Исламъ представляетъ новый моментъ, когда такимъ посредникомъ является просто человѣкъ Магометъ, когда человѣчество поднялось до сознанія, что оно не можетъ непосредственно соприкасаться и входить въ общеніе съ божествомъ и божественнымъ. Эта теорія религіозной эволюціи свидѣтельствуетъ о необыкновенной скромности религіозно-философскихъ и историческихъ познаній автора, но нисколько не содѣйствуетъ пониманію положенія ислама въ ряду религій. Верховное Божество поднималось недосягаемо надъ міромъ и въ образѣ Брамы и раньше въ образѣ Илю и гораздо позднѣе въ неоплатонической концепціи единаго. Наоборотъ, дикари, которыхъ Спенсеръ ставитъ исходною ступенью въ религіозной эволюціи, вовсе не мыслятъ Бога пребывающимъ съ ними и обращающимся съ ними запросто, около себя они предполагаютъ множество вышечеловѣческихъ существъ, отличающихся неособенно значительно отъ человѣка. Ихъ полидемонизмъ въ значительной части есть простая вѣра въ многообразіе формъ разумной жизни, съ которыми приходится считаться человѣку. Наконецъ, еслибы исламъ былъ высшимъ моментомъ религіозной эволюціи, онъ былъ бы принятъ расами высшей культуры. Этого не случилось и не видно никакихъ признаковъ, которые давали бы основаніе для предположенія, что это можетъ случиться.

Исламъ не есть ни религія дикарей, ни религія культурныхъ расъ. Онъ поднимаетъ дикарей изъ ихъ состоянія, которое на самомъ дѣлѣ только иронически можно называть естественнымъ, но самъ въ себѣ онъ не заключаетъ стиму-

ловъ, чтобы расы вышедшія изъ дикаго состоянія побуждать стремиться къ достиженію высшихъ ступеней развитія. Среда, въ которой распространялся исламъ въ первые вѣка своего существованія, въ значительной части уже слышала о Христѣ и Евангеліи, и исламъ предложилъ этой части вмѣсто болѣе совершеннаго менѣе совершенное. Среда, въ которой исламъ преимущественно распространяется теперь—черный африканскій материкъ—поднимается исламомъ отъ грубыхъ религіозныхъ представленій и жестокихъ формъ жизни — къ болѣе возвышенной религіи и несравненно болѣе мягкой морали. Но не только для этихъ расъ исламъ явился полезнымъ, позволительно думать, что онъ былъ благотворенъ и для тѣхъ народовъ, среди которыхъ распространялся сначала. Эти народы явно упорствовали въ усвоеніи евангельскихъ идеаловъ. Они не хотѣли смягчить свои души для воспріятія новозавѣтной благодати, въ такомъ случаѣ для нихъ было полезно иго ветхозавѣтнаго закона. Его на нихъ и возложилъ Магометъ. Въ коранѣ много ветхозавѣтнаго. И если черезъ тысячу и болѣе лѣтъ послѣ христіанскаго благовѣстія ветхій завѣтъ оказывается для многихъ удобнѣе новаго, то для насъ должно стать понятнымъ, что за полторы тясячи лѣтъ до Христа то, что содержится въ Моисеевомъ законѣ, должно было получить божественную санкцію, какъ наиболѣе совершенное изъ могущаго быть усвоеннымъ тогдашнимъ человѣчествомъ. Въ ветхомъ завѣтѣ есть требованія высочайшей нравственной силы (не пожелай), но рядомъ съ ними раздаются суровыя и жестокія приказанія. Кто хочетъ осуждать ихъ, тотъ не хочетъ понимать исторію, и кто хочетъ оправдывать Магомета ссылками на Давида, тотъ забываетъ, что между ними лежитъ разстояніе болѣе чѣмъ въ полторы тысячи лѣтъ и что тысячелѣтія для людей не должны проходить безслѣдно.

Исламъ есть отступленіе въ сторону ветхаго завѣта въ эпоху завѣта новаго. Тѣмъ, которые не знали этихъ завѣтовъ или по крайней мѣрѣ не хотѣли ихъ знать и однако захотѣли принять исламъ, онъ во всякомъ случаѣ далъ много добраго и полезнаго. Исламъ не можетъ быть исповѣдуемъ ни расами совершенно некультурными, ни расами культурными, эта религія есть удѣлъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ ступеней развитія и несомнѣнно нѣкоторыхъ особенностей

въ характерѣ націи. Распространенность ислама показываетъ, что тотъ духовный масштабъ, которому онъ удовлетворяетъ, служить мѣрою духовнаго совершенства для многихъ.

По приблизительному подсчету на землѣ теперь живетъ около 1550 милліоновъ людей. Возможна въ этой цифрѣ ошибка до 200 милліоновъ, но едвали болѣе. Число мусульманъ по различнымъ опредѣленіямъ заключается между 170 и почти 300 милліоновъ. Если взять максимальную цифру для опредѣленія числа людей и минимальную для опредѣленія числа мусульманъ, то и тогда мы получимъ, что число послѣднихъ превышаетъ одну десятую часть человѣчества и при этомъ нельзя игнорировать, что число номинальныхъ и индифферентныхъ между мусульманами меньше, чѣмъ между послѣдователями другихъ религій. Но вообще сравнительно наиболѣе провѣренныя и новѣйшія данныя назначаютъ для мусульманъ цифру болѣе чѣмъ въ 200 милліоновъ. Вотъ сравнительныя таблицы относительно распространенія ислама представленныя Фурнье-де-Фле парижскому конгрессу по исторіи религій въ 1900 году [1]).

		По Фурнье.	по Revue de l' Islam 1897.	по Church Atlas 1895.
	Европа	7.600000	10.700000	5.750000
Азія	Малая Азія	13.000000	14.000000	
	Аравія	4.000000	12.000000	
	Средняя Азія	8.000000	12.000000	
	Русская Азія	7.000000	7.000000	160.000000
	Индія	60.000000	58.000000	
	Персія	8.000000	9.000000	
	Китай	21.000000	21.000000	
Африка	Сѣверная Африка	25.000000	31.000000	
	Суданъ	14.000000	15.000000	40.000000
	Конго и Гвинея	20.000000	40.000000	
	Южная Африка	10.000000	16.000000	
	Океанія	14.000000	37.000000	
		214.600000	282.700000	205.750000

Въ этихъ статистическихъ расчисленіяхъ невѣренъ итогъ только у автора доклада. Подсчетъ показываетъ, что вся

[1]) E. Fournier de Flaix—La statistique des Religions à la fin du XIX-e siécle (Actes du premier congrès international d' histoire des Religions).

сумма мусульманъ у него должна равняться 211.600000. Онъ два раза приводитъ свой разсчетъ, но во второй разъ у него получается совершенная путаница. Обозначивъ число мусульманъ въ Европѣ 7.600000, въ Азіи—121.000000, въ Африкѣ —69.000000, онъ на мѣсто Океаніи ставитъ свой прежній итогъ 214.600000. Если пропущенное число мусульманъ Океаніи обозначить черезъ 17 милліоновъ, тогда итогъ будетъ вѣренъ. Тогда только нужно допустить опечатку (поставлено 4 вмѣсто 7) въ ранѣе приведенномъ разсчетѣ. Во всякомъ случаѣ авторитетъ приведенныхъ изданій заставляетъ думать, что число мусульманъ нужно обозначать болѣе, чѣмъ двумя стами милліонами. Значитъ болѣе тринадцати процентовъ населенія земнаго шара оказывается мусульманами. Въ Россіи это процентное отношеніе нѣсколько меньше. Все населеніе Россіи приблизительно равно 130 милліонамъ. Мусульманъ въ Россіи болѣе четырнадцати милліоновъ. Такимъ образомъ они составляютъ болѣе одиннадцати процентовъ населенія. Распредѣлены они у насъ очень неравномѣрно. По статистикѣ Фурнье 7 милліоновъ мусульманъ приходится на русскую Азію, по русскимъ статистическимъ даннымъ эта цифра приходится на русскую среднюю Азію, гдѣ мусульмане составляютъ болѣе 90 процентовъ всего населенія. Кромѣ того ихъ еще болѣе ста тысячъ въ Сибири. Мусульмане составляютъ болѣе трети населенія Русскаго Кавказа, на Кавказѣ ихъ немного менѣе четырехъ милліоновъ, между тѣмъ какъ все населеніе не болѣе девяти съ половиной милліоновъ.

Это говорятъ намъ цифры. Но цифры безъ поясненій могутъ показаться неясными. Если въ какомъ-либо государствѣ одиннадцать процентовъ населенія остаются неграмотными, то мы вѣдь отлично понимаемъ, что этотъ процентъ можетъ быть уничтоженъ очень скоро, лишь только въ бюджетѣ расходовъ будетъ увеличена соотвѣтствующая статья. Неграмотность, некультурность есть нѣчто отрицательное, это—мракъ, разсѣять который свѣтомъ въ извѣстныхъ случаяхъ можно за опредѣленныя деньги. Религія есть сила положительная, которая можетъ бороться и съ образовательными стремленіями и съ государственными порядками. Сила религій опредѣляется не числомъ только ея послѣдователей, но тѣмъ еще, насколько она внѣдрена и укоренена въ каждомъ

изъ послѣдователей. Религія можетъ стать мертвою, можетъ оказаться аксессуаромъ въ жизни, нужду въ которомъ никто не чувствуетъ, но который сохраняется по традиціи. Исламъ— не такая религія. Ея послѣдователи въ общемъ убѣжденные, вѣрующіе люди. Факты недавняго прошлаго и настоящаго убѣждаютъ въ этомъ.

Россіи до шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія пришлось вести упорную борьбу съ мусульманами на Кавказѣ. Русское правительство не имѣло своею задачею воздвигать гоненія на исламъ, но послѣдователи ислама признали для себя обязательнымъ во имя религіи вести *газаватъ* (священную войну) съ гяурами и во чтобы то ни стало освободиться отъ ихъ власти. Начало этому движенію положилъ имамъ Кази-Мулла въ 1827—1829 гг., онъ погибъ, погибъ его преемникъ по имамству Гамзанъ-Бекъ, тогда выдвинулся Шамиль, въ теченіе болѣе, чѣмъ четверти вѣка ведшій упорную борьбу съ русскими. Война съ невѣрными даетъ спасеніе души въ загробномъ мірѣ и будетъ имѣть своимъ результатомъ пріобрѣтеніе свободы и самостоятельности въ мірѣ земномъ. Таково положеніе Шамиля, и несомѣнно первое изъ нихъ одушевляло многихъ не менѣе, чѣмъ второе. Тѣмъ болѣе, что тотъ строй, который вводилъ имамъ Шамиль самъ по себѣ пожалуй, представлялъ болѣе посягательствъ на свободу, чѣмъ требованія русскаго правительства. Русское правительство въ общемъ разрѣшало жителямъ Кавказа жить и управляться по адату — обычному праву. Шамиль на мѣсто адата упорно выдвинулъ шаріатъ. Горцы распадались на самостоятельныя и независимыя племена. Шамиль объединилъ ихъ и подчинилъ неограниченной власти имама, которая была признана наслѣдственной. Шамиль создалъ теократическое управленіе на Кавказѣ. Онъ раздѣлилъ его на округа, которыми управляли наибы, помощниками ихъ были мюриды — сподвижники Шамиля въ газаватѣ. При наибѣ въ каждомъ округѣ былъ судья муфтій, который для цѣлей суда назначалъ еще кади. Теократическій строй Шамиля былъ въ то же время и беллистическимъ. Мужское населеніе почти все представляло собою армію, въ борьбѣ съ этою арміею пролилось много русской крови. Такъ, безъ всякой пользы для дѣла, при занятіи Дарго въ 1845 г. пало русскихъ 3031 человѣкъ. Борьба съ

Шамилемъ и его приверженцами закончилась лишь въ 1859 г., когда самъ имамъ былъ захваченъ въ плѣнъ и препровожденъ въ Россію. Плѣнъ его впрочемъ былъ почетнымъ. Шамиль не хотѣлъ создать никакого новаго ученія, не давалъ новаго толкованія корана, онъ только хотѣлъ провести глубже въ жизнь и начала ислама. И то обстоятельство, что ему удалось сдѣлать многое, доказываетъ, что вѣра въ коранъ была глубока и сильна у кавказскаго мусульманскаго населенія [1]).

Теперь на Руси исламъ главнымъ образомъ исповѣдуется въ Туркестанѣ. Исламъ въ этой области имѣетъ за собою давность болѣе тысячелѣтія. Здѣсь много дервишей, количество которыхъ всегда служитъ показателемъ того, насколько глубоко исламъ проникъ въ жизнь и сознаніе населенія. Наиболѣе распространены ордена Накшибенди (календери) и Кадріе. Первые совершаютъ зикръ про себя (только), вторые— вслухъ. Дервиши въ Туркестанѣ называются ишанами. Конечно, для устроенія возможныхъ политическихъ движеній на религіозной подкладкѣ нужно содѣйствовать распространенію въ Туркестанѣ знаній чисто учебнаго характера о той государственной силѣ съ которой имъ приходится считаться, и о томъ, что эта сила не имѣетъ въ виду дѣлать на нихъ какія бы то ни было религіозныя посягательства. Тогда не будетъ пищи для фанатизма и для развитія вражды къ христіанской религіи, какъ такой, которую имъ хотятъ навязать насильно.

Въ настоящее время исламъ, конечно, проченъ тамъ, гдѣ онъ наименѣе доступенъ европейскимъ вліяніямъ. Такою страною является Африка. Въ глубь проникаютъ лишь постепенно, съ великимъ трудомъ и ничтожными результатами. Дѣлу распространенія и возвеличенія ислама въ XIX вѣкѣ здѣсь наиболѣе послужилъ Сенусси и бенъ-Ахметъ (обоимъ принадлежитъ имя Магомета). Сейдъ Сенусси, потомокъ пророка, уроженецъ Алжира, въ 1835 г. въ Меккѣ началъ проповѣдывать, призывая мусульманъ къ борьбѣ противъ гяуровъ. Но Мекка слишкомъ доступна для гяуровъ, чтобы подобная проповѣдь могла имѣть успѣхъ. Сенусси перенесъ

[1]) О борьбѣ Шамиля см. *Дубровина*—Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ (6-ой томъ).

свою дѣятельность на Сѣверъ Африки. Его проповѣдь призывала мусульманъ повторить исторію — возстановить могущество и славу ислама. Всѣми мусульманами долженъ управлять верховный имамъ. Таковымъ, понятно, сталъ Сенусси. Правовѣрные должны жить согласно корану, быть воздержными, избѣгать роскоши, готовиться къ борьбѣ съ невѣрными. Резиденціей главы сенусситовъ является теперь дзауйя Джербубъ въ оазисѣ Сивахъ (оазисъ Амона) въ Ливійской пустынѣ. Проникнуть сюда очень трудно, а дѣйствовать отсюда очень удобно. Сынъ Сенусси принялъ имя Махди. Его миссія считается божественной, онъ надѣленъ сверхъестественными дарованіями, силой чудотвореній, находится въ постоянномъ общеніи съ Аллахомъ черезъ посредство Магомета. Пропаганда изъ Джербуба идетъ по всему мусульманскому міру. Сенусситскіе апостолы приходили и въ Туркестанъ и въ Крымъ сообщить правовѣрнымъ, что на сѣверѣ Африки живетъ величайшій пророкъ, глава ислама, который въ имѣющемъ скоро наступить благовременіи выйдетъ изъ своего уединенія, чтобы покорить міръ исламу. Но пока онъ еще не вышелъ изъ Джербуба. Между тѣмъ въ Суданѣ съ великимъ успѣхомъ началъ дѣло пропаганды ислама другой вождь Магометъ бенъ-Ахметъ. Онъ происходитъ не отъ Магомета, какъ родъ Сенусси, онъ сынъ простого плотника, родился въ 1843 г. Своимъ глубокимъ благочестіемъ и аскетическими подвигами онъ рано стяжалъ себѣ извѣстность, какъ человѣкъ святой и избранный Богомъ. Въ Суданѣ стало распространяться европейское (англійское) вліяніе. Особенно надъ дѣломъ европеизаціи Судана старался Гордонъ. Бенъ-Ахметъ былъ выбранъ правовѣрными вождемъ, чтобы бороться съ этимъ вліяніемъ. Въ немъ признали махди—человѣка, который своею справедливостію наполнитъ весь міръ, погрязшій теперь въ безднѣ беззаконія. Бенъ-Ахметъ-махди, Гордонъ-деджаль (мусульманскій антихристъ). Махди поднялъ возстаніе и велъ его съ великимъ успѣхомъ. Гордонъ погибъ. Въ Каирѣ при мечети Азгаръ есть учрежденіе, которое называютъ всемусульманскимъ университетомъ. Эта школа основана въ 990 г. по Р. Х. Отсюда въ средніе вѣка вышли многіе богословы и философы ислама. Сюда и теперь стекаются ищущіе богословскаго познанія мусульмане со всего стараго свѣта. Число слушателей въ школѣ до-

стигаетъ до 10,000 [1]). Профессоры этого мусульманскаго университета сначала было отвергли божественное достоинство суданскаго махди, но потомъ стали менѣе рѣшительно высказываться о немъ, а потомъ послышались у нихъ и двухсмысленныя, а порою и недвухсмысленныя рѣчи въ его пользу. Бенъ-Ахметъ умеръ отъ оспы въ 1885 г. Но у него, какъ у Сенусси, явился преемникъ. Замѣчательно, что сенусситы вовсе не видятъ въ суданскомъ пророкѣ соперника ихъ вождю. Напротивъ, они сочувственно относятся къ возникшему движенію въ Суданѣ. Резиденціей суданскаго махди служитъ теперь Хартумъ, а еще болѣе эль-Обеидъ—пунктъ, проникнуть въ который чрезвычайно трудно. И несомнѣнно, что между Хартумомъ и эль-Обеидомъ съ одной стороны и Джербубомъ — съ другой поддерживаются дружественныя сношенія. У владыки Джербуба могутъ быть нѣкоторыя основанія надѣяться, что впослѣдствіи онъ пожнетъ плоды трудовъ владыки Хартума. Но послѣдній привелъ къ своей власти обширную территорію, представляющую треугольное пространство, ограничиваемое на сѣверѣ по линіи идущей отъ Суакима къ озеру Чадъ, далѣе—по линіи идущей въ югозападномъ направленіи по линіи отъ Чадъ къ озеру Викторія - Ньясса и на востокѣ ограничиваемой линіей идущей отъ озера Викторія къ Суакиму (христіанская Абиссинія остается къ востоку отъ его владѣній). Страну эту защищаютъ отъ европейцевъ не столько воинственное населеніе, сколько ея непроходимость и нездоровый климатъ, которыхъ нельзя побѣдить ни шести, ни двѣнадцати дюймовыми орудіями [2]).

Въ Азіи Турція, Персія, Афганистанъ, Белуджистанъ и Индія заключаютъ въ себѣ много ревностныхъ послѣдователей ислама. Такимъ образомъ исламъ является въ настоящее время и широко распространенной и обладающей еще большою жизненностію религіей.

Въ какихъ отношеніяхъ стоитъ эта религія къ тѣмъ жиз-

---

[1]) О школѣ въ Азгарѣ см. *Крымскаго* и *Миллера* — Всемусульманскій университетъ.... (Древности восточныя. 1903 г. Томъ второй. Выпускъ третій. Москва).

[2]) О мусульманскомъ движеніи въ Африкѣ см. Елисѣева — Махди Судана и царство дервишей. Русское Обозрѣніе 189?, т. I.

неннымъ идеаламъ, которыми руководятся наиболѣе культурные представители человѣчества?

Сужденія объ исламѣ различны. Въ представленіи культурныхъ людей, обычно очень смутно знакомыхъ съ исламомъ, исламъ является религіей фанатизма, полигаміи, освящающей насиліе и произволъ властей, вообще религіей несовмѣстимой съ соціальными и моральными требованіями современнаго міра. Исламъ по этимъ воззрѣніямъ несовмѣстимъ ни съ наукой, ни съ прогрессивными движеніями. Эти взгляды нельзя признать справедливыми. Уже Ренанъ опровергалъ ихъ, хотя и довольно неустойчиво. Не такъ давно реалибитацію ислама принялъ на себя Лейтнеръ въ лекціи „магометанство". Лекція главнымъ образомъ посвящена защитѣ весьма рискованнаго и сомнительнаго тезиса, что будто бы Магометъ набиралъ себѣ женъ, руководясь исключительно самыми идеальными соображеніями о благѣ этихъ своихъ супругъ и вовсе не имѣя въ виду блага личнаго [1]). Въ Россіи защиту прогрессивнаго характера ислама принялъ на себя петербургскій мулла Баязитовъ. Безспорно должно признать, что исламъ можетъ быть совмѣщенъ съ нравственными воззрѣніями и пониманіемъ самыхъ либеральныхъ нашихъ современниковъ. Исламъ вовсе не освящаетъ непремѣнно деспотическаго государственнаго строя, его принципы совмѣстимы съ какимъ угодно государственнымъ правленіемъ. А его нравственныя требованія сами по себѣ таковы, что осуществленіе ихъ при всякомъ государственномъ строѣ дастъ благополучіе жителямъ той страны, гдѣ они приняты. Нужно заботиться о нищихъ, обильно помогать бѣднымъ своей страны, быть добрымъ, немстительнымъ, воздержнымъ. Самая теорія, что женщина ниже мужчины, какъ было указано, обращается въ пользу женщины. Ниже, значитъ слабѣе, а за слабѣйшими нужно больше ухаживать и больше имъ прощать. Многоженство не есть заповѣдь ислама, это есть только допущеніе оговоренное: „если вы боитесь быть несправедливыми къ сиротамъ, не женитесь изъ женщинъ, которыя вамъ нравятся, болѣе какъ на трехъ и четырехъ. Если всетаки боитесь быть несправедли-

[1]) Лейтнеръ—Магометанство (Религіозныя вѣрованія... перев. Тимирязева).

выми, на одной или на невольницѣ“ (сур. 4, 3). Но на самомъ дѣлѣ справедливымъ къ нѣсколькимъ женамъ быть нельзя и потому можно сказать, скрыто въ коранѣ проповѣдуется единобрачіе. Нельзя оспаривать и того, что отступленія въ пользу многобрачія имѣютъ для себя въ коранѣ гуманные мотивы. Новорожденныхъ дѣвочекъ убивали. Вдовамъ, женщинамъ—сиротамъ порою было совершенно некуда дѣваться, роль второстепенныхъ супругъ всетаки привлекательнѣе, чѣмъ участь рабыни или смерть. Давая возможность многимъ стать женами, исламъ тѣмъ самымъ многихъ избавлялъ отъ смерти и участи рабынь. Но при лучшихъ соціальныхъ условіяхъ исламъ въ полномъ согласіи съ буквою корана можетъ рѣшительно запретить многоженство, какъ допущенное условно и по печальнымъ обстоятельствамъ жизни. Исламъ заключаетъ въ себѣ все для того, чтобы признать равенство расъ, націй, сословій и половъ. А фактъ неравенства по принципу корана можетъ быть представляющему отзвукъ наставленія Евангелія налагаетъ большія обязанности на того, кто выше, а не на того, кто ниже. Культъ ислама не заключаетъ въ себѣ никакихъ суевѣрныхъ или жестокихъ обычаевъ (не говоримъ о практическихъ отступленіяхъ отъ этого культа и объ особенностяхъ въ немъ среди разныхъ сектъ), онъ простъ и сводится въ сущности къ молитвѣ къ Богу.

Совмѣстимъ ли исламъ съ наукою? Безъ сомнѣнія, да. Нельзя указать никакой научной теоріи, которая бы стояла въ противорѣчіи съ обязательнымъ исповѣданіемъ вѣры мусульманъ. Всѣ представленія корана о происхожденіи міра, человѣчества, судьбѣ человѣчества, послѣднемъ концѣ можно толковать очень различнымъ образомъ. Можно признавать въ нихъ аллегорію, допустимо разсматривать ихъ, какъ не имѣющія отношенія къ религіи. Догматы ислама въ концѣ концовъ сводятся къ формулѣ: Аллахъ есть Богъ и Магометъ пророкъ Его. Но что Богъ есть Богъ, противъ этого никто не станетъ спорить. Не особенно трудно согласиться и съ признаніемъ Магомета пророкомъ. Что такое пророкъ? Можно различно отвѣчать на этотъ вопросъ, подъ пророкомъ можно разумѣть и разумѣли многіе не человѣка надѣленнаго небесною волею, высшими силами, а человѣка понявшаго небесную волю лучше, чѣмъ другіе. Лѣтъ десять съ чѣмъ то

назадъ Левъ Толстой назвалъ пророкомъ Александра Дюма за одну его статью. Но позволительно думать, что Магометъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ этого имени больше, чѣмъ бульварный французскій писатель. Такимъ образомъ единственный догматъ ислама оказывается не стоящимъ ни въ какомъ противорѣчіи съ наукой и устраняющій повидимому возможность столкновеній съ ней въ будущемъ. Оказывается, что исламъ съ самаго начала достигъ того, къ чему теперь стремятся нѣкоторые христіанскіе богословы—дать возможно болѣе удобопріемлемую формулу соглашенія, — есть Богъ и Іисусъ Его пророкъ, при чемъ представляется возможность слову пророкъ сообщать широко раціоналистическій смыслъ. Если всю вѣру заключить въ такіе краткіе и эластичные символы, то очевидно, можно одновременно быть и христіаниномъ и мусульманиномъ. Однако логичнѣе быть мусульманиномъ, чѣмъ такими христіанами, какъ покойный Ренанъ, нынѣ живущій Альбертъ Ревиль, Левъ Толстой. Дѣло въ томъ, что несомнѣнно историческое христіанство является предъ нами, какъ сложная догматическая система, которую названные и единомышленные имъ мыслители не принимаютъ. Отказываясь принять это историческое наслѣдіе христіанской церкви, они тѣмъ самымъ, думается, лишаютъ себя права именоваться христіанами. Но исламъ они принять бы могли вполнѣ. Въ коранѣ нѣтъ никакихъ догматовъ, подобные которымъ несомнѣнно содержатся въ Новомъ Завѣтѣ. У Ренана въ его трактатахъ отмѣчается, что между современными научными воззрѣніями и кораномъ гораздо легче возможно соглашеніе, чѣмъ между ними и Библіей. Принимающіе исламъ не принимаютъ въ качествѣ историческаго наслѣдія никакой системы догматовъ.

Думается, что тѣмъ, которые, желая оставаться христіанами, пытаются бороться противъ догматизма христіанства, слѣдовало бы поразмыслить надъ значеніемъ бездогматизма ислама. Догматъ есть формула объединенія. Чѣмъ менѣе такихъ формулъ заключаетъ религія и чѣмъ болѣе обще ихъ содержаніе, тѣмъ болѣе возможно объединеніе. Но какой смыслъ этого объединенія? Если при такомъ объединеніи возможны различные взгляды на міръ, на процессъ міровой жизни, его окончательный исходъ, на наше участіе въ этомъ процессѣ, если при этомъ объединеніи у меня съ

людьми одной мнѣ вѣры различны взгляды на цѣли, которыя я долженъ преслѣдовать, и на средства, которыми я долженъ ихъ достигать, то въ чемъ же наше объединеніе? Объединяютъ людей цѣли и принципы, опредѣляющіе цѣли, т. е. догматы и опредѣляемая ими дѣятельность. Чѣмъ больше догматовъ исповѣдуетъ извѣстное общество, тѣмъ должно быть тѣснѣе его единеніе. Идеалъ всякой науки, положимъ, физики состоитъ въ томъ, чтобы дать возможно полное ученіе о своемъ предметѣ и возможно безспорное. Чѣмъ больше будетъ догматовъ въ физикѣ, исторіи, тѣмъ лучше для человѣчества. Догматы—это идеалы, къ которымъ нужно стремиться, а не пугала, отъ которыхъ нужно бѣжать. Конечно, догматы для того, чтобы быть желательными, должны быть истинными. Пусть изслѣдуютъ истинность догматовъ. Но a priori ратовать противъ догматизма, какъ это дѣлается многими писателями и на Руси, то же самое, что ратовать противъ всякихъ научныхъ пріобрѣтеній. Говорятъ, догматъ стѣсняетъ свободу мысли, но то же самое можно сказать о всякой истинѣ. Развѣ положеніе: сила свѣта обратно пропорціонально квадрату разстоянія не стѣсняетъ свободы мысли? Мысль хотѣла бы предположить простую пропорціональность или придумать что-либо еще, но формула физики совершенно уничтожаетъ имѣвшуюся раньше въ ея распоряженіи безконечную сферу предположеній. Въ этомъ смыслѣ всякій фактъ, всякое открытіе стѣсняетъ свободу мысли, потому что дѣлаютъ невозможными множество предположеній. Но на самомъ дѣлѣ у людей разумныхъ они не стѣсняютъ мысли, а даютъ мысли основанія для новыхъ и правильныхъ выводовъ. Таково теоретическое значеніе догматовъ. Если они истины, они плодотворны. Если они ложны, то какъ и ложныя научныя теоріи и ошибочно понятые факты, они приведутъ къ новымъ заблужденіямъ и ошибкамъ. Бездогматизмъ есть безсодержательность. Онъ невреденъ, потому что небытіе не можетъ быть вреднымъ, бездогматизмъ есть проповѣдь незнанія, но человѣчество ищетъ знанія, ищетъ истины.

И въ исламѣ исторически объединяло людей не отсутствіе догматовъ, а какое-либо единство—культа, традиціонныхъ формъ жизни, единство ненависти ко врагамъ, единство благочестивой настроенности. И такъ какъ цѣли были част-

ныя и настроенности субъективныя, то подъ общимъ именемъ ислама и существовали и будутъ существовать исповѣданія взаимно отрицающія одно другое. Тоже самое, скажутъ, существуетъ и въ другихъ религіяхъ, то же самое существуетъ и въ христіанствѣ. Пусть это такъ. Но этого не должно быть. Различіе мнѣній относительно истины показываетъ, что истина не стала общимъ достояніемъ. Но изъ этого нельзя дѣлать вывода, что ни одно мнѣніе не истина. Изъ множества исповѣданій христіанскихъ одно можетъ оказаться истиннымъ. Тогда наука будетъ постольку истиной, поскольку она будетъ въ согласіи съ этимъ исповѣданіемъ. По отношенію къ исламу тѣ, которые ратуютъ за его возможность существованія совмѣстно съ наукой, на самомъ дѣлѣ совершенно не допускаютъ мысли, что наукѣ нужно считаться съ какими-то принципами ислама, они просто разумѣютъ, что его сфера—внѣ науки. Исламъ, какъ теорія, совмѣстимъ съ наукой, потому что онъ, какъ теорія, есть ничто. Культурные покровители ислама—опасные люди, они готовы одобрить исламъ, готовы порою отдать ему предпочтеніе предъ христіанствомъ. Но какъ? Да такъ, какъ предпочитаютъ незнаніе заблужденію, нуль—отрицательной величинѣ. Истинные сторонники ислама, дѣйствительные почитатели корана, считающіе Магомета пророкомъ, получавшимъ божественныя откровенія, не могутъ удовлетвориться такою оцѣнкою ихъ религіи.

Какъ на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ оцѣнивать исламъ [1])?

Безъ сомнѣнія, при сужденіи о немъ нужно различать мораль корана и мораль его послѣдователей. Евангеліе неотвѣтственно за плеть и кнутъ, употреблявшіеся у христіанскихъ народовъ, такъ и коранъ неотвѣтственъ за многое практикующееся у мусульманъ. Что мораль корана неизмѣримо ниже евангельской, этого не нужно доказывать; это всѣмъ покажетъ просвѣщеніе, о распространеніи каковаго и нужно заботиться. Чтеніе корана можетъ доставлять религіозное утѣшеніе человѣку лишь неподнявшемуся до извѣстныхъ стадій развитія. Чтеніе Евангелія тѣмъ болѣе нази-

[1]) Сравн. *Остроумова*—Коранъ и прогрессъ, протоіер. *Аквилонова* — О Божественности христіанства и его превосходствѣ надъ буддизмомъ и махоммеданствомъ, *Ласкѣева*—Исламъ въ его полемикѣ съ христіанствомъ (Странникъ 1904 г.).

даетъ и умиляетъ душу, чѣмъ выше умственно и нравственно развитъ человѣкъ. Было бы однако жестоко при неумѣньи привлечь къ Евангелію отталкивать людей отъ корана. Коранъ во всякомъ случаѣ содѣйствовалъ облагорожению человѣчества и практически оно еще далеко не поднялось до морали корана. Коранъ заслуживаетъ болѣе упрека за свое богословіе, чѣмъ за свою мораль. Во имя религіозно-благочестивыхъ мотивовъ возвышая Бога, коранъ чрезмѣрно унизилъ человѣка, его нравственное достоинство сводится къ нулю, въ коранѣ нѣтъ идеи человѣческаго богоподобія и возможности тѣснѣйшаго богообщенія. Между тѣмъ человѣкъ тяготѣетъ къ Безконечному и только во внутреннемъ интимномъ единеніи съ Безконечнымъ онъ можетъ найдти свое блаженство. Человѣку недостаточно, чтобы Богъ осыпалъ его своимъ милостями; для того, чтобы быть блаженнымъ, ему нужно быть въ Богѣ. Христіанское ученіе обѣщаетъ это вѣрнымъ, оно говоритъ о боговоплощеніи, христіанская религія пріобщаетъ Богу въ своемъ культѣ и обѣщаетъ въ грядущемъ вѣчное единеніе съ Богомъ. Коранъ не знаетъ ничего этого. Но если въ сферѣ нравственной мусульмане ниже корана, то въ сферѣ религіозной, начиная съ Магомета, нерѣдко оказываются выше его: молитва, культъ у нихъ оказываются развитыми. Въ суфизмѣ и институтахъ дервишей исламъ въ противоположность деистической (обособленности человѣка отъ Бога) впадаетъ въ крайность пантеистическую (теорію отожествленія человѣка съ Богомъ).

Какая судьба ждетъ исламъ въ будущемъ?

Никто не знаетъ этого въ настоящее время, но конечно каждый христіанинъ долженъ желать, чтобы народы исповѣдующіе исламъ приняли христіанство. Каждый честный человѣкъ убѣжденный, что онъ пребываетъ въ истинѣ, долженъ желать и стремиться, чтобы и другіе узнали эту истину. Какъ достигнуть этого въ области религіи, какъ убѣдить въ превосходствѣ христіанства надъ исламомъ? Есть для этого могучее миссіонерское средство у христіанъ—жизнь согласная съ требованіями христіанства. Для того, чтобы хорошо, т. е. съ успѣхомъ проповѣдывать о христіанствѣ, христіане должны хорошо жить. Исполненіе одного этого требованія сдѣлаетъ ненужными всѣ гомилетическія и миссіонерскія теоріи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
1. Введеніе.	1—12
2. Магометъ до геджры	12—34
3. Магометъ послѣ геджры	34—56
4. Коранъ	56—88
5. Шаріатъ	88—111
6. Секты ислама, возникшія въ средніе вѣка	111—163
7. Секты ислама, образовавшіяся въ новое время. . .	163—188
8. Современное положеніе ислама.	189—203

